

Выдавец:
ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
N 1-2 (46-47)

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба
Намеснік галоўнага рэдактара
Таццяна Мельнічук

Дызайн, вёрстка
Цімафей Нявінскі, Юлія Андрэева

Фота
Юрый Дзядзінкін
Сяргей Грыц
Архівы ГА «БАЖ»

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны N 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 20.03.2006 г.
Дата выхаду 30.03.2006 г.
Фармат 60x80/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 300 асобнікаў. Заказ N 68.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
пл. Свабоды, 17-304.
Тэл/факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
e-mail: baj@baj.ru,
press@baj.ru
http://www.baj.ru

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП N 02330/0056748 ад 22.01.04 г.
Адрас:
220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл: (017) 203-74-10, 203-53-41
8-029-623-74-10
office@medisont.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку
аўтары нясуць адказнасць за падбор
і дакладнасць фактаў, прыведзеных
у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэ-
рыялы ў парадку абмеркавання,
не падзяляючы пункту гледжання
аўтараў.

Нямыя выбары	2
Бронежилет из бумаги	6
Мы с тобою делаем погоду	9
Архіпелаг Беларусь.....	11
Кино про нас. И наше	16
Трое суток шагать?	18
Быць першым!	20
ТВ по-французски	25
Польская мозаика.....	29
Колбасная правда	35
Творчая брама	39
Наши дипломы могут стать бесполезными	41
Как пройти в библиотеку?	46
Как я была звездой	51
Вандроўка ўздоўж праспекта.....	53
Горкі юбілей	56
Не сотвори себе кумира	59
Легко ли жить с журналистом?	63

Нямья выбары

Палітолагі падкрэсліваюць: любыя выбары, нават пры аўтарытарным рэжыме, які заўжды імкнецца зрабіць з іх імітацыйнае мерапрыемства, тояць у сабе момант крызы. З набліжэннем «крытычных дзён» і пасля вярхі заўжды пачынаюць нервавацца. А тут яшчэ нагналі страху каляровыя рэвалюцыі!

Аляксандр КЛАСКОЎСКИ,
кіраўнік аналітычнай службы
інфармацыйнай кампаніі БелаПАН

У дэмакратычных краінах перадвыбарчая кампанія ставіць грамадства на вушы. Кандыдаты агітуюць за свае праграмы з кожнага праса. Электрызуецца нават той, хто зазвычай цікавіцца толькі півам ды футбольнай суперлігай.

Гэтая часіна — раздолле для прэсы. Журналіст купаецца ў інфармацыйных нагодах, рыхтуе вострыя інтэрв'ю, перадае чытачам ці глядачам энергетыку мітынгаў — карацей, пачуваецца ў сваёй стыхіі.

Так — усюды, але не ў нас.

Бо нам гэтага не трэба. Няма чаго псаваць стабільнасць нездаровымі жарсцямі. Хіба і без таго не зразумела, хто самы дастойны? А хто сумняваецца ды яшчэ, крый Божа, звягае пра нейкую джынсавую рэвалюцыю, таму АМАП хутка мазгі ўставіць.

Палёты з пагрозай жорсткіх разборак

Зрэшты, трэба аддаць належнае нашым уладным стратэгам: з урокаў Майдана яны сёе-тое наматалі на вус. Пратэставыя імпульсы вырашана душыць у зародку.

Праўду кажучы, і ў 2001 годзе апазіцыйным прэтэндэнтам не давалі асабліва разгуляцца, але гэтым разам заціснулі ўвогуле — так, што ні дыхнуць ні вохнуць.

Улада здолела стварыць вакол патэнцыйных сапернікаў дзейнага кіраўніка амаль што суцэльны інфармацыйны вакуум.

Цяпер выразна бачна, як прадумана ды метадычна ўсё рабілася. Выкінулі незалежную прэсу з шапікаў і каталогаў. Наладзілі фільтраванне інтэрнету (асабліва ў ВНУ ды інтэрнатах). Узбагацілі крымінальнае заканадаўства шэрагам грозных артыкулаў, у тым ліку — за дыскрэдытацыю дзяржавы (за савецкім часам гэта называлася «научим Родину любить»).

Асобныя назіральнікі «суцяшаюць», мяркуючы, што гэтыя заканадаўчыя навелы ўведзеныя найперш дзеля застрашвання і наўрад ці будуць ужывацца. Маўляў, усё ж не 37-ы год.

Але, па-першае, дамоклаў меч так ці іначай робіць сваю справу. Праклятая самацэнзура становіцца яшчэ болей неадчэпнай спадарожніцай кожнага, хто публічна выкладае думкі, адрозныя ад пастулатаў афіцыйнай ідэалогіі.

Па-другое, згадайма зноў 2001 год. Тады да выбараў улада таксама лічыла за лепшае не

будзіць ліха, не торгоць паказальнымі рэпрэсіямі і без таго палітызаваную публіку. Хаця ў заканадаўства ўжо былі прадбачліва ўбудаваныя артыкулы за абразу найвышэйшай асобы. А «разбор палётаў» наладзілі потым, пасля «элегантнай перамогі». На фоне татальнай грамадскай апатыі і песімізму спакойна прапісалі «хімію» журналістам Міколу Маркевічу, Паўлу Мажэйку ды Віктару Івашкевічу.

Няма гарантыі, што чарговая «хімічная» рэакцыя не распачнецца пасля 19 сакавіка.

Так што шматкроць бітыя журналісты і рэдактары недзяржаўнай прэсы на ўсялякі пажарны працэджваюць кожную фразу праз сіта новых заканадаўчых фармулёвак: ці не занадта?..

Ну а сваім, «чэсным» журналістам зверху проста загадалі прыглушыць гучанне перадвыбарчай тэматыкі. Каб бальшыня шараговых суайчыннікаў нават і не падазрвала, што можа існаваць нейкая альтэрнатыва дзейнаму кіраўніку.

Але ж трэба неяк прабіваць гэтую сцяну маўчання!

«Парытэт» ля гумавай лялькі

З пачаткам нядаўняга электаральнага марафона кіраўніцтва інфармацыйнай кампаніі БелаПАН прапанавала мне рэдагаваць адмысловы сайт «Выбары» (дарэчы, каму цікава, калі ласка — www.elections.belapan.com). Сярод іншых завялі на ім рубрыку «Маніторынг». Вырашылі даваць найбольш цікавыя публікацыі на гэтую тэму з дзяржаўнай і недзяржаўнай прэсы. І каб па магчымасці было фіфіці-фіфіці, без аднабоковасці.

Дык вось, вытрымліваць парытэт аказалася практычна немагчыма. У дзяржаўных медыях тэма праслізвала зрэчас, прычым зазвычай даводзілася сустракаць або прымітыўны пераказ афіцыйных тэкстаў (кшталту пастановаў ЦВК), або пасквілі.

Дый пасквілі, так бы мовіць, недапечаныя. Вяўнічыя публіцысты з дзяржаўных медыяў мусілі круціцца як той гад на патэльні. Бэсіцць «адмарозкаў» — справа звыклая, але ж гэтым разам рукі

звязаныя. Каб не ўводзіць народу ў вушы прозвішча вылучэнца Кангрэса дэмакратычных сіл, наварсе ўвогуле забаранілі яго згадваць. Майстрам прапагандысцкага «мачылава» давялося мясіць нейкую гумавую ляльку.

Начытаешся паводле абавязку службы такіх атрутных твораў — дык хоць ты ідзі да кіраўніцтва па малако за шкоднасць. Праўду казаў прафесар Прэабражэнскі з «Сабачага сэрца»: не чытайце перад абедам савецкіх газет! Зрэшты, доктар Барменталь таксама слухна зазначыў, што іншых жа няма...

Ну а што ж заставалася рабіць апазіцыянерам, якія вырашылі кінуць пальчатку цяперашняй сістэме?

Вылучэнец Кангрэса дэмакратычных сіл абвясціў, што разлічвае на самвыдат ды інтэрнет.

Страта

Сапраўды, сёння палітычныя апаненты рэжыму засталіся амаль што без публічных трыбун. З аднаго боку, гэта логіка эвалюцыі самой сістэмы, якая ўсё мацней закручвае шрубкі. З іншага боку, кладучы руку на сэрца, варта зазначыць, што палітыкі-дэмакраты ў свой час не надта шчыравалі дзеля абароны незалежных медыяў. Лідэрам партый здавалася, што іх бясконцыя каардынацыйныя палітрады — справа найважнейшая. Яшчэ і крывізіліся, калі недзяржаўная прэса трохі скубала за перманентную кансалідацыю з нязменна нулявым эфектам.

Тым часам улада паслядоўна глушыла неўпадабаную СМІ. Сёння засталася жменька, ды і тыя ледзве дыхаюць.

Вядома, гісторыя не церпіць умоўнага ладу. Але, грэшны, падаюся іншым разам спакусе ўзвялічвання нашага медыйнага рамяства. І думаю, што калі б айчынным дэмакратам адразу пасля распаду Савецкага Саюза трохі болей паклапаціліся пра разняволенне прэсы, можа, уся найноўшая беларуская гісторыя скончалася б іначай.

На пачатку 90-х быў перыяд, калі аўтар гэтых радкоў рэгулярна ладзіў дыялогі ў жывым эфіры беларускай тэлевізіі з тагачасным старшынёй Вярхоўнага Савета Станіславам Шушкевічам. Падкрэслію: ён тады быў найвышэйшай службовай асобай краіны. Ідэю прэзідэнцтва толькі яшчэ песцілі ў Кебічавым атачэнні (як потым высветлілася — на сваю галаву!).

Дык вось, прызнаюся: у кулуарах БТ, калі мы заставаліся сам-насам, чакаючы эфіру, я некалькі разоў даводзіў высокаму суразмоўцу: трэба тэрмінова раздзяржавіць СМІ! Абсталяваць інфармацыйную сферу на цывілізаваны ўзор. Іначай маладой беларускай дэмакратыі хутка будзе капец. Хіба не бачыце, як падграбаюць пад сябе медыі Кебічавы палітрукі?

Тут трэба нагадаць, што айчынным СМІ пасля путча 1991 года і забароны КПСС на нейкі час страцілі звыклых куратараў дыплы «без руля і без ветразяў». Многія маскоўскія выданні ў аналагічнай сітуацыі былі хутка прыватызаваныя, сталі ўласнасцю журналісцкіх калектываў. Яны рашуча баранілі дэмакратыю і Ельцына ад саўковага рэваншу.

А ў нас усё элементарна праспалі...

Мусіць, і ў іншых прагрэсіўных дзеячых, і персанальна ў Шушкевіча было шмат клопатаў, акрамя прэсы. Не дайшлі рукі. А шкада. Бо калі пачалася кампанія дыскрэдытацыі старшыні Вярхоўнага Савета, у краіне амаль што не знайшлося медыяў, гатовых стаць на абарону спікера-дэмакрата.

Самі гонім, самі п'ем — самапалам аддае!

Пазней трыумфатар выбараў-94 скажа на першай прэсавай канферэнцыі, што ад сённяшняга дня СМІ могуць пачувацца вольнымі. Праз дванаццаць гадоў — як тут выказацца далікатна? — маем тое, што маем.

Вось і каманды апазіцыйных прэтэндэнтаў міжволі мусілі зрабіць стаўку на ўлёткі, бюлетэні, адмысловыя выпускі — іначай кажучы, «баявыя лісткі». Але ж, кладучы руку на сэрца, прызнаем: гэта не сапраўдная прэса.

Больш за тое, рызыкну выказаць думку, што «падпрацоўка» ў такіх праектах па вялікім рахунку псуе незалежных журналістаў, пагражае дэфармацыяй прафесійных крытэраў. А калі адпаведным чынам пачынаюць «падпрацоўваць» цэлыя выданні — гэта дыскрэдытуе самі брэнды.

Не хачу выглядаць гэткам ужо маралістам у белых пальчатках. Натуральна, тым журналістам, што не кормяцца ад бюджэтнага пірага, таксама трэба неяк зарабляць на жыццё. Недзяржаўным медыям неабходна выжываць у нялюдскіх умовах. І калі ў каманды палітыка Ікс ёсць такі-сякі рэсурс, дык чаму б не скарыстацца нагодаю і пралетарыям пара?

Але будзьма шчырымі: гэта таксама патыхае кан'юктуршчынай, што здольная ржою раз'ядаць прафесійныя прынцыпы аналагічна таму, як раз'ядае іх прыстасаванства афіцыёзнікаў. Калі, напрыклад, газета, што заўжды гучна пазіцыянавала сябе як незалежная, пачынае заўважна падгульваць аднаму прэтэндэнту, нават яе адданыя чытачы пачуваюцца ніякавата.

Да таго ж і робіцца такі перадвыбарчы піяр часцяком абы-як, неахайна, кандова. Вушы тыр-

чаць. Асобныя справаздачы пра хаджэнне дэмакратычных лідэраў у народ мала чым адрозніваліся ад публікацый у дзяржаўных СМІ пра візіты дзейнага кіраўніка ў рэгіёны. Тая самая саладжавасць, такія самыя «раялі ў кустах» (кшталту «выпадковых» сустрэч былога рэктара з удзячнымі выпускнікамі ў нейкай кавярні).

Дубова, сумна выглядалі і велізарныя інтэрв'ю з прэтэндэнтамі, калі тыя гаварылі з ненаaturalным пафасам ды выглядалі свяцейшымі за Папу рымскага. Карацей, адразу адчувалася, што «ключніца гарэлку рабіла», як казаў герой культавай савецкай кінакамеды.

Такім чынам, калі журналісты, згодна з ленинскай схемай, становяцца «памагатымі партыі», «колцамі ды шрубкамі» рэвалюцыйнай справы, гэта ў многіх выпадках падкошвае падкорань прафесійныя крытэры і апускае ўзровень публікацый «ніжэй за калена».

Для паўнаты малюнка варта дадаць, што перадвыбарчая тэматыка сяк-так пульсавала ў незарэгістраваных сеткавых медыях. Паколькі інтэрнет яшчэ не ахоплены законам аб друку, тут зазвычай пішуць больш смела. Зрэшты, ведаючы, што ў нашае ўлады рукі доўгія, сеткавыя аўтары пераважна хаваюцца за псеўданімамі.

Падобная ананімнасць — таксама, скажу я вам, палка з двума канцамі. Асабіста я лічу, што калі адказваеш за кожны радок уласным прозвішчам, гэта дысцыплінуе думкі і пачуцці, вымагае гранічнай самааддачы. Так сярэднявечныя майстры шчыравалі над вырабамі з персанальным кляймо.

Уперад — да існага

Зрэшты, адкінем пафас. Варта пагадзіцца: наша рамяство ў нашай краіне мае сваю спецыфіку. У аўтараў, што чапляюць уладу за жывое, бываюць сапраўды важкія прычыны замаскавацца. Кепска хіба тое, што ананімнасць спакушае каго-кольвек «адцягнуцца па поўнай праграме». Адпомсціць за ўсе прыніжэнні і страхі.

Згодны, «там» — далёка не анёлы. Але калі артыкул занадта зласлівы, калі прырэсціць ярлыкамі ды лабавымі лозунгамі — асабіста мне чытаць нецікава. Фактычна гэта капіяванне стылю афіцыйнай прапаганды, толькі мішэні — з іншага боку.

Я перакананы, што журналістыка — адна. І прынцыпы павінны быць адзіныя, універсальныя. Яны простыя, як

даля. З іншага боку, за мінулыя гады і сама апазіцыя нарабіла шмат глупстваў, іншы раз — фатальных. Калі незалежная прэса заўважае хібы і недарэчнасці апазіцыйнай тактыкі, нават кпіць з няўдалых ходоў — гэта проста горкія лекі.

Безумоўна, медыі могуць і павінны працаваць на дэмакратычныя змены, але гэтыя механізмы куды танчэйшыя,

Маразы, якіх «не памятаюць старажылы» (мо яны ўжо ўвогуле мала што памятаюць?)... Хакейны матч з удзелам першай асобы... Падрыхтоўка тэхнікі да сяўбы... Вось вам тыповая тэматычная палітра беларускіх дзяржаўных медыяў напярэдадні прэзідэнцкіх выбараў. Між тым падзея, што здараецца раз на пяць гадоў (ва ўсялякім разе, пакуль у нас яшчэ не ўкаранілі прагрэсіўны досвед усходніх дэспатый — пажыццёвае кіраванне), падзея, што мусіла быць у прэсе па-за канкурэнцыяй, апынулася ў цені, на заднім плане, па-за сумнымі вытворчымі справаздачамі ды рознымі забаўкамі.

біблейскія заповеды. Праблема ў тым, каб утрымацца ад спакусы трошкі адсунуць іх убок — дзеля «рэвалюцыйнай мэтазгоднасці». Прынцып «мэта апраўдвае сродкі» — вельмі небяспечны.

Але ж мы змагаемся пад дэмакратычным сцягам, запярэчаць мне. Мы — не раўня «тым цемрашалам», наша справа справядлівая.

Гэта асобная складаная тэма. Дарэчы, хто-ніхто з дэмакратычных змагаюў настойліва даводзіць тэорыю, згодна з якой недзяржаўнай прэсе крытыкаваць апазіцыю ўвогуле амаральна, бо гэта — нож у спіну.

Я згодны, што подла біць ніжэй за пояс. Прыёмы афіцыйнай прапаганды часцяком проста па-за межамі прыстойнасці. Але і рабіць з прадстаўнікоў апазіцыйнай эліты ідалаў, пляскаць у ладкі кожнай іх думцы — не на карысць самой гэтай эліце. Ды і ўвогуле — хіба яны маніпалізавалі дэмакратычную ідэю?

Так, ім нясоладка. Але тое, што рэжым цісне, бярэ за гарляк — гэта толькі адзін бок ме-

далікатнейшыя, чым тыя, што некалі абмаляваў Ленін у творы «Партыйная арганізацыя і партыйная літаратура». На жаль, з нашых дэмакратычных лідэраў толькі адзінкі маюць уяўленне пра камунікацыйныя тэхналогіі, пра сучасныя методыкі ўзаемадзеяння з прэсай. Перадвыбарчай кампаніі апазіцыянераў, ва ўсякім разе на першых стадыях, надта ж бракавала крэатыву, умення ствараць моцныя інфармацыйныя нагоды.

Ну а ўлада асэнсавана ўзяла на ўзбраенне менавіта бальшавіцкія прынцыпы жорсткага кіравання прэсай. У выніку мы атрымалі ў цэнтры Еўропы XXI стагоддзя такі аксюмаран як няма выбары. Амаль што няма. Бо ёсць купка журналістаў ды СМІ, што і ў гэтых вар'яцкіх умовах упарта працягвалі рабіць сваю справу — ствараць прафесійны медыя-прадукт.

Хай сабе ў грамадскі арганізм, што ўчадзеў ад прапаганды, трапляе толькі мізэрнае каліва альтэрнатыўнай інфармацыі. Але ж іншым разам менавіта гомеапатычныя дозы здольныя рабіць цуды.

Сергей ПУЛЬША

Бронежилет из бумаги

О юридической безопасности журналистов в период выборов написаны книги, справочники и множество инструкций. В любой редакции по этому поводу можно провести семинары даже без привлечения юристов. А вот как журналисту вести себя с назойливыми гражданами разного толка, — многим до сих пор не совсем понятно.

Всем уже известно, как и что можно писать, чтобы не нарваться на официальное предупреждение Министерства информации, хотя деятельность по отслеживанию нарушений в избирательный период активизируется. Но даже проработав во всех общественно-политических кампаниях с 1995 года, все равно сталкиваешься с проблемами: как повести себя в той или иной ситуации, чтобы никого необидеть. Некоторые практические наработки, конечно, есть, но постоянно появляется что-то новое. К сожалению, чаще всего для журналиста малоприятное.

Разумеется, в каждом случае нужно действовать, исходя из ситуации. Универсальных рецептов на любой случай в журналистике, увы, не существует. Но некоторые наиболее типич-

ные проблемные ситуации все-таки стоит рассмотреть.

Если где-то кое-кто у нас порой...

В период важных политических кампаний традиционно активизируется работа спецслужб. Ни для кого не секрет, что деятельность и творчество едва ли не каждого журналиста, пишущего на общественно-политические темы, отслеживаются специально обученными людьми. Они могут выходить на контакт с журналистом, предлагать встретиться, поделиться информацией, а могут и ничего не предпринимать. Но они — как суслики в степи: видишь ты их или не видишь, а они есть.

В случае, если такой человек предлагает встречу или разговор, просит поделиться (а чаще — обменяться) сведениями, лучше сразу послать его далеко и еще дальше. Если вы все-таки решитесь «пообщаться», то через пять минут вам станет совершенно ясно, что эти люди просто сосут из вас информацию, сами не делясь ничем новым либо мало-мальски важным. Так что общение с представителем спецслужбы для журналиста — дело явно бесполезное. Вывод прост: такого любопытного субъекта стоит избегать.

Если же послать его не получается из-за излишней интеллигентности, моральных принципов, или вы просто не знали, кто этот хороший парень, с которым вы уже почти друзья... то придется вспомнить старый советский лозунг: «Не болтай!» Или зоновское выражение: «Фильтруй базар». Говорите ему только то, что уже было опубликовано в открытых источниках — во вчерашней газете, например. Не делитесь планами, не рассказывайте о коллегах, специфике работы, ваших идеях и догадках. Пусть человек думает сам — ему за это деньги платят. Будьте осторожны в своих высказываниях и не звоните ему, ссылайтесь на занятость, откладывайте встречу. Когда он поймет, что вы ему бесполезны, он, скорее всего, сам от вас отстанет.

Уж тем более в такой ситуации всегда стоит помнить о том, что в законе есть статья, касающаяся неразглашения источника информации. И это не ваше право — это право того, кто предоставил вам сведения, остаться анонимным. Об этом стоит говорить прямо и открыто.

И ни в коем случае не держите в тайне попытку сделать из вас информатора — расскажите об этом коллегам, друзьям, знакомым, родственникам... Пусть все знают, по какому телефону звонить и кого обвинять в случае, если вам, например, свалится на голову кирпич, который, как известно из классики, просто так на голову не падает. Наверняка, так или иначе эта информация дойдет до вашего «куратора» и заставит его задуматься о последствиях своих действий в отношении вас. Возможно, в результате он примет решение оберегать вас если не как зеницу ока, то достаточно серьезно. Денис, если ты это читаешь, тебе привет!

Обычно в такие же дни активизируется и «наружка» — наружное наблюдение с целью установить ваши контакты. Правда, за социально активными людьми, в том числе и журналистами, «наружка» шастает пару-тройку дней два раза в год: перед Новым годом и ближе к лету, когда все хотят получить премии на подарки и отпуск. Но все-таки в период избирательной кампании все может быть. Неприятно, конечно, когда за тобой бродят непонятные люди и отводят взгляд при встрече... Но в конце концов на них можно наплевать и дать им заработать свою премию — мы не жадные. Тем более, что мы не делаем ничего противозаконного, правда? Мы просто выполняем свою работу.

Ну а если журналист все-таки жадный, то следует договориться на встречу (типа, конспиративную) с парочкой своих друзей, привести «хвост» к ближайшему отделению милиции и заставить милиционеров проверить у «наружки» документы — под предлогом того, что вас уже третий день пресле-

дуют непонятные люди в штатском. Может, они бандиты? Вы же их документов не видели...

Обычно это помогает снять «хвост» и доставить неприятности «топтунам». Как писали братья Стругацкие, «их оружие — тайна. Следовательно, наше оружие — гласность».

Не следует, конечно, становиться параноиком, но и про обычную наблюдательность забывать тоже не стоит, особенно если некие события и факты начали регулярно нарушать привычный уклад вашей жизни. Новые незнакомые машины у подъезда, столкновения с одними и теми же лицами в метро по пути на работу и с работы, в подъезде, на мероприятии... Доверяйте интуиции, и, если видите, что что-то не так, лучше перестраховаться. Береженого Бог бережет. Особенно если вы работаете над какой-то «горячей» темой.

Лекарство от «шизы»

Как известно, все крупные политические и социальные кампании вызывают напряженность в обществе. К сожалению, практически всегда это выражается в резком повышении психической активности неуравновешенных граждан. Как правило, у таких людей возникает непреодолимое желание пожаловаться на что угодно и кому угодно. В том числе и журналистам.

«Профессиональные жалобщики» иногда невыносимы. Стоит к ним первый раз отнестись по-человечески, и они потом от тебя не отстанут, будут дергать в любое время дня и ночи. Чтобы этого не происходило, в редакции должны быть внутренние правила. Хотя бы — не давать никому номера мобильных и домашних телефонов.

Если вас засыпают письмами по электронной почте, помните, что существуют спам-фильтр и черный список. В переписку с такими людьми лучше не вступать, на их послания — не отвечать. Любой ваш ответ будет воспринят «профессиональным жалобщиком» как стимул для

новой порции писем. А в случае отсутствия реакции у него либо энтузиазм иссякнет, либо он выберет себе другую жертву, навсегда затаив на вас обиду. Впрочем, на обиженных воду возят.

Что касается обычной переписки, то еще Исаак Зингер говорил, что корзина для использованной бумаги по-прежнему остается самым лучшим другом автора.

Попадают люди, жалующиеся на журналистов. По их мнению, кто-то не то или не так написал. Как правило, эти люди не отличают информации от репортажа, а репортажа — от аналитической статьи, но все равно считают, что знают, как надо писать правильно. Если такой человек настроен по отношению к вам и вашим идеям агрессивно — не спорьте, не пытайтесь его переубедить, вежливо раскланяйтесь и уходите от него подальше. Этот совет всегда дают сборщикам подписей, поскольку переубедить агрессивно настроенного человека практически невозможно, — лучше не тратить время и перейти к другой квартире. То же самое может сделать и журналист. Если, конечно, не захочет поразвлекаться.

И тем более не стоит провоцировать таких людей на конфликт. От жалоб во всевозможные инстанции, начиная от участкового и заканчивая Министерством информации, потом не отделаешься.

Если «жалобщик» вас все-таки настиг где-нибудь в редакции — выслушайте его. Больше все равно ничего не сможете сделать. На этот случай полезно знать пару поз и способов психологической защиты. Самая простая — «закрытость»: руки скрещены на груди, нога заброшена за ногу. Или, к примеру, постаньтесь сесть так, чтобы вы были ниже «жалобщика» (лучше, чтобы он стоял, а вы сидели), — это снижает агрессию по отношению к вам. Попробуйте применить приемы НЛП, внимательно наблюдая за собеседником и через некоторое время копируя его мелкие жесты: почесал подбородок — через три минуты почешите

и вы, дернул себя за ухо — и вы сделайте то же самое... Это на подсознательном уровне вызывает симпатию к вам. И вообще, стоит прочитать несколько умных книжек на эту тему. Всегда пригодится.

Но самая неприятная ситуация — когда люди смотрят на журналиста как на Бога, который все может сделать. Они не понимают, что мы — такие же граждане, как и они, только работа у нас специфическая. Они считают, что мы должны защищать демонстрантов, которых забирают в милицию, помогать сборщикам подписей или агитаторам, даже если те ведут себя откровенно некорректно. Они уверены, что мы можем и обязаны это делать. А мы — не можем. Не имеем права. В таких ситуациях иногда действительно становится жаль, что ты — не Бог. Но с этим ничего не поделаешь, а значит, придется смириться.

Все свое ношу с собой

Это — весьма просто и примитивно, настолько, что, как правило, мы об этом забываем. За работой мы как-то не замечаем, что в редакции иногда толчется куча малоизвестных нам людей — приятели, знакомые сотрудников, почтальоны и просто посетители. Кто-то рано или поздно проходит у вас за спиной и случайно или нарочно бросает взгляд на то, как вы работаете — это приятное зрелище, на которое можно смотреть вечно. Но при этом...

Не прикрепляйте стикерами пароли и логины к монитору компьютера, за которым работаете. И вообще, не пишите ничего на стикерах и ничего не выставляйте напоказ, за исключением, может быть, списка срочных дел. Большинство украденных паролей воруют вовсе не хакеры — их похищают именно таким «случайным взглядом». Лучше внесите пароли в записную книжку — так надежнее. Хотя бы потому, что она, как правило, почти всегда закрыта.

Если вы работаете за компьютером один и не желаете, чтобы кто-то видел, чем вы занимаетесь, — ставьте пароль на ком-

пьютер. И желательно — сразу в BIOS, чтобы все поняли, что вы хотите застраховаться от проявлений излишнего любопытства. Если же у вас персонального рабочего места нет — ставьте на важные папки и файлы пароль — хотя бы самый примитивный. Умному человеку это подскажет, что вы не хотите, чтобы кто-то смотрел содержимое файла, и он не будет этого делать из деликатности. А дурак пароль не снимет, хотя, кто его знает, — чего только сдуру не получается.

Поэтому вообще ничего сверхважного в компьютере не храните, особенно если он подключается к интернету. Существует множество других носителей информации, которые можно держать при себе, — и не только ненадежные устаревающие дискеты. Научитесь пользоваться (хотя — что там пользоваться? Вставил и вынул) флэш-картой, на которой информация и хранится надежно, и места такая штука занимает, как обычный брелок...

Кстати, вместо флэш-карты можно использовать обычный MP3-плеер. Ему-то все равно, какие файлы вы туда забрасываете, — звуковые или информационные.

Помните, что телефон, в том числе и мобильный, изобретен не для того, чтобы говорить, а для того, чтобы назначать встречу. То же самое касается электронной почты. Учтивая, что в Беларуси — один генеральный провайдер интернета, и тот — монополист «Белтелеком», отправлять что-либо сверхсекретное e-мэйлом просто глупо. Особенно если всерьез воспринимать информацию о том, что КГБ закупил в Китае аппаратуру слежения за интернетом. А Китай в этой области общепризнанный лидер.

Не жадничайте!

Ну и самое простое. Не носите информацию «на себе». Делитесь с коллегами своими мыслями и наработками. Если вас «закроют» за какую-нибудь дискредитацию Республики Беларусь, ваше «черное дело» сможет продолжить другие.

Мы с тобою делаем погоду

Письмо неравнодушному читателю

Николай АЛЕКСАНДРОВ,
главный редактор газеты
«Брестский курьер»

Ах, любезный друг-читатель, если ты думаешь, что газету делают журналисты и прочий редакционный клир, то хочу развеять твоё глубокое заблуждение. Главный творец пахнущего свежей типографской краской продукта — ты сам, разноименный и неповторимый, категоричный и снисходительный, ведущий и ведомый. Это ты забросил нам когда-то живца свободы — и мы до сих пор всем

В обозримом прошлом мы дважды были самым читающим народом: в период хрущевской оттепели и в пик горбачевской перестройки, открывшей шлюзы гласности. Первый временной всплеск читательской активности произвел на свет диссидентов и самиздат, второй — независимую прессу, включая «Брестский курьер». В общем, Авраам родил Исаака, а тому теперь расхлебывать эту кашу, отчеканивая папашины запросы в словесные скрижали и получая грозные предупреждения от фараона...

своим нутром ощущаем натяжение твоей леси. Ну, ты молодец, старик! Мы даже сохранили твоё самое первое письмо в редакцию, полученное нами пятнадцать лет назад. Вот оно:

«3 февраля впервые заметил в киоске в г. Ивацевичи «Брестский курьер» № 2 (5) и купил его. Газета понравилась всесторонне (объективностью, демократической направленностью, подборкой материала), за исключением несущественных мелочей.

Я, потомственный брестчанин, искренне радуюсь первой демократической газете на Брестчине, располагаю свободным временем и мог бы оказать посильную помощь редакции, если бы в этом была нужда.

С искренним уважением и пожеланием успехов вашей газете Н. В. Буснюк, Ивацевичский район».

Что тебя привлекло тогда в том первом прочитанном тобою номере «БК»? Я думаю, прежде всего — живой голос газеты.

После сухомытки партийной прессы, в которой мне и моим тогдашним соратникам довелось поработать немало лет, так хотелось впустить на страницы своего новорожденного издания пестрый язык улицы, естество человеческой души со всеми ее радостями и горестями, сомнениями и недоумениями. И мы шли в люди, затем озвучивая у себя в газете услышанное.

Рекламная раздача газет на улицах Бреста

С. Портнов, рабочий: «Как будем жить в новом году? Никак! Разве это жизнь? Нет, ну правда? Моей зарплаты, какая сейчас есть, знаете, с нового года на сколько будет хватать? Максимум на полторы недели! А что потом жрать прикажете? Землю? Нет, благодарю, я лучше ею накормлю тех, кто это выдумал!»

Знаешь, друг, мы с самых первых номеров «БК» заряжали свои текущие редакционные планы твоими подсказками, советами, вопросами, мнениями — этому правилу следуем и теперь. Между прочим, девиз нашей газеты — «Ничего, распогодится...» (строка из В. Высоцкого) — подарил нам в самом начале нашего пути читатель

вать требованиям и вызовам «текущего момента».

Все эти годы нам было ужасно интересно общаться с тобою, совместно обсуждать какие-то насущные проблемы, встречаться на шумных газетных тусовках и получать ответный заряд бодрости и жизнелюбия. Ты помнишь наши первоапрельские вечера в Центре молодежного творчества, дни газеты в Городском парке культуры и отдыха, фэшн-шоу и конкурсы «Мисс Бреста», вручение наград победителям различных наших лотерей и творческих состязаний? Это ведь ты участвовал в предложенном тобою же создании коллективного сочинения «Конституция страны Белобрысия» и внес в нее, к

Не хватает до зарплаты,
На душе печаль-тоска.
У соседа займу денег —
Все равно куплю «БК»!

Да, старина, лично у меня благодаря многолетнему общению с тобою накопилось немало поводов для ностальгии. Я храню в своих пожелтевших архивных папочках твои искренние отзывы о нашей работе и пожелания газете:

«Я достаточно высоко оцениваю тот факт, что в условиях склонения общего политического курса республики к тоталитаризму газета продолжает сохранять честность и объективность».

«Искать, дерзать —
Смелей вперед!
За вами весь
Честной народ».

«Газета в порядке.
Молодец, мужик!»

«Почтовой тройкою мчишься,
Везя целый воз новостей,
В сердца, словно в окна,
стучишься,
В пути обретая друзей.
Заставишь взглянуть ты иначе
На тех, кто сидит «на мели»,
На чьи-то роскошные дачи,
На шрамы усталой земли.
Пусть беды обходят
и хворость,
А критику сможешь снести.
Курьерского поезда скорость
Желаю тебе обрести».

Спасибо тебе, родной!

... На работу я прихожу обычно пораньше других редакционных оболтусов. Чтобы с мыслями собраться на грядущий день, кое-что успеть сваять на компьютере. Открываю дверь в кабинет — «Дзынь!..» — телефонный звонок. Голос в трубке: «Это «Брестский курьер»? Вас беспокоит читатель...»

Господи! Беспокой, тормози, не давай нам спуску! Газета — это твой корабль, а мы на нем — всего лишь матросы. Звони в рынду, подымай паруса — и вперед!

Наш младенец и наше детище

Альберт Богдасаров, профессор, кандидат биолого-минералогических наук. Только вот с погодой пока что ну никак не везет...

Даже твои сердитые звонки и письма мы не игнорировали, а принимали во внимание, анализировали, что-то меняли в своих подходах, стараясь наполнить каждый номер содержательными материалами, работая над стилем их подачи, дизайном газеты. Да и сами регулярно замеряли температуру читательской аудитории — путем анкетирования, социологических исследований, изучения запросов наших покупателей и подписчиков. Само время заставляло нас быть самими-самыми, соответство-

примеру, такие существенные положения:

Ст. 29. Президент Белобрысии избирается народом и обжалованию не подлежит.

Ст. 37. Каждый президент Белобрысии имеет Белобрысию.

Ст. 70. Президент Белобрысии является всем, всегда, везде и по телевизору.

Ст. 74. Главной целью Конституции Белобрысии является народ. Пли!..

А уж как порадовал ты нас своими куплетами, присланными на конкурс частушек о «БК»:

Создавался на века
Скромный труженик «БК».
Согласитесь, без «БК»
Брест похож на дурака.

АРХІПЕЛАГ БЕЛАРУСЬ

(Частка III, заключная. Пачатак у N 5-6, 7-8 2005 г.)

Не жорны апазіцыі, а ветракі часу

У папярэдніх размовах з вядомым беларускім эсэістам Валянцінам АКУДОВІЧАМ мы паспрабавалі прааналізаваць тэндэнцыі развіцця беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый і рухаў як у недалёкім мінулым, так і на цяперашні час. Выказвалася думка, што нашая краіна з кожным днём страчвае сваё нацыянальнае аблічча. Ці можна было пераадолець гэтую небяспечную тэндэнцыю напярэдадні прэзідэнцкіх выбараў? На гэтае ды іншыя пытанні журналіст Аляксандр Коктыш шукае адказ разам з Валянцінам АКУДОВІЧАМ.

У кулуарных размовах яшчэ задоўга да 19 сакавіка 2006 года я не аднойчы чуў ад асобных прадстаўнікоў розных палітычных партый меркаванне, што дэмакра-

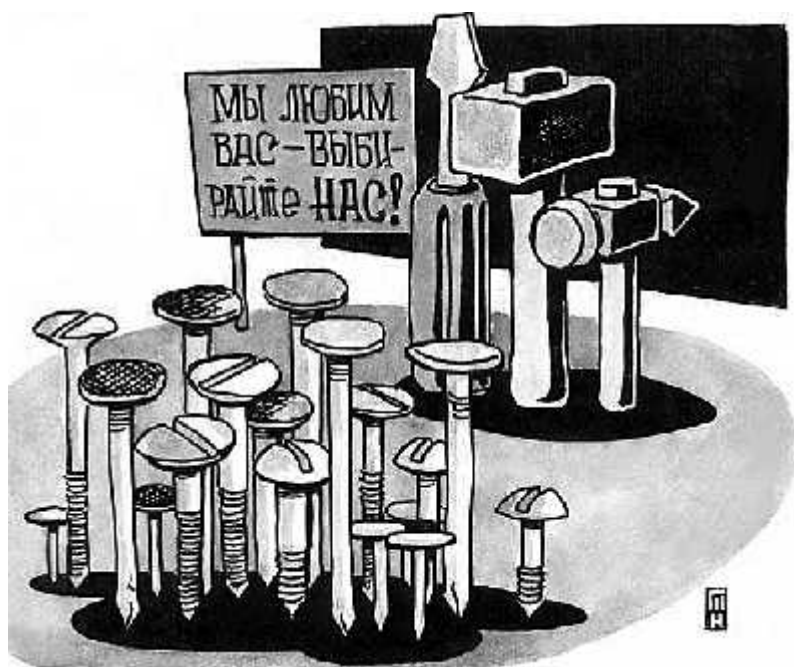
там ужо трэба рыхтавацца да прэзідэнцкай кампаніі 2011 года...

— Па вялікім рахунку, мы ўжо даўно не маем (і ці мелі калі?) ні нацыянал-дэмакра-

таў, ні лібералаў, ні сацыял-дэмакратаў, ні «прасунутых» камуністаў, а толькі — апазіцыю. Прынамсі, для электарата Вячорка, Лябедзька, Статкевіч, Калякін... — гэта не лідэры сваіх партый, а маналітная апазіцыйная тусоўка. І ўсе іхнія папярковыя праграмы выбарцам (ды, здаецца, і ім самім), прабачце, былі да пэўнага месца. Бо рэальна ўсе яны ўжо шмат гадоў працуюць паводле адной праграмы з аднаго пункта (якая ўвогуле ніякай паперы не патрабуе), а менавіта: «Ку-ку на муку».

Уласна, калі нашу палітычную сітуацыю ацэньваць не фармальна, а па сутнасці, то сёння мы маем двухпартыйную сістэму, якая складваецца з «партыі» Лукашэнкі і «партыі» апазіцыі. Як вядома, для дэмакратычнага ладу існавання двухпартыйная

сістэма цалкам натуральная, і таму можна было б пафантазіраваць на тэму легітымізацыі і фармалізацыі той палітычнай рэальнасці, якая склалася «натуральным» чынам. Але нават і фантазіраваць тут не выпадае. Бо кожнаму вядома, што Лукашэнка сам сабе партыя і ніякая палітычная інстытуцыя (акрамя штучна створаных) за ім не стаіць. І таму, як толькі гэты лідэр пакіне палітычную авансцэну, уся «двухпартыйная» сістэма адразу распетрыцца на дробныя шматкі, паколькі што адна, што другая «партыя» цалкам з'яўляюцца плёнам прыватнай «палітычнай творчасці» спадара прэзідэнта. Адсюль вынікае сумнае. Нашы палітычныя партыі, змарнелыя дашчэнту за гады барацьбы з «Дыктатарам», у постлукашэнкаўскай сітуацыі выявляцца малаэфектыўнымі для наступнага дзяржаўнага будаўніцтва. І з прычыны ўласнай змарнеласці, і з прычыны таго, што, акрамя як змагацца з «дыктатурай», яны ўжо нічога не ўмеюць. Вось чаму (прынамсі, гэтак уяўляецца чалавеку з боку) у стратэгічным плане палітычным суб'ектам ад апазіцыі варта было б падумаць не пра метады барацьбы за перамогу, а пра самую перамогу. Гэта значыць, пакуль яшчэ быў час, — не марнаваць яго на

бясплённы раздрай з Лукашэнкам (на якім яны толькі гублялі свае палітычныя дывідэнды), а скарыстаць яго дзеля ўласнай мадэрнізацыі, каб сустрэць перамогу сярод пераможцаў, а не на абочыне свята.

— **А хто ж тады пераможа Лукашэнка, калі не наша палітычная апазіцыя? Няўжо вы думаеце, што гэты цяжар у стане ўзваліць на сябе нейкія іншыя сілы, напрыклад, недзяржаўны сектар, незалежная прэса і г. д.?**

— Мне застаецца адно пазаздросціць тым аптымістам, што ўсё яшчэ вераць, быццам недзе ў спратах нашай апазіцыі застаецца нескарываны патэнцыял перамогі. Але сам я да такіх аптымістаў ужо даўно не належу. Як і скептычна стаўлюся да адвечных спадзеваў апазіцыі на стыхійны пратэст згаладалага народа, якім яна быццам можа ўзбуйніцца. Калі, крыў Божа, нешта падобнае здарыцца, то ў гэтага «здарэння» будучы свае героі, для якіх апазіцыя выявіцца не менш варожай за Лукашэнка...

«Ку-ку на муку» перамелюць не жорны апазіцыі, а ветракі часу. І найперш — канстытуцыйнага часу. Праўда, не трэба быць надта відушчым, каб зразумець, што ў сітуацыі татальнага астракізму ўладу можна ўтрымаць адно праз выкарыстанне на поўную моц усіх рэпрэсіўных механізмаў, а значыць — нарабіць шкоды праз край. Адсюль вынікае, што спачатку выпадзе на долю беднай Беларусі, а потым і самому Аляксандру Рыгравічу, бо Беларусь — не імперская Расія, каб можна было схвацца ад усялякіх там айчынных ды замежных «трыбуналаў».

— **Вяртаючыся да вашай метафары пра ветракі часу, нагадаю: каб яны махалі**

сваімі крыламі, патрэбны вецер. Дык вось пытанне: у працэсе перамолвання сяго-таго на муку «вецер» з якога боку вам падаецца найбольш моцным: з боку Захаду, Усходу, апазіцыі, наменклатуры ці электратуры?

— У мінулаў нашай гутарцы я цалкам выключыў наменклатуру з палітычных фактараў, вартых хоць якой увагі. Праўда, гэта пры той умове, што з наменклатуры мы выводзім фігуру прэзідэнта, хаця апошняе, на мой погляд, не правамоцна. Лукашэнка і той ці іншы прадстаўнік наменклатуры могуць апазіцыянавацца між сабой ужо па-за дыскурсам наменклатуры, а ўнутры яе яны ўсе ўяўляюць адно цэлае... А што да астатніх фактараў, то на дадзены момант яны мне ўяўляюцца прыкладна роўнавялікімі. Бадай, адсюль і сітуацыя штылю, нейкай хай сабе і трывожнай, але стабільнасці. Дарэчы, палітолагам і аналітыкам, аднак найперш палітыкам, у гэтай сітуацыі вярта было б больш пільна агледзець тую дзялянку, на якой яны працуюць, бо не падчас катаклізмаў ці сацыяльнай напругі, а якраз у пару трохі прытомленага замірэння Беларусь выяўляецца такой, якой яна ёсць насамрэч. І вось менавіта такую, а не бурапенную Беларусь, пажадана мець перад вачыма, раскладваючы свае футурыстычныя пасьянсы...

Але, вяртаючыся да вашага пытання, мушу сказаць, што сярод пералічаных вамі фактараў не сустрэў таго, які мне бачыцца больш істотным за ўсе астатнія разам. Для сябе я яго называю цывілізацыйным фактарам. На мой погляд, стварэнне кампутара, а затым інтэрнэту палітычна ёсць падзейя куды большай нават за сам распад камуністычнай імперыі. Набыты беларусамі на Захадзе за апошнія дзесяць гадоў мільён (ці два?) легкавікоў агітуе за Еўропу і яе каштоўнасці з інтэнсіўнасцю і сілай, перад якімі падаюцца мала чаго вартымі ўсе прамовы, артыкулы, улёткі і графіці лібералаў, дэмакратаў ды нацыяналістаў разам узятых. І хаця паквль, ба-

дай, кожны другі ўладальнік «Мерседэса» ці «Пежо» галасваў за лукашэнкаўскі сацыялізм і саюз з Расіяй, а не за лібералізм і партнёрства з Захадам, мне хацелася б звярнуцца з просьбай да ўдумлівага і разважнага палітыка не прапусціць той момант, калі ў беларусаў колькасць легкавікоў, кампутараў, сотовых тэлефонаў, каналаў тэлебачання і г. д. перарасце ў іншую якасць палітычнага мыслення, а затым і канцэптуальна іншага светабачання.

— Толькі што вы згадалі пра Захад. Але, як паказвае досвед прамінулых гадоў, арыентацыя апазіцыі на Захад не прынесла заўважнага плёну. Таму зусім натуральным выглядае памкненне праціўнікаў Лукашэнкі паразумецца з Расіяй, каб заручыцца яе падтрымкай і пакарыстацца яе вызначальным уплывам на сітуацыю ў Беларусі. Можа, надышоў час усім без выключэння апанентам цяперашняй улады перагледзець сваё стаўленне да расійскага фактараў?

— Расія — наш фатум, але не наш кон. Пра фатальную ролю гэтай Вялікай Імперыі ў лёсе Беларусі добра ведае кожны, хто хоць што ведае пра Беларусь. Аднак Расіяй мы толькі спутаныя, а зацугляныя — Еўропай. Усім сваім цэлама мы ўпісаныя ў прасторавую фігуру Еўропы, больш за тое, у свой час (Вялікае княства Літоўскае, Рэч Паспалітая) мы былі далёка не апошнім стваральным чыннікам гэтай фігуры. Таму калі паўстаў вядомы лозунг нацыянал-дэмакратычнай апазіцыі — «Беларусь у Еўропу», для сябе я перафармуляваў яго наадварот — «Еўропа ў Беларусь». Маючы на ўвазе, што некалі ж Еўропа, як Ізраіль у Палесціну, мусіць вярнуцца на сваю «гістарычную радзіму» — у Беларусь, якая доўгі час была яе цывілізатарскім фарпостам у славянскім свеце. І хаця пазней гэты «фарпост» лязом расійскай экспансіі на Захад быў адсечаны ад свайго вялікага цэлага, яго натуральнае месца назаўсёды застаецца за ім. І менавіта згаданым фактарам

найперш абумоўлена тое, што нават больш чым два стагоддзі каланізацыі, русіфікацыі і мэтаскіраванай асіміляцыі не далі рады з гэтай зачараванай на ўласную ролю прасторай, якая сёння зноў патрабуе сабе статус суб'екта еўрапейскай гісторыі. Вось чаму я і кажу, што Расія — толькі наш фатум, але не кон.

Сапраўды, кранаючы надзвычай актуальную цяпер тэму аб'яднання Беларусі з Расіяй, можна сказаць, што, на нацыянальна заангажаваны погляд, гэта выдае не інакш як на аб'яднанне труса з удавам. Але мне здаецца, што тут не ўсё гэтак адназначна. Па-першае, калі Расійская імперыя нават у часы свайго жыццядайнага росквіту не змагла цалкам перастрававаць праглынутую Беларусь, то цяпер яна наўрад ці здолее яе нават цалкам праглынуць (прыхопіць хіба толькі «вушы», каб нікуды ад яе далёка не ўцякла). А па-другое, калі Расія не пазбавіцца сваіх імперскіх інстыктаў, то яе чакае перспектыва больш сумная за перспектыву Беларусі, бо дай Бог ёй хоць як управіцца хаця б з той прасторай, якую яна сёння яшчэ мае. І падобна да таго, што пэўная частка палітычнай эліты Расіі пачынае гэта ўсведамляць. Як і тое, што вядучай ролі ў сучасным свеце ёй не бачыць (як нам сваіх захопленых ёю «вушэй»), і таму цяпер яе галоўная задача — выгандляваць сабе ролю мегадылера сусветных транскарпарацый у рэгіёне, які «гістарычна» знаходзіцца пад яе ўплывам. Гэта значыць, што палітычная задача Расіі цяпер палягае не на тым, каб пазбіраць у адно цэлае кавалкі былой імперыі, а на тым, каб не даць Беларусі, Украіне, Малдове і г. д. самім наўпрост набыць тавар (атрыбутны, тэхналагічны, інфармацыйны, інтэлектуальны, культурны, палітычны і да т. п.) у таго, хто яго вырабляе, а толькі праз яе пасрэдніцтва. Кажучы мовай савецкага часу, Расія імкнецца стаць манапольным спекулянтам на былой постсавецкай тэрыторыі. І калі гэта так, то гэта

вельмі разумна. Зрэшты, магчыма, я і перабольшваю разумова-інтэлектуальны патэнцыял расійскіх палітычных элітаў. Але незалежна ад таго, што яны там трымаюць у галаве, і незалежна ад таго, што нам хацелася б, Расія ёсць і пэўны час яшчэ будзе заставацца дамінантным фактарам і ў нашай палітыцы, і ў нашай эканоміцы. Таму, на мой погляд, пакуль найбольш аптымальна крэда беларускай палітыкі выглядала б наступным чынам: у тактычным плане мы з Расіяй, у стратэгічным — з Еўропай.

— Тут я хацеў бы яшчэ раз вярнуцца да пытання, якое прагучала на пачатку нашай

хаця і не размаўляе па-беларуску, хто духоўна і эстэтычна сілкуецца ў пераважнай большасці плёнам расійскай (ці якой іншай) культуры.

— Буду лаканічным, як на эшафоце: не! Мы ўжо не маем такога шанцу. Але адказаўшы гэтак радыкальна, я мушу хоць трохі патлумачыць свой радыкалізм.

У глабальным сэнсе праблема насць сістэмнага разгортвання беларушчыны палягае не ў тым, што нехта залічыў яе ў першы шэраг сваіх самых небяспечных «палітычных ворагаў», і нават не ў тым, што 24 гадзіны ў суткі каток расійскага культурнага

адной цывілізацыйнай матрыцы. Вось чаму ў мяне аднойчы нарадзілася: «Беларусь сёння — гэта Францыя заўтра». Наперадзе і спелыя культуры, і культуры, якія яшчэ не выспелі, чакае адзін і той самы сумны лёс.

Разам з тым, татальнае нашэсце уніфікацыі, напэўна, выкліча ўпарты супраціў тых, хто не жадае развітвацца са сваёй культурнай адметнасцю. Яны і будуць асноўнымі карыстальнікамі і рэтранслятарамі нацыянальных культураў...

Незалежна ад таго, хто будзе абраны на вышэйшую пасаду, беларушчына зможа выйсці са свайго сённяшняга напаўпад-

гутаркі: ці мае Беларусь як краіна, як дзяржава шанец некалі стаць спрэс беларускай — у мове, культуры, ментальнасці? Бо гэтае пытанне, напэўна, трывожыць не толькі «нацыяналістаў», але кожнага, хто любіць свой край, сваю радзіму,

імператыву прасуе яе ўздоўж і ўпоперак, а ў тым, што цывілізацыя культураў скончылася ўжо ўчора і наперадзе чалавецтва чакае толькі культура цывілізацыі. Гэта значыць, што ў сітуацыі татальнай глабалізацыі свету ўсе культуры пакрысе будуць уніфікавацца да формы нейкай

польнага стану, і мы нарэшце ўбачым, што ад яе за гэтыя гады рэпрэсіі рэальна засталася. Між іншым, хутчэй за ўсё, маюнак будзе значна больш аптымістычным, чым уяўляецца нам цяпер, калі сапраўдны патрыятызм знаходзіцца пад негало-снай забаронай.

З іншага боку, за тых некалькі гадоў, пакуль яшчэ беларушчына хаваецца па катакомбах, мы, нацыянальна заангажаваныя, мусім канчаткова ўсвядоміць: выхад на перахвост культуры, грамадзянскага і палітычнага жыцця не азначае пачатак новай экспансіі з мэтай усё таго ж татальнага абеларушчвання ўсёй сацыяльнай прасторы краіны. Таму для тых, хто яшчэ падобным чынам разважае, у які ўжо раз паўтару: Беларусь ніколі не будзе спрэс беларускай. Нам давядзецца змірыцца з тым, што іншай, акрамя як сацыяльнай, нашай краіна быць не можа і што для пераважнай большасці насельнікаў нашай краіны прырытэтнымі як былі, так і застаюцца не нацыянальна-культурныя, а сацыяльныя каштоўнасці.

На паразуменні вакол «антагагічнасці» менавіта гэткай сітуацыі нам трэба было б з нуля распрацаваць мадэль існавання беларушчыны як хай сабе надзвычай істотнага, але ўсяго толькі лакальнага фрагмента ў поліфанічным цэлым Беларусі. Прынамсі, я не бачу іншага спосабу захаваць беларушчыну ў яе жывой і дынамічнай сутэве, акрамя як шляхам здрады адвечнай мары беларускіх адраджэнцаў усіх пакаленняў.

— Атрымліваецца занадта жорстка і песімістычная перспектыва будучыні некалі сапраўды развітай еўрапейскай краіны...

— Здумленне, што наш спадзеў уцялесніць Ідэальную Беларусь на прасторах Беларусі Рэальнай — аблудны, у мяне цалкам сфармавалася пасля рэфэрэндуму 1995 года. Але недзе толькі праз год я ўпершыню падзяліўся сваёй трывогай з адным нашым выдатным паэтам.

Як на сённяшні ўспамін, то цікавая была сцэна. Мы сумоўнічалі ў пакоі ўдвух, аднак калі я выказаў яму свае сумневы, трывогі і меркаванні наконт рэальна магчымага будучага беларушчыны, ён прыклаў палец да вуснаў, сцішыў голас і ледзь чутна сказаў: «Валянтцін, толькі болей пра гэта нікому не кажы».

Дарэчы, зусім нядаўна, ужо пасля маіх шматлікіх выступаў з нагоды таго даўнейшага здумлення, адзін наш таленавіты літаратар і глыбока сімпатычны мне чалавек з дакорам сказаў прыкладна тое ж самае: «Ну навошта ты пра гэта...».

Разам з тым, вось ужо колькі год таму мы разбурылі мур, які раней падзяляў расійскамоўных і беларускамоўных філосафаў ды культуролагаў на дзве хай сабе і не варожыя, але абыякавыя адна да адной групы. Плёнам гэтага «разбурэння» стаўся цэлы шэраг супольных праектаў, якія мы цяпер агорваем разам, не адчуваючы асаблівай нязручнасці ад нашага рознамоўя і рознабачання свету.

І хая самі па сабе асобныя выпадкі не шмат пра што кажуць, але яны сцвярджаюць: гэта магчыма — быць рознымі і разам з тым быць разам. І я не думаю, што, за вылікам самазабойчых, у нас ёсць яшчэ хоць якія іншыя варыянты далейшага развіцця.

Хая гісторыя поўніцца самымі рознымі парадоксамі, і ніхто наперад не пралічыць усе яе выкрунтасы.

— Хацелася б прыпыніцца на больш блізкіх гістарычных перспектывах для нашай краіны. А яны, мякка кажучы, не надта аптымістычныя. Ці можна перамогу Лукашэнкі 19 сакавіка назваць «піравай»?

— Сучасны палітычны рэжым пануе ў Беларусі ўжо каля 12 гадоў. За гэты час ён набыў грунтоўны досвед барацьбы за ўладу і працаваў эфектыўна прыёмыя ўтрымання.

Але навошта паноўнай уладзе, якая мае дастатковы адміністрацыйны рэсурс, каб аформіць які заўгодна пераможны вынік галасавання, зніштажаць дазвання ўсе незалежныя грамадскія арганізацыі ды СМІ? Яны ж не здольныя радыкальна паўплываць на зафіксаваную наперад перамогу.

Рэч у тым, што ў сітуацыі не зусім легітымнага «трэцяга прэзідэнцкага тэрміну» Аляксандру Лукашэнку патрэбна была рэальная перамога на вы-

барах, а не ўсяго толькі абвешчанае Цэнтрвыбаркамам. Гэта значыць, што ён хацеў, каб як мінімум 51% выбарцаў насамрэч і свядома прагаласавалі за яго. І каб незалежныя сацыялагічныя інстытуты зафіксавалі і пацвердзілі пераможныя лічбы. А дасягнуць гэтай мэты верагодна адно тады, калі ўшчэнт будзе згамаваны ўвесь апазіцыйны кантэкст.

Адным словам, заданнем прэзідэнта была якраз не пірава, а рэальная, паўнаватасная перамога, каб потым не звяртаць асаблівай увагі на аргументы тых, хто не прызнае выбары легітымнымі. Дарэчы, менавіта ад таго, якой будзе выглядаць перамога, і залежыць сцэнар палітычных падзеяў у краіне.

— Пры здзяйсненні самага змрочнага для апазіцыйнага сцэнара хто мусіць прыйсці да кіраўніцтва, вобразна кажучы, супрацівам, і што станецца ад цяперашніх палітычных лідэраў, якія ўдзельнічалі ў выбарах?

— Прыйдзе той, хто застаецца (выбачаюся за парадокс). Каго не зламае параза на выбарах, хто не пабаіцца рэпрэсіяў з боку ўлады, ператрывае крытыку паплечнікаў і будзе змагацца далей. Самае горшае, што нас можа чакаць, — гэта сыход з актыўнай палітыкі адзінага кандыдата ад дэмакратычных сілаў Аляксандра Мілінкевіча. Бо ў такім выпадку сам «дэмакратычны выбар» прадэманструе ўсю сваю нікчэмнасць. Мілінкевічу вельмі цяжка, але ён трымаецца мужна і годна. У 2001 г. «варыянт Ганчарыка» яшчэ можна было патлумачыць усяго толькі стратэгічнай памылкай дэмакратаў, але калі ён паўторыцца сёлета, дык гэта адназначна засведчыць, што сёння сама ідэя дэмакратыі ў Беларусі ёсць не чым іншым, як палітычнай памылкай...

Пакуль дэмакратычная апазіцыя праз кожныя пяць гадоў будзе выдумляць сабе пад прэзідэнцкія выбары новага лідэра, датуль яна гэтага лідэра не будзе мець (а беларускае грамадства не будзе мець рэальнай альтэрнатывы А. Лукашэнку).

Кино про нас.

Кинодокументалист Леонид Миндлин к 10-летию БАЖ сделал фильм об особенностях национального репортерства.

— Это представительский видеофильм. Вообще такого рода фильмы, как правило, парадные и красивые. Но у нас своя специфика, и поэтому наш представительский фильм — о том, как закрывают, задерживают, сажают, бьют, не дают работать.

Фильм идет 18 минут. Делался он в течение недели в Москве, на квартире моего друга. Видеоматериал предоставили многие коллеги. Получилась такая ретроспектива — десять лет нашей жизни в клиповом варианте.

Я не называю это фильмом документальным. Хотя там все — документ, нет ни одного кадра, снятого специально, все из архивов. Цель была не в том, чтобы сделать некий фильм и показывать кому-то, как нам плохо живется и какие мы мужественные. А в том, что журналистам, работающим в этих условиях, нужна моральная поддержка. В том числе и такая.

В свое время, в 1998 году, я хотел сделать фильм «На войне — как на войне» о «деле Шеремета» и о событиях, происходивших до этого. Возможно, стоило начать с 1995 года, когда закрыли Радио 101,2. Вольнолюбивых журналистов начали открыто «вытеснять» из профессии, создавать информационную зону. Кстати, именно в этот период мы с товарищем переделали на свой лад симонковскую «Песенку военных корреспондентов». Взяли старую пластинку Утесова, записали компьютерную фонограмму оркестра Утесова, и наш коллега, радиожурналист Эмитер Бартошик, спел «под Утесова», но с новыми словами. Фрагмент этой песни звучит в фильме.

Первая глава — «Хроника текущих событий». Я специально взял название самиздата советских времен. У нас

сейчас похожая ситуация — мы идем под самиздат. Вторая глава — «На войне — как на войне», и третья — «В начале было слово — «Солидарность».

— Ты говоришь, быстро делали, минимальными силами. На эти минимальные силы ушло... десятилетие. Это кадры, за которыми — огромное время нервно спрессованной жизни?

— Так и есть. По сути, каждый кадр уникален, за ним целая история. Помните, 1997 год! Сначала была задержана телегруппа ОРТ — Завадский и Шеремет, потом — вторая группа. Семь журналистов уже сидят в Лиде и Гродно, в Минске остался один оператор Валерий Борисов, а тут приходит оперативник в корпункт ОРТ. Устроили засаду — ждут сотрудников канала Виктора Дятликовича и Диму Новожилова. Но в это время приходят коллега из газеты «Имя» Халезин и сотрудник НТВ, а потом и мы с оператором. Оперативник от вошедших закрывается газетой «Имя» — вот такой забавный кадр получился.

Или такой эпизод: оператор НТВ Костя Морозов пытался снимать идущий в корпункте обыск. Ему, естественно, мешали это делать. Я даже с операми поспорил — все равно, мол, вы себя увидите. «Нет, не может быть, мы ничего не дали ему снять!» Но я-то видел, как Костя это делает. Тут как раз 18.00, выпуск «Сегодня» — и первым сюжетом: «В то время, когда идет этот репортаж, продолжается обыск в корпункте ОРТ...» И показывают «наших» оперативников. Один из них тогда сказал: «Ну, профессионалы!»

Еще один кадр — 1997 год, возвращение из лидского «бомжатника» телеоператора Кос-

тина. Кто-то подумает — инсценировка! Мы с оператором находились в корпункте, и вдруг открывается дверь, и заходит Костин. Он дольше всех просидел в Лиде, россияне-то отпустили, а Костин — гражданин Беларуси, его и подержали как следует. И вот он заходит, а Ира Халип кидается ему на шею: «Уголовник!» А между ними на стене — портрет президента. Такой получился кадр — не придуманный, и без всякой постановки. Каждый кадр — история нашей работы.

Хочу сказать вот о чем. Многие говорят, что в видеофильме «телевизионный перекос», у газетчиков в это время драм случалось не меньше. Жаль, что многое из нашей журналистской истории осталось за кадром, не сохранилось: перипетии газет «Свобода», «БДГ»... Отдаю должное пишущим коллегам-газетчикам, радийщикам, верю: рукописи не горят. Но телекамеру больше боятся, она — свидетель. И бьют по телекамерам потому, что долбануть нужно по свидетелю.

Мы включили в фильм кадры, в которых оператор НТВ Константин Морозов с разбитой головой — это было после референдума 2004 года. Морозова ударили, сломали камеру, а Володя Костин лег и камеру спрятал под себя. Она маленькая, и как омовцы ни старались, не смогли попасть по камере ногой. Так он и работал, прикрывая камеру своим телом.

— Фильм получился для узкого круга?

— Он, в общем-то, для своих. Но его можно запустить и в эфир. Хотя, если бы фильм предназначался для эфира, я сделал бы кое-что иначе по форме.

— Где его можно достать?

— Наверное, взять у друзей и переписать. Возможно, в интернете.

— Давай вернемся к нашей профессии, которая «на войне — как на войне». Оттого, что журналистика превратилась в полувоенную, потеряла она или нет?

И наше

— Потеряла. Жизнь заставила нас работать так, как работают профи в «горячих точках». Я там был, и могу сказать, что здесь иногда почти то же. Только там все понятно: одни нападают, другие защищаются, а ты как журналист фиксируешь это. А в наших условиях ты вынужденно становишься на одну из сторон. Уже не сбоку со своими камерой или диктофоном, а в схватке на одной из сторон баррикады. И по определению ты не можешь быть на все сто объективным. В этом смысле профессия теряет.

— Что мы приобретаем, кроме навыка оперативной работы в экстремальных условиях?

— Приобретаем рефлекс — быть везде и не бояться. Репортер, на мой взгляд, это журналистский спецназ. И тут есть две противоречивые вещи. С одной стороны, спецназ — это хладнокровие, бесстрашие, умение найти выход из любой ситуации. И одновременно — во что бы то ни стало выполнить поставленную перед тобой задачу. Репортеру надо фиксировать событие в любой ситуации — даже когда бьют. Но ведь, может быть, если бы вмешался, ты сумел бы остановить, помешать! Однако у тебя — работа, и, прежде всего, ее надо выполнить. Такие вот плюсы и минусы нашего ремесла.

Я как-то столкнулся с мнением западных коллег — несколько пренебрежительным, — что здесь журналисты непрофессиональные. Поскольку я работал с зарубежными коллегами и тамошними критериям цену знаю, то ответил им: здесь, как только появилась возможность сотрудничать со внешними СМИ, профессиональная планка поднялась очень здорово. Белорусы работают не хуже, а если учесть наши условия, то мы западным журналистам еще и фору дадим. Посмотрите, какого успеха добились в России Виктор Дятликович, Лёня Канцер, Лариса Саенко... Могу еще с десятком фами-

лий назвать. А ведь там конкуренция сильна.

— Приятно, конечно, сознавать, что в наших условиях вырастает генерация нормальных журналистов. Но, с другой стороны, одновременно пополняется плеяда иных репортеров, с иными «планками», критериями, задачами... Название у профессии как будто одно, а работают «государственный» и «независимый» журналисты по-разному...

— Если говорить о Беларуси, то группа репортеров, которые работают «без страха и упрека», становится все меньше. Ведь у нас трудно заниматься своим делом! И многие ищут другие пути. У второй группы людей вообще нет возможности формироваться, поскольку им негде учиться. Идешь на государственные каналы, где как такового репортерства вообще нет! Съемка сюжетов для новостей АТН — это не есть репортерство. Какой тут поиск темы, если ты сознательно не лезешь куда не дозволено? Что в таких условиях вырастет — трудно сказать. По моим наблюдениям, журфак, по крайней мере, пока, телевизионных журналистов готовит очень плохо. Приходили эти ребята на обучающие семинары IREX, Internews — так они даже после пяти курсов микрофон правильно держать не могли.

Когда работал IREX, за неделю семинара, который проводила, допустим, тележурналист Нина Зверева из Нижнего Новгорода, пара «оператор — журналист», которые только-только начинали, становились вполне профессиональной командой.

Поэтому для второй группы людей сейчас все элементарно закрыто. Негде работать, негде учиться. Ну, допустим, поднимут образование на журфаке профессор Зимовский, профессор еще какой-то. Научат чему-нибудь. Но конкуренции-то нет. О какой конкуренции можно говорить на госканалах? А это значит, нет мотивации и условий для профессионального роста.

Частные каналы сейчас в жалком состоянии: расти там не реально в силу того, что нет технических возможностей, нет денег и прочее...

Поэтому те, кто может, у кого есть потенциал, куда-нибудь съезжают. В основном — в Россию, иногда на Украину. Остальные страны закрыты — языковой барьер.

Так что особых перспектив или новой генерации я не вижу. Во времена СССР существовала система профессиональной переподготовки, и функционировала она, с учетом тех условий, довольно нормально. Сегодня ничего нет. Еще несколько лет назад работали программы IREX-ProMedia, Internews, которые обучали приходящих в нашу профессию не какой-то голой теории, а конкретным навыкам журналистики — газетной, радиальной, телевизионной. Причем обучали местные специалисты, а не западные, что немаловажно. Кстати, многие из тех, кто сегодня работает, скажем, на ОНТ, прошли через эти курсы. Сегодня такой обучающей системы в стране не существует.

Сказано же было главой государства, что его отечественное телевидение полностью удовлетворяет. Зачем же обучать, развиваться?..

— Вернемся к видеофильму. Могут ли появиться вторая и даже третья серии фильма о белорусских репортерах?

— Я бы вообще хотел сделать нечто другое, просто фильм о коллегах. Я всегда прошу: снимайте! Ведь в нашей профессии хватает всего — драм, трагедий, фарса. Мы сейчас работаем на уровне драмы и анекдота, но анекдота трагического. Так что такой фильм может появиться, и будет в нем, как это у О'Генри, «невидимые миру слезы и видимые миру улыбки».

Записала Галина
ПЕРЕПЕЛКИНА

Трое суток шагать?

Елена ДАНЕЙКО

Предложение «Абжура» ответить на вопрос, кормят ли волка — то есть репортера — ноги, застало меня врасплох. Во-первых, потому что «Абжур» — своеобразный журналистский междусобойчик, и вряд ли я скажу нечто, доселе неизвестное постоянным читателям. Во-вторых, смутил подтекст вопроса: должны «кормить» именно ноги. Репортеры-де нынче ленятся с места вставать, интервью берут по телефону, а информацию — из Всемирной паутины.

Вы заметили, что и как пишут, если вообще пишут, о событиях за рубежом наши газеты? В негосударственной прессе в лучшем случае — собственный (и часто качественный) комментарий или цитаты из сообщений информагентств, в худшем — компилят из текстов интернет-ресурсов. Вряд ли главным редакторам независимых СМИ даже в самых сладких снах могут привидеться собкоры в Париже, Лондоне, Вашингтоне или Токио.

О государственных СМИ не говорю — смею предполагать, что им собкоры вообще ни к

вать чужие беды для демонстрации нашего процветания. Событие трехдневной, а то и недельной давности выдается за новость первой свежести. Спрашивается: что кормит волков — авторов такого рода материалов? Точно не ноги.

Человеку много ль надо...

Что теоретически может «кормить» журналиста на самом деле — вопрос в какой-то степени интимный.

Попробую ответить так:

- а) личное обаяние;
- б) умение поддерживать от-

Все это, конечно так. Но, согласитесь, было бы странно бегать наперегонки с интернетом, где информация появляется через пару минут после события. К тому же если событие происходит далеко, возникает не только проблема времени, но и редакционных затрат.

Ракурс, в котором надо освещать забугорные новости, задают все равно не журналисты, суть и время события, судя по газетным текстам и содержанию телесюжетов, вообще не имеют значения и рассматриваются исключительно с точки зрения возможности использо-

ношения с самыми разными людьми, работающими в самых разных сферах;

- в) способность общаться;
- г) общая эрудиция;
- д) умение быстро ориентироваться и использовать все доступные средства связи и поиска информации;

е) ежедневный (желательно круглосуточный) мониторинг сообщений всех доступных информационных агентств;

ж) умение грамотно архивировать новости и интересные тексты по темам, на которые, возможно, когда-нибудь придется писать.

По последнему пункту можно возразить: историю практически любого вопроса сегодня вы найдете в интернете. Но поисковые системы вам выдадут все и сразу, и вовсе не факт, что удастся получить именно то, что вы ищете.

И еще один пункт, едва ли не самый главный — способность предвидеть развитие событий и прогнозировать, в какое время стоит предложить ту или иную тему.

Нужно ли для этого выходить из рабочего кабинета? Думаю, что не всегда. Но все, конечно, зависит от жанра предполагаемого материала и от места работы — информагентство ли это, газета, радио или телевидение.

Эксклюзив

Чтобы сверить собственные представления о работе журналиста, я отправила электронное письмо коллеге, давно уехавшему из Беларуси. При этом сразу же поймала себя на мысли, что давно привыкла получать информацию из совершенно непонятно чем начиненного устройства, в быту именуемого компьютером.

Ответ получила буквально через минуту: «Если предстоит писать очерк об отеле «Челси» в Манхэттене, начинающийся словами: «В Нью-Йорке левкой не пахнут», — то нужно съездить и понюхать».

Тут я стала вспоминать, куда ездила, «чтобы понюхать», и без каких поездок было бы решительно невозможно обойтись. Первое, что пришло в голову, — вояжи в далекое далеко. Например, город Монпелье. Лето. Юг Франции. Пахнут не левкой, а что-то другое, но тоже приятно. Фестиваль современной хореографии. Первый раз поехала туда восемь лет назад по приглашению французского посоль-

ства. И с тех пор меня каждый год любезно приглашает дирекция фестиваля. Три раза из этих восьми ездила за редакционный счет. Остальные — за свой. Что называется, охота пуше неволи.

Уж не знаю, веяло ли от написанных потом текстов дыханием праздника, почти неизбежного при большом скоплении людей, умеющих «делать красиво», да еще и когда рукой подать до Лазурного берега. Но уверена, что «неживой» информации было бы недостаточно, чтобы писать об этом событии. Знаменитых хореографов, бывающих на фестивале, можно встретить, конечно, не только в Монпелье. Но ни один из них в нашу страну до сих пор не приезжал. Интересно, что за все эти годы я не встретила в Монпелье ни одного журналиста из наших краев. Мелочь, а приятно. Эксклюзив называется.

Делает ли газетный текст, радио- или телерепортаж более интересным, захватывающим и понятным для читателя, слушателя или зрителя эффект присутствия журналиста на месте события? Ну, это уже зависит от журналиста. И от события.

Некоторых не спасает и личное присутствие. Например, в сюжете о состоявшемся в Италии в прошлом году Венецианском биеннале, вышедшем в эфире Первого белорусского телеканала, репортер Татьяна Красовская, стоя у белорусского стенда, умудрилась перепутать имена художников. Игоря Тишина она назвала Игорем ТишКинным, а Андрея Задорина — ЗаБоринным.

Художника, фамилия которого была бы близка по звучанию к Тишину, не знаю. Задорина корреспондент БТ, видимо, перепутала с Борисом Заборовым, давно живущим в Париже, но до сих пор упоминающимся иногда в качестве белорусского мастера.

Задорин, между прочим, тоже уже давно живет за рубежом. И на ту выставку в Италию приехал, насколько мне известно, за свои деньги, и картины туда привез за свой счет. Вот об этом, на мой взгляд, было бы ин-

тересно рассказать с места события.

Как, впрочем, и о самой экспозиции, о которой в репортаже БТ умолчали. «Главное» там было вот что: замечательная страна — Беларусь, и кто только не оставил свои автографы в книге отзывов на стенде, и каких только похвал не удостоили наше прекрасное государство! Оно, конечно, приятно, но про художников-то так и не рассказали.

И о бренном металле...

Так кормят ли волка ноги? Судя по пословице — да. А что касается журналиста, то это, видимо, зависит от того, сколько ему нужно для насыщения. И как соотносятся его потребности с финансовыми возможностями работодателя. И еще от массы иных факторов, например, от совпадения представленной работодателем и журналистом о важности события, которое он (журналист, а не волк и не работодатель) вознамерился осветить непременно с места этого самого действия.

Про деньги вспомнила не случайно. Готовы ли их платить журналистам в нашей стране? Сколько? И за что?

Пару месяцев назад на семинаре в Вильнюсе журналист крупнейшей шведской газеты рассказал мне, что на подготовку одного материала он может себе позволить потратить три недели, не делая в течение этого времени ничего другого. И получая при этом постоянную зарплату. Где у нас такое возможно, я не знаю.

Да, все это как бы немножко из другой жизни, не имеющей отношения к белорусской реальности. Ну, поехали вы за свои кровные, скажем, в некую «горячую точку». Привезли репортажи, интервью, свидетельства очевидцев, подробности и детали. А теперь попробуйте найти в нашей стране издание, которое заплатит гонорар, сумма которого будет больше цены билета в одну сторону!

Быць першым!

*Найлепшымі рэпарцёрамі свету
цэлы тыдзень былі нашыя Юрась
Карманаў і Сяргей Грыц.
У сённяшнім «Абжур» яны зноў
зорным тандэмам — Сяргей з
выбітнымі фотаздымкамі,
Юрась — з распевадам, у якім
нават «мэтры» знойдуць шмат
карыснага.*

— «Асашэйтэд Прэс» — самае буйное ў свеце інфармацыйнае агенцтва. Кожны тыдзень вырашаецца, хто ў агенцтве лепш працаваў. Філіялаў у свеце вельмі шмат, практычна ў кожнай краіне ёсць прадстаўніцтва. Таму атрымаць тыднёвую прэмію лічыцца вельмі прэстыжным. Сярод краінаў СНД за ўвесь мінулы год толькі асвятленне падзеяў у Андыжане было намінаванае на Бітл зе Вік. У Хабараўске, на кітайскай пляме, я і мой калега Сяргей Грыц выйгралі другі раз за год — мы былі прызнаныя лепшымі журналістамі АР у свеце на тым тыдні.

— То бок звычайна гэтую прэмію атрымліваюць журналісты з капіталістычных краінаў?

— Гэта залежыць ад падзеі. Магу сказаць, што на сваім «прызавым тыдні» мы канкуравалі з Вашынгтонскім бюро і з Ізраільскім, якое пісала пра стан здароўя Арыэля Шарона.

— Гэта такая завядзёнка ў буйных агенцтвах — пасылаць людзей у невядомы край? Чаго вас панесла ў Хабараўск? Не было пра што пісаць у Беларусі?

— Згадзіцеся, пра расейскі Далёкі Усход беларусу пісаць лягчэй, чым рэпарцёру, напрыклад, з Швецыі ці Афрыкі... АР — міжнароднае агенцтва, і калі дзесьці штосьці здараецца, то журналісты з, так бы мовіць, бліжніх бюро скіроўваюцца для асвятлення падзей. Я ў АР працую чатыры гады і за гэты час быў у Варшаве, калі было пахаванне Папы Рымскага, дапамагаў калегам з Варшаўскага бюро, бо размаўляю свабодна па-польску. У час Украінскай рэвалюцыі я на два месяцы «пасяліўся» ў Кіеўскім бюро і быў намінаваны на прэмію за інтэрв'ю з Юшчанкам, у якім ён расправёў, калі і дзе быў атручаны, але тады тыднёвай прэміі я не атрымаў. Быў на парламенцкіх выбарах у Польшчы. Увесь час нас далучаюць да аператыўных падзей, відаць, такім чынам ацэньваюць нашыя прафесійныя здольнасці.

— Як гэта звычайна адбываецца? Табе тэлефануюць і даюць загад: спадар Карманаў, рэчы за спіну — і наперад?

— Звычайна адбываецца так: альбо зранку, альбо ўдзень тэлефануе кіраўніца Маскоўскага бюро Джудзіт Інграм і кажа:

«Юра, добра табе дома? Напэўна, я твой спакой парушу. Ёсць такая сітуацыя (альбо ў Хабараўску, альбо ў Польшчы, альбо ва Украіне), ці не хацеў бы ты паехаць? Мы якраз абмяркоўваем тваю кандыдатуру з Еўрапейскім бюро ў Лондане (яно адказвае за краіны СНД, Еўропу, Азію і Блізкі Усход, туды сцякаецца ўся інфармацыя)». Я адказваю: «Канешне, еду!» Пасля гэтага праходзіць гадзіна-паўтары, мне перэтэлефануюць: рашэнне прынята, за працу!

Так здарылася і тым разам. Калі ў Кітаі на бензолным заводзе адбыўся выбух, то ў прыток Амура — рэчку Сунгары — вылілася сто тон бензолу, і гэтая пляма пайшла на Хабараўск. Катастрафічнасць сітуацыі была ў тым, што Хабараўск не мае сваёй артэзіянскай свідравіны. Яны бяруць ваду з Амура. Гораду, у якім пражывае семсот тысяч насельніцтва, пагражала памерці, бо бензол і нітрабензол горшыя за радыяцыю. Цягам года шкодныя рэчывы назапашваюцца ў арганізме і выклікаюць рак крыві і печані. Акрамя таго, на Сунгары, якая ўліваецца ў Амур, стаяць яшчэ

некалькі хімічных прадпрыемстваў, а стварэннем ачышчальных збудаванняў кітайцы сябе не абцяжарваюць. Вось у такой найскладанейшай сітуацыі належае нам з Грыцам разбірацца.

— Ну, атрымаў ты гэтую прапанову. Думаю, што многія пасля такога рэдакцыйнага задання разгубіліся б. Не ўсе валодаюць «хімічнай» інфармацыяй пра бензолную пляму, яе шкоду. Што ты робіш далей? Бяжыш у бібліятэку, да кампутара ці ўсё ж збіраеш рэчы?

— Паколькі ўсе падзеі ў свеце адбываюцца зняацку і

8 гадзінаў ляцелі на самалёце да месца прызначэння. За доўгі час дарогі я паспеў улезці ў інтэрнет і пачытаць, што пішуць пра аварыю расейскія агенствы, патэлефанаваў калегам у Хабараўск і распытаў пра сітуацыю ў горадзе. Так што ехаў больш-менш падрыхтаваным.

Тваё кіраўніцтва не цікавіць, валодаеш ты сітуацыяй альбо не. Ты — прафесійны журналіст, і ты мусіш знайсці кантакты, крыніцы інфармацыі, спраўдзіць, каб яна была надзейная, і гэтак далей.

Калі мы прыляцелі ў Хабараўск, па мінскім часе ўжо была глыбокая ноч, а тут — яшчэ

Потым знайшоў незалежных экалагаў з Сусветнага Фонду дзікай прыроды. Яны маніторыць сітуацыю з Амурам, і я пайшоў з імі на інтэрв'ю. Праз іх выйшаў на Інстытут водных рэсурсаў Расейскай Акадэміі навук, які працуе ў Хабараўску. Там я знайшоў сабе надзейную крыніцу, бо ўсе пробы вады, якія бярэ МНС, тэстуюцца ў гэтым інстытуце. Мне паралі звярнуцца да прафесара Кандрацьевай — і атрымалася бомба. Прафесар Кандрацьева сказала мне, што кітайцы ашукалі расейцаў, заявіўшы толькі пра бензол і нітрабензол. На самой справе сітуацыя была значна

Сяргей Грыц «падгледзеў», як карыстаюцца рачнымі «калодзежамі»

інтэнсіўнасць іх такая, то рэпарцёры... Я часам зранку прыязджаю з адной камандзіроўкі, а ўвечары з'язджаю ў іншую. І ў мяне ёсць, як я называю, «палявы набор» — металічны кубак, кіпяцільнік, кава, цукар, прылады гігіены. Гэта заўсёды напачатку — НЗ. Яно можа ляжаць месяц-два, а можа спатрэбіцца за гадзіну. Падхапіў — і выпраўляйся на месца. У выпадку з Хабараўскам мы спачатку даехалі да Масквы, а потым

раніца. Розніца ў часе — 8 гадзінаў. Хацелася спаць. Але трэба было працаваць. Схема звычайная, многім калегам вядомая: пасля засялення ў гатэль звязваешся з мясцовымі органамі ўлады, каб атрымаць афіцыйную інфармацыю адносна таго, што адбываецца. Дамаўляешся на інтэрв'ю. Я зрабіў інтэрв'ю з адказнымі мясцовымі супрацоўнікамі Міністэрства па надзвычайных сітуацыях, адміністрацыі Хабараўска.

горшая, бо кітайцы злілі ў Амур поліараматычныя вадароды і арганіку з утрыманнем хлору. Вынікала, што, калі вада трапляе ў ацяпляльную сістэму, пачынае расці грыбок, і гэта яшчэ больш катастрофічных наступстваў для Хабараўска. Пра гэта я і зрабіў матэрыял.

Пасля матэрыялу АР губернатар Хабараўскага краю казаў: «Вось амерыканцы напісалі, што нас ашукалі. Так вы, спадары кітайцы, афіцыйна адкажы-

це, што за падарунак да Новага года вы нам прыслалі?» Так інфармацыя пачала распаўсюджвацца.

— Дазволь цябе перапыніць. Вось ты звяртаўся да губернатара, незалежных экалагаў, у інстытут. Але першы матэрыял выдаў пасля размовы з прафесарам Кандрацьевай? Ці ўвесь час павінен быў выдаваць інфармацыю?

— Сітуацыя такая: мы прыехалі і чакалі пляму. Яна дайшла да горада праз 9 дзён. Але я павінен быў выдаваць матэрыялы кожны дзень. І не проста «інфармашкі», а паўнаватасныя гісторыі, агляды таго, што адбываецца ў горадзе. Матэры-

простых людзях. З гэтага кожны матэрыял пачынаецца і гэтым заканчваецца.

Гатэль, у якім я жыў, стаяў на беразе Амура. І першае, што я пачаў — рыбакоў, якія сядзелі з вудамі ля лунак. Я пайшоў да гэтых рыбакоў і пачаў распытваць, ці не баяцца яны атруты. Акрамя таго, нагадаю, схадзіў ва ўрад Хабараўскага краю, да незалежных экалагаў, і паразмаўляў з імі. На падставе гэтых размоў я зрабіў сваю першую гісторыю.

Шчыра скажу, працаваць было цяжка. У Маскве — нуль і дождж, а ў Хабараўску — мінус 30. Але гэта нікога не цікавіць, змерз-не змерз, спаў-не спаў, а збірай інфармацыю далей, каб быў запас на наступны дзень.

бай. Мы паехалі ў вёску за 300 км ад Хабараўска — да найцаў. Уся іх культура, традыцыі звязаныя з рыбай. Рыбу яны ядуць на сняданак, на абед і на вячэру і гавораць, што старыя людзі без рыбы пачынаюць паміраць. Першы раз у сваім жыцці я пачаў боты з рыбінай скуры. З лускай і шытыя спецыяльнай ніткай! Ёсць у іх вопратка — таксама з рыбінай скуры. І гэта — не ў музеі, а ў звычайным паселішчы, не экспанаты, а звычайныя побытавыя рэчы! Адно гэтае дапамагло выразна перадаць сувязь гэтага народа з рыбай.

З прычыны выбуху забарона на лоўлю рыбы ў Амуры ўведзена на два гады, а ў той вёсцы

ял павінен уключаць у сябе камментар прадстаўніка ўлады (афіцыйную інфармацыю), абавязкова — размовы з людзьмі на вуліцах, абавязкова — як людзі рыхтуюцца да прыходу плямы. Бо сістэма пісання для амерыканскага друку прадугледжвае неверагодную блізкасць да простага чалавека. Увесь час — расповед, як сітуацыя адбываецца на

— Колькі такіх гісторый вы з Грыцам зрабілі за хабараўскую камандзіроўку?

— Вялікіх гісторый — штук дзесяць. І кожны дзень ты не можаш пісаць адно і тое ж. Пакуль чакалі пляму, сітуацыю ў Хабараўску мы апісалі, пачалі шукаць іншыя аспекты тэмы. Уздоўж Амура жывуць малыя народы, якія харчуюцца выключна ры-

няма ніякай іншай працы, людзі займаюцца толькі тым, што ловяць рыбу. Мы, канешне, пыталіся: «А як вы будзеце жыць далей?» Яны казалі: «Альбо нам паміраць з голаду, альбо паміраць ад гэтай рыбы. Якая нам розніца? Напэўна, ад рыбы мы памром пазней, чым ад голаду». Вось такая гісторыя атрымалася ў нас пасля гэтай

паездкі да нанайцаў. Вельмі шмат падпісчыкаў купілі яе ў агенцтва.

— **Якія меды ў свеце надрукавалі вашыя гісторыі? Ты адсочваў, ці не было часу гэтым займацца?**

— Кожная тэма мае свайго падпісчыка. Хабараўск быў гарачай тэмай, і ў інтэрнеце штодня было звычайна ад 1000 да 1500 спасылак на мой матэрыял.

— **Ваша прэмія — за колькасць альбо за якасць матэрыялаў?**

— Я думаю, што і за колькасць, і за якасць. Але на карысць прэміі было тое, што мы значна апырэдзілі — здаецца, на гадзіну — усе расейскія інфармацыйныя агенствы. Ёсць такі прафесійны тэрмін — «маланка», маланка для агенцтва вельмі каштоўная: хто першы дасць інфармацыю пра падзею ці з'яву, у таго будзе больш падпісчыкаў, дзякуючы апэратыўнасці. Нашая маланка — вынік упартай і крыху манатоннай працы. На працягу сутак мы пільнавалі прыход плямы, кожныя 15 хвілінаў я тэлефанаваў у МНЗ і цікавіўся пробамаі вады. Як толькі першыя пробы бензолу і нітрабензолу далі станоўчы вынік, адразу тэлефанаваў у АР — і мы паведамлілі пра гэтае першымі! Усе астатнія агенствы былі пасля нас, у тым ліку і расейскія, якія мелі значную перавагу, бо працавалі ў сваім асяродку.

— **Юра, пэўна, ты добра ведаеш ангельскую мову. Пэўна, і Грыц ёю валодае так, каб зразумець, што ад вас просяць, і перадаць па той маланцы. Пэўна, вы адмысловым чынам трэніраваныя, каб вытрымаць ад 0 да мінус 30. Пэўна, маеце асаблівы лад жыцця ў сувязі з тым, што заўсёды павінны быць гатовыя да апэратыўнай работы. Як гэта ўсё дасягаецца? Ці ўвогуле гэта дасягальна для звычайнага журналіста?**

Шмат хто з калегаў ведае цябе звычайным журналістам, перад якім не стаялі такія экстрэмальныя задачы.

— Я думаю, што апетыт прыходзіць падчас яды. А пра экстрэмальнасць нашай працы і стаўленне да яе трэба запытацца ў нашых жонак. Бо першы час мая, канешне, нервалалася, а цяпер проста прызвычалася. Хоць, канешне, увесь час за мяне хвалюецца.

А праца — гэта праца. Ты не можаш даць сабе дазвол раслабіцца, ужываць алкаголь. Ты ведаеш, што ў любы час могуць патэлефанаваць. Адсылаеш сваю гісторыю і не ведаеш, калі яе

фесійныя спосабы захаваць працаздольнасць, нармальны стан?

— Ты проста працуеш. Я не магу параўнаць нашу працу, напрыклад, з працай выратавальнікаў, якія працуюць фізічна. Наша вымагае больш разумовых здольнасцяў, хаця, канешне, дакладная інфармацыя таксама выратаўвае людзей у розных сітуацыях. Але ў Хабараўску мой калега Сяргей Грыц адмарозіў кончык носа. Мы паехалі ў вёску Ніжні Спаск, на бераг Амура, дзе быў зладжаны лагер МНЗ — яны кожныя паўгадзіны бралі пробы з Амура. Я паразмаўляў са спецыялістамі і пайшоў грэцца ў машыну. А Грыц вымушаны быў рабіць фатаграфіі. Ён поўзаў па лёдзе ў 30-градусны мароз, шукаў нейкі ракурс і ў выніку адмарозіў кончык носа.

Дарэчы, Сяргей Грыц працаваў у Іране, Іраку, Афганістане, там дадатковыя меры перасцярогі — выдаюць бронекамізелькі, спецыяльныя каскі. У Лондане ёсць спецыяльная школа экстрэмальнай журналістыкі, і ўсе карэспандэнты перад паездкай у гарачыя кропкі праходзяць там навучанне і атрымліваюць сертыфікат, што яны падрыхтаваныя да працы ў небяспечных умовах. Мне падаецца, зрабіць фота ў напружанай сітуацыі — гэта значна цяжэй, чым напісаць тэкст.

— **Наколькі наша прафесія вымагае бесперапыннага набывання ведаў? У сучасных умовах яна вельмі шпарка развіваецца. Як сучасны журналіст, які працуе на замежнае агенцтва, ты павінен мець устойлівы навык працы з дыктафонамі, фотаапаратамі, інтэрнетам... Ці дастаткова сёння ўмець толькі класна пісаць?**

— Галоўнае — мець журналісцкі позірк на падзею. Усе

«Асашыэйтэд Прэс» (АР) — адна з буйнейшых і найстарэйшых службаў навінаў у свеце. Заснаваная ў 1848 годзе, яна з'яўляецца крыніцай навінаў, фотаздымкаў, графікі, аўдыё і відэа для больш чым мільярда чалавек у дзень. АР складаецца з 242 міжнародных бюро па ўсім свеце, у якіх працуе 3700 чалавек. АР — гэта ўстойлівы кругласутачны паток навінаў, 24-гадзінная бесперапынна абнаўляльная он-лайн-служба, адна з найбуйнейшых у ЗША тэлевізійная і радыёсетка. За сваю працу «Асашыэйтэд Прэс» атрымала 48 Пуліцэраўскіх прэмій (больш за любую іншую службу навінаў), 29 з іх — за фотаздымкі. АР працуе на пяці мовах — ангельскай, нямецкай, нідэрландскай, французскай і іспанскай. Штотыднёвая прэмія за найбольш удалыя матэрыялы складае 500\$.

выставяць на стужку, калі яна патрапіць да падпісчыка. Можна, праз 15 хвілін, а можна, праз гадзіну. І ў любую хвіліну можна патэлефанаваць рэдактар, каб удакладніць нейкую дэталю, нейкі незразумелы сказ, папрасіць дадатковых акалічнасцяў. Так што злоўжываць расслабленнем не можаш.

Я працую на расейскую рэдакцыю, таму вялікія гісторыі пішу па-расейску. А мяне потым перакладаюць. Але вельмі інтэнсіўна, хуценька вывучаю ангельскую мову.

— **Якія пры такой напружанай працы чыста пра-**

тэхнічныя прылады неверагодна дапамагаюць перадаць тое, што ты ўбачыў. Гэтае стагоддзе — стагоддзе інфармацыі і камунікацыі. Мяркуючы па гэтым, наша прафесія будзе ўсё больш папулярнай. Разам з тым, гэта вымагае ад журналіста ўсё большай і большай колькасці тэхнічных ведаў.

Напрыканцы студзеня ў Маскве адбылася вялікая канферэнцыя «Асашэйтэд Прэс», да нас прыязджаў спецыяльны трэнер з Нью-Йорка. Праблема ў тым, што газеты паміраюць. Асабліва грамадска-палітычныя выданні. І ўсё больш і больш увагі надаюць развіццю інтэрнет-старонак. Чалавек не купляе газету, а плаціць грошы за карыстанне інтэрнет-старонкай і кожны ранак чытае любімае выданне праз інтэрнет. У звязку з гэтым АР вырашыла, што мы павінны ісці на крок наперад. Да апошняга часу ў нас існавала асобная структура, якая займалася выключна журналістамі, што пішуць, асобная структура адсочвала фотасправу, і асобна існавала тэлебачанне. Цяпер прынятае рашэнне зрабіць чацвёрты так званы дэск, які называецца мультымедыя. Мяркуюцца, што чалавек, які зойдзе на старонку любімага выдання, прачытае не толькі мой тэкст. Ён зможа клікнуць на спецыяльнае акенца, у якім пабачыць слайд-шоу: не тэлевізійную версію таго, што адбывалася, не фотаздымак, а каля 30 фотаздымакаў, якія «плывуць» у гэтым акенцы. Адначасова з гэтым чалавек павінен пачуць пра тое, што адбывалася ў часе падзеі, і акрамя гэтага пачуць мой расповед пра гэтую падзею. Новы фармат падачы матэрыялаў спарадзіў шмат кліпаў сярод журналістаў, бо абавязалі акрамя тэксту і фота рабіць і гукавыя файлы. Паміж сабой мы сталі называць гэта «чалавек-аркестр».

— Ты рабіў нешта падобнае?

— Пасля згаданага семінара мяне чамусьці першага паслалі рабіць гэтую мультымедыя-гісторыю. Мы паехалі ў горад Алчэўск (Усходняя Украіна), дзе 60 тысяч насельніцтва засталіся без цяпла. У студзені там маразы

былі да -38° , у лютым — -32° . Жудасная сітуацыя: у шматпавярховых дамах у кватэрах $+3^{\circ}$. Пасярод горада стаяць вайсковыя намёты. У іх паляць буржуйкі, і людзі приходзяць туды грэцца. У штабе па эвакуацыі і ліквідацыі наступстваў нам распавялі, што 11 тысяч дзяцей эвакуявалі з горада. Нам казалі: «Мы нічога не можам зрабіць, бо 30 гадоў камуналка не рамантавалася, а за два тыдні мы не аднавім падачу цяпла». Мы знайшлі цёткачку, якая жыве адна. У яе ў кватэры $+3$, яна ходзіць у паліто. Пасярод пакоя ляжаць спілаваныя батарэі, бо іх разарвала ад маразоў. Такая ж сітуацыя ў іншых кватэрах. Цётка сядзіць і плача, а мой матэрыял пачынаўся словамі: «Слязамі і бутэлькамі з гарачай вадой абаграваецца жыхарка Алчэўска...». Гэта знялі фатограф і наша тэлебачанне. Потым мы паехалі ў шпіталь. Там, канешне, жудасная карціна, бо ў чатыры разы больш людзей з адмарожанымі рукамі і нагамі, з ампутаванымі пальцамі на руках і нагах...

Я, Яфрэм Лукацкі, фатограф з Кіева, аператар АР Тобі Мэцью — утрох пісалі мы пра гэты Алчэўск.

— Увогуле, наша праца заўсёды калектыўная. Ці маеш ты ў АР права выбраць сабе партнёра? З кім табе лягчэй працаваць — з незнаёмым чалавекам ці з тым, каго ты добра ведаеш?

— Ты нікога не выбіраеш. Каго табе прызначаць, з тым і едзеш у камандзіроўку. У кожнага свая праца, і фотакарэспандэнта можа цікавіць тое, што мне абсалютна не цікава. І наадварот — напрыклад, інтэрв'ю з афіцыйнай асобай абсалютна не цікава фотакарэспандэнту. Тэлебачанне — зусім аўтаномны кірунак. Яны ўвесь час вельмі доўга выбіраюць ракурс, выстаўляюць святло і г. д. Але ў выніку мультымедыяная гісторыя павінна спалучыць гэтыя розныя працы ў адно цэлае. У гэтым цяжкасць.

— Такая праца вымагае псіхалагічнай сумяшчальнасці, пэўных чалавечых якасцяў — каб калегам

было зручна з табой і табе з імі...

— Шмат у якіх замежных агенцтвах існуюць свая атмасфера і стыль паводзінаў. У АР — неверагодная павага адзін да аднаго. Калі ў цябе папрасілі дапамогу, ты не можаш сказаць: «Не, твая праца — займайся ёю сам». Ты ўвесь час мусіш быць з усмешкай, не маеш права дэманстраваць ці, крыў Божа, распаўсюджваць свой дрэнны настрой. Не можаш абразліва размаўляць са сваімі калегамі, распаўсюджваць чуткі. Ты абавязаны да ўсіх ставіцца паважліва. Мне падаецца, што гэта ёсць залогам таго, што ў любой сітуацыі, дзе б ты ні апынуўся, ты атрымаеш дапамогу. Бо сістэма стасункаў паміж супрацоўнікамі такая, што ўсе імкнуцца дапамагчы адзін аднаму і не абцяжарваць іншага сваімі праблемамі. Ці сумяшчальныя ў цябе з кімсьці рысы характару — гэта абсалютна нікога не цікавіць. Вы працуеце на адно агенцтва, і разуменне гэтага, на маю думку, не правакуе канфліктаў.

— Можа, ужо ведаеш, куды цябе «кіне» наступным разам? Пра якія падзеі, у якіх кутках блізкага ці далёкага свету будзеш пісаць?

— 16 снежня я з'ехаў у Хабарэўск. Мы планавалі вярнуцца 26-га, каб сустрэць Новы Год дома. Але да апошняга часу было невядома, вернемся мы на святы ці не. Вярнуліся мы ў Менск 30-га, таму Новы Год сустракалі дома. А ўжо 2 студзеня я паехаў у Кіеў. Пасля Кіева быў невялікі перапынак, потым нас выклікалі ў Маскву на гэты семінар-канферэнцыю. Праз дзень семінара паехаў у Алчэўск. Вярнуўся — і адразу ж на Кубак Дэвіса. Адзінае ў мяне жаданне — пару дзён нічога не рабіць, а проста адпачыць. Разуваю, што да 19 сакавіка гэтага не адбудзецца. Але я пакуль малады чалавек, і гэтая інтэнсіўнасць мне падабаецца.

Размаўляла
Таццяна МЕЛЬНІЧУК

ТВ по-французски

Недавно участники одной из российских телепередач — политики и журналисты — вновь заговорили о необходимости создать в России по-настоящему объективное общественное телевидение, поскольку существующие каналы зависят от своих владельцев и тенденциозны в подаче информации.

Белорусским зрителям не понять негодование россиян: отечественные телеканалы разнообразием не утомляют, размышлять не заставляют и вещают в единой простенькой «черно-белой» палитре: все, что у нас, — позитивно; то, что у «них», — от лукавого. И большинству, похоже, даже в голову не приходит, насколько антиобщественно и оскорбительно для многих граждан такое, с позволения сказать, «государственное» телевидение.

Тем временем у наших соседей-балтийцев, как известно, уже более десяти лет существу-

ет общественное ТВ, и деятельность его не управляется «сверху», а регламентируется законами, которые принимались после тщательного изучения европейского опыта.

В нашей стране одним из лучших знатоков зарубежного и, прежде всего, французского телевидения является инициатор сотрудничества между БТ и Международным Французским Каналом, шеф-редактор МФК на БТ **Спартак Северин**:

— Во Франции, где я проходил стажировку и, вообще, часто бывал, шесть основных телеканалов. Различные шоу,

«развлекаловки», спорт идут в основном на частных каналах, а серьезной тематикой — художественной, просветительской и прочей — занимаются акционерные ФР 2 и ФР 3, контрольный пакет акций которых принадлежит государству. Как ни странно, если представить все вещательное пространство Франции как круг, то окажется, что две трети в нем занимает частная телекомпания ТФ 1, которая очень дорожит своим имиджем.

— Насколько качество французской телепродукции отличается от нашей?

— Их даже сравнивать нельзя. Например, мультики там — шикарные, а реклама — хорошо поданное настоящее произведение искусства с отличной режиссурой. Во Франции не делают тупых прямолинейных роликов типа «Купляйце бела-

Анна ВУР

рускае!» (а из чего выбирать — непонятно).

Развлекательные программы там тоже не похожи на белорусские. Например, передача, название которой можно перевести как «Живое воскресенье», транслируется в эфире час сорок пять минут — два часа с перерывами на выпуски новостей. Но это не бездумная затянутая по времени «развлекаловка», к участию в ней приглашается много известных

по-французски: с легким юмором, даже сарказмом, но все в рамках приличия и с уважением к собеседнику.

Все развлекательные программы французских телеканалов отличает любопытная особенность: они никогда не переступают грани пристойности и отличаются хорошим вкусом. Там шутят, но шутки не бывают скабрёзными, как у нас говорят — «ниже пояса». Особенно недопустимо это в

вор, ему на телевидении делать нечего. Профессионализм нарабатывается годами, опытный ведущий может поддержать беседу на любую тему и с любым собеседником, будь то ученый, политик или кинозвезда, и зрители ему доверяют. Кстати, именно у зарубежных тележурналистов я научился брать интервью: заготавливаешь только первый вопрос, остальные задаешь экспромтом в ходе беседы.

Спартак Северин, знаток французского телевидения

людей, вплоть до президента республики, и она пользуется огромной популярностью.

— Какая же это развлекательная программа, если в ней участвуют серьезные люди?

— А они ведут как серьезные разговоры о философии, религии, так и легкие, остроумные. Передача разбивается выпусками новостей на несколько частей, и за интересной беседой о психологии или медицине может последовать выступление популярного певца. Ведущий работает поистине

воскресной программе с участием известных людей и популярных на всю страну ведущих.

— С некоторых пор на белорусских телеканалах появилось много молодых ведущих. Во Франции такая же ситуация?

— Ни в коем случае! Средний возраст телеведущих во Франции — 40–60 лет. Экран высвечивает человека буквально насквозь, и если у него пустые глаза, если он подглядывает в бумажку и не может продолжить начатый разго-

— Но для этого нужно хорошо знать тему, ведь недаром говорят, что хороший экспромт — это хорошо подготовленный экспромт.

— Правильно, но иначе вообще не следует быть журналистом.

— Мне совершенно непонятно, что такое рейтинг по-белорусски и как он определяется, если определяется вообще. Премии на отечественных фестивалях раздаются в основном программам, которые на различных телеканалах до

эфира не допустят. А насколько точен рейтинг французских программ и влияет ли он на их судьбу?

— Французы очень следят за рейтингом своих передач, потому что его отсутствие или снижение бьет по карману абсолютно всех производителей, а высокий рейтинг гарантирует не только деньги, но и славу, и признание, и почет.

В финансировании телеканалов участвуют все французы, и рейтинг они определяют очень просто. Каждая семья платит за любимую программу небольшую сумму. Не за телевизор, как это было у нас, когда стоимость вещания включалась в цену аппарата с учетом срока его эксплуатации и телевизоры стоили очень дорого, а именно за программу, телеканал.

Есть там, например, очень интересная передача «Корни и крылья», которая рассказывает о верованиях, традициях и даже кухне Франции и других стран...

— Простите, а почему такое название?

— Я бы сказал, что это фило-софско-романтическая, очень умная передача — у нас таких очень не хватает. Корни обозначают то, что удерживает нас на родине, а крылья всегда влекут в дальние края... Так вот, если качество этой очень популярной передачи вдруг снизится, рекламодатели сразу же переключатся на другой канал и станут платить за другую программу. Падение рейтинга приведет к тому, что передача лишится финансирования и перестанет существовать. А вот почему у нас так «вдарилась» в рейтинг, я понять не могу. Кто-то заявляет: «У меня рейтинговая программа!» Хорошо, пусть даже удалось каким-то образом установить, что ее вместо пятисот зрителей посмотрела тысяча, — и что это дает?

— Но ведь подобная схема прямого финансирования, похоже, исключает такое звено как продюсер?

— Ни в коем случае, потому что во французском вещательном пространстве электронные

СМИ заключают огромное количество договоров с разными компаниями и отдельными людьми. Это может быть соглашение между автором сценария и компанией, которая его субсидирует, или с режиссером, работающим в какой-то конкретной передаче. Договоры заключаются не только с сотрудниками телекомпаний, но и с нештатными авторами. Всей этой огромной работой и занимается продюсер. А начинается он с представления сценария. Для этого продюсеру приходится посещать десятки организаций, он старается провести представление как можно более профессионально, чтобы людям сценарий понравился. Продюсер заключает десятки, даже сотни договоров не только на создание программ, но и на проведение их в эфире, на приглашение гостей в студию и так далее.

— То есть продюсер добывает средства под конкретные перспективные программы, а не занимается тем, чем занимается рекламно-коммерческая дирекция на белорусских телеканалах, где речи о качестве передач не идет, деньги — выбиваются, обязанности многочисленных продюсеров остаются неясными?

— Совершенно верно. Когда я был на стажировке во Франции, мне дали здоровенную пачку электронных адресов организаций, которые субсидируют авторов сценариев, режиссеров, их ассистентов — в общем, всех, кто работает на программу. И там не надо ни у кого «выбивать» деньги — заинтересованные люди сами их дают, если видят, что передача действительно хорошая.

— Существуют ли во Франции структуры, которым позволено диктовать электронным СМИ, как и какие программы делать, кого показывать на экране, кого приглашать в студию и так далее? И обладает ли такими полномочиями, пусть даже негласно, руководство страны?

— Нет, во Франции это невозможно. Там, как и в Великобритании, и в других демократических странах, существует Высший аудиовизуальный совет, который наделен контролирующими функциями и до секунды распределяет между каналами не только количественные, но и качественные параметры. Если на ФР 2 в семь часов вечера идет детектив, то каналу ФР 3 Совет рекомендует давать фильм на другую тематику — скажем, драму или комедию, чтобы каналы не дублировали друг друга.

— Кто входит в Совет?

— Совет состоит из десяти человек: пятерых назначает президент, и пятерых рекомендует телекомпания. Президент назначает людей, которые пользуются непрерываемым авторитетом и уважением у сотрудников всех телекомпаний Франции. Они раньше работали на телевидении, в журналистике, хорошо знают свое дело. Назначаются на два года, а потом переизбираются. Кстати, хотелось бы, чтобы и наши ветераны пользовались таким же уважением у «молодняка».

Наиболее интересна работа Совета во время предвыборной и избирательной кампаний. Он скрупулезно, вплоть до секунды, следит за тем, чтобы всем кандидатам было предоставлено равное количество времени и чтобы все могли высказаться.

— Допустимы ли на французском ТВ в ходе предвыборной кампании оскорбительные выпады в адрес политических противников?

— Это исключено самим статусом французского телевидения. Французам интересно мнение и власти, и оппозиции, и они берут у обеих сторон все полезное, что можно использовать на благо Франции. Политики могут подтрунивать друг над другом, но оскорбительные выпады не позволяют. Грязь в эфире пачкает их самих и подрывает уважение к СМИ. Французы прекрасно понимают, что брань используется тог-

да, когда в споре не хватает аргументов.

Для французской правящей элиты и для избирателей очень важна оппозиция, потому что она подсказывает решения, которые не пришли на ум власти. Французы руководствуются восточной мудростью, которая гласит: «Опирайтесь только на то, что сопротивляется».

— Могут ли французские телеканалы тенденциозно подавать информацию?

— Нет, потому что информация — это голый факт, а иначе это уже комментарий, мнение специалиста.

— Но есть огромное количество способов отдать преимущество в эфире информации, которая выгодна той или иной партии, тому или иному политику.

— Это уже называется пиар. В Совете есть специальные люди, которые просматривают все передачи с целью отследить явные и скрытые попытки пиара.

Во Франции определяются четкие сроки, когда можно агитировать в эфире за того или иного кандидата в депутаты или

на пост президента. И есть список людей, которые могут это делать. За любое нарушение провинившимся грозит уголовная статья.

— Вопрос покажется наивным — и все-таки: возможно ли у нас применение тех принципов, которые действуют во Франции?

— Возможно, но только со временем. Развитие общественного сознания — процесс сложный, и он требует много времени. Люди сами должны захотеть проснуться и почувствовать себя уважаемыми гражданами. Для начала — хотя бы с юридической стороны. Ведь большинство наших соотечественников не имеют представления о своих правах и обязанностях, никогда не читали Конституцию страны, Гражданский и Уголовный кодексы, КЗОТ. Так что, пока большинством населения электронные СМИ будут восприниматься как средство массовой агитации и пропаганды, а не источник объективной информации и инструмент духовного развития, применение принципов французского телевидения у нас не возможно.

Кстати, однажды в Париже я был свидетелем забавной сценки: на «зебре» переходила улицу старушка. Шла она, не оглядываясь по сторонам, потому что знала, что водители не имеют права ее не пропустить. И вдруг какой-то бедолага заехал на «зебру» на несколько сантиметров. Что тут началось! Старушка отпрянула, а потом подскочила и стала зонтиком колотить по машине. Водитель сидел красный как рак и не издал ни звука, поскольку понимал, что нарушил чужие права. А старушка, отведя душу, гордо зашагала дальше. И все восприняли эту сцену совершенно спокойно. А в Италии, если, не дай Бог, хотя бы на десять сантиметров поднимут цены, на улицу выходит вся страна, потому что это не стадо баранов, а гражданское общество, которое знает свои права. Собственно, демократия начинается с осознания своих прав каждым гражданином и с его готовности эти права отстаивать, потому что, как сказал Иосиф Бродский, «тиранов делают рабы, а не рабов тираны».

Польская мозаика глазами белорусского студента

Павел АРТЮШКЕВИЧ

Год назад закрыли Европейский Гуманитарный Университет. Там занималось всего тысяча студентов — не потому, что туда никто не шел, а потому, мне кажется, что поступить было трудно, а еще труднее — учиться, и некоторые просто не выдерживали. Большую часть наших ребят определили в БГУ, но после общения с администрацией этого вуза многие переходить туда отказались.

Среди «отказников» был и я. Мы не знали, что будет дальше. Но благодаря международному авторитету ЕГУ и нашего ректора Анатолия Арсеньевича Михайлова нас пригласили на учебу вузы других стран. В числе группы из одиннадцати человек осенью 2004 года я поехал в Белосток.

Двадцать граммов колбаски

Пересекли мы белорусско-польскую границу и обалдели: дорога пошла ровненькая-ровненькая, а посередине — разделительная полоса, которая светится в темноте. Дома, в Беларуси, часто слышал, как польские трассы ругают, а тут... Поляки рассказали, что дорожные покрытия у них многослойные: вынимается грунт на определенную глубину, а потом укладываются специальные пластины, чтобы шоссе были надежные, не размывались дождями и их не нужно было ежегодно латать, как это делается у нас. В Польше есть специальные дорожные лаборатории, которые измеряют ровность поверхности: во время движения приборы показывают, насколько трасса не соответствует норме.

Наши же дороги, хоть кривые и латанные, зато широкие, и на них во время езды дышится легче. Польские трассы шириной всего в полторы полосы, поэтому возникает ощущение скованности. По такой мелочи, как рациональное использование дорожного и придорожного пространства, можно судить и о менталитете народа, и о поли-

тике страны, особенно если вспомнить работы Мишеля Фуко об экономии. Зато у нас душа шире...

Белосток — небольшой и зеленый город, полный контрастов: с одной стороны, он ремонтируется, становясь абсолютно европейским, с другой — в центре можно увидеть много заброшенных дворов, которые почему-то не трогают. Цены в Белостоке ниже, чем во многих других городах и регионах Польши. Местные жители объясняют это тем, что их город относится к самому бедному Подлясскому воеводству. Но дело, видимо, не только в этом: нужно учитывать, что Белосток находится в регионе с хорошо развитым сельским хозяйством. Кроме того, там отоваривается (причем в больших объемах) огромное число наших соотечественников. То есть происходит быстрый оборот средств, и повышать цены просто невыгод-

но. Кстати, сейчас Варшава вкладывает большие деньги в развитие этого региона.

В Белостоке, который чуть меньше Гродно, три гипермаркета: «Ошон» — один из одноименной сети французских гипермаркетов, распространенных по всему миру; затем — «Макро»; наконец, «Лерой Марлен» — строительный гипермаркет. В этих магазинах всегда очень много белорусов. Знакомые продавцы из «Ошона» считают наших соотечественников очень богатыми людьми, поскольку те приезжают с полными кошельками денег.

Сам «Ошон» по размерам — как полтора-два минских стадиона «Динамо». Минимальное время закупа — около двух часов. «Разброс» товаров — от самой дешевой «Народной марки» (это такой бренд, под которым продаются все виды продуктов, напитков и даже удобрения) до

очень дорогих. На вкус «Народная марка», по мнению всех наших ребят, отвратительна, да и поляки ее стараются не покупать, зато создается видимость всеобщего экономического равенства. Такие продукты приобретают, в основном, не очень богатые люди, старики, которых в Белостоке очень много. Но практически все бабули, которых я там видел, очень ухоженные и жизнерадостные.

В «Ошоне» огромный ассортимент и очень разные цены: стоимость килограмма колбасы, например, варьируется от 2 до 50 долларов. При этом поляки часто покупают по 20–30 граммов десятидолларовой колбасы: у продавцов есть специальные машинки, которые нарезают пластики по десять граммов каждый. Кстати, у поляков совершенно нет комплексов по поводу такого маленького количества, они друг перед другом в магазинах не «выпендриваются».

В супермаркетах периодически проводятся так называемые промоции, когда можно отовариться по очень низким ценам. Ко многим товарам даются гратисы, то есть бесплатные приложения: к шампуню — бальзам-ополаскиватель, к большой коробке чая — маленькая, а к двум коробкам «Камамбера» — бесплатная третья коробка сыра. У каждого маркета, как супер, так и гипер, — свои поставщики, так что в разных магазинах можно найти разные товары по разным ценам.

Когда я вернулся в Минск на зимние каникулы и пошел на рынок покупать продукты к Новому году 2005 году, то поразился, увидев, какой огромный скачок вверх сделали цены всего за три месяца! А когда приехал на весенние каникулы, то удивился еще раз, так как у нас картошка стоила вдвое дороже, чем в Польше.

В Белостоке же цены стабильно низкие. Там втрое дешевле, чем у нас, шампиньоны и любимая нашим народом щекотина, намного доступнее бы-

товая техника, посуда, стройматериалы, моющие средства, овощи, фрукты, макароны, рис и так далее. Свиную грудинку, например, можно купить и по полтора доллара за килограмм, и по пятнадцать, но это уже будет потрясающее копченое филе! Однако следует сказать, что отличную мясную вырезку там можно приобрести и за четыре доллара. Многих продуктов, которые продаются в Белостоке, у нас нет. Например, такого количества сортов салами, которые можно купить в «Ошоне», я не видел ни в одном минском магазине.

Траур по Папе

Я был в гостях у знакомых студенток-полек, когда мир узнал о тяжелой болезни Папы Иоанна II. Пришла соседка и сообщила, что Папа при смерти. Девчонки сразу загрустили, собрались и пошли за него молиться. В тот день опустело все общежитие.

Когда Иоанн II умер, в Белостоке была объявлена траурная неделя. На аэродроме, где он проводил службу 5 июня 1991 года, собралось почти 150 тысяч человек со свечками, служба продолжалась до полуночи, что для Белостока очень поздно, потому что городской транспорт работает там до 24.00, и после одиннадцати вечера прохожих на улицах практически не встретишь. Утром на несколько минут было остановлено движение, звучала сирена. На антеннах машин появились траурные ленточки. Знакомый студент сказал, что даже смерть президента не вызвала бы такой скорби, поскольку президент — всего лишь политик...

Смерть Иоанна II объединила поляков всего мира. Во время выборов нового Папы они почему-то надеялись, что главой католической церкви снова будет поляк, но, к их огорчению, выбрали немца.

Польская молодежь посещает все службы и участвует в религиозных праздниках. Но, как мне кажется, заповеди не очень-то соблюдает. Знакомый парень из Москвы, который

учится в Белостокской семинарии, говорил, что некоторые молодые поляки позволяют себе не очень лестные высказывания в адрес клериков, причем не только за глаза.

Белосток — самый православный город Польши, православных там — 40%. Здесь красивые церкви и костелы. Жители Белостока благосклонны к другим конфессиям. Но когда фермер, у которого я подрабатывал летом, узнал, что я не крещен, то сказал, что меня нет.

К белорусам поляки относятся хорошо, у меня даже появилось ощущение, что они считают нас братьями, которые сбились с пути истинного, и поэтому все время дают советы.

Например, как изменить жизнь к лучшему, — потому что считают политику нашего руководства, мягко говоря, неадекватной. И в связи с этим нас жалеют. Поляки очень возмущались конфликтом между Беларусью и Польшей из-за Союза поляков. В это время я как раз начал работать у фермера. Один парень приставал ко мне с вопросом: за что мы не любим поляков? Но фермер сказал ему: «Во всем виновато белорусское руководство, а не белорусы. Это разные понятия, не путай! И в Польше, и в Беларуси политиков-популистов хватает».

Полиция в Белостоке не похожа на нашу. Расскажу одну

историю. В первый месяц пребывания в Польше мы с другом, возвращаясь из «Ошона», заблудились. Вскоре набрели на полицейский участок, полностью разрисованный граффити. Подошли к полицейскому фур-гончику (у них там не «козлы», а «минивены» фольксвагенские), спрашиваем, как пройти к общежитию. Полицейские улыбаются, спрашивают: «Русские?» «Не-а, белорусы, учимся тут». Они еще шире заулыбались и сказали, что будут проезжать мимо нашего общежития и, если мы не против, то нас подвезут. Мы согласились. Пока ехали, полицейские нелестно отозвались о белорусских властях, даже как-то неловко стало. Подумал: ну сколько можно, разве это главное в отношениях между нашими странами?

Должен сказать, что никакой официальной антибелорусской пропаганды в Польше не ведется. Просто граждане высказывают свое личное мнение по поводу разных событий, о которых узнают как из польских, так и из общеевропейских СМИ. Кстати, никто из тех, с кем я общался в Польше, не только не видел передач белорусского телеканала, который вещает на зарубежье через спутник, но даже не слышал о его существовании. Все смотрят свое телевидение.

Нас довели до общаги и мило распрощались.

Транспорт в Белостоке ходит точно по расписанию, которое висит на каждой остановке. Здесь даже указано, какой придет автобус — с низкими ступеньками или нет. Водители «вооружены» часами и рацией, так что на моей памяти автобус ни разу не опоздал.

Поляки очень вежливые и все время извиняются. Сдержанно на улицах и в общественном транспорте ведут себя не только взрослые добропорядочные граждане, но и подростки.

Зато когда поезд пересекает границу, то по истошным, воплям соотечественников, заполняющих вагоны, даже с закрытыми гла-

зами узнаешь: вот наконец-то и Родина! Синдром вежливости преследует тебя еще некоторое время после возвращения в Минск — все время хочется сказать: «Пшепрашам!» Но дня через два-три о подобной «глупости» забываешь.

Пончики и халва в батончиках

Некоторые из продуктов и товаров, которые мы покупаем в Белостоке, встречаются и в минских магазинах. Но цены на них в три, а то и пять раз выше. Дороже у нас — правда, незначительно — и польские пончики под местным названием «берлинеры». Мне, например, очень нравится продукция «Слодыча», но польская выпечка, особенно пончики — это что-то! Они не только дешевле наших «берлинеров», но и вкуснее, слаще, крупнее и сытнее. Хотя белорусский хлеб, по моему, гораздо лучше польского.

Есть в Беларуси продукты, которые очень ценят поляки, но стоят они дороже, чем у нас. Например, продается там дешевое сливочное масло, но оно содержит растительные добавки и невкусное. А такое, как у нас, натуральное, в Польше стоит очень дорого. Поэтому мы ведем с собой из Беларуси сливочное масло, кефир, гречку — такой чистой, ядерной гречки там тоже нет. Полякам очень понравилась наша халва в батончиках, которой я их угощал, наша крепкая горчица, дешевые рыбные и мясные паштеты, наши шампанское и джин-тоник. В Польше очень дорогие сигареты, пачка самых дешевых стоит не менее полутора долларов. Десять долларов, в среднем, стоит пол-литра водки. Любят поляки белорусскую водку и оценивают ее значительно выше, чем свою. Наша водка — это бренд!

В Белостоке можно весьма неплохо провести свободное время. Например, в специальном чайном бутике «Чай мира». Приятно спокойно посидеть, попить чаю, купить тот сорт, который больше понравится. А чай там отличные!

В общем, прожить, ни в чем себе, по нашим белорусским меркам, не отказывая, вполне можно за сто долларов в месяц (это без оплаты жилья). Мы, случается, укладываемся в срок, причем в наш рацион входят мясо и фрукты, которые в Польше очень дешевые.

Был забавный случай. Все мы, студенты ЕГУ, общаемся между собой через интернет, независимо от того, в какой стране живем. Однажды приходит послание от наших ребят, которые учатся в Санкт-Петербурге: «Денег нет, сидим на одних пельменях». Мы отвечаем: «Денег нет, сидим на копченном мясе, шоколадной пасте и мандаринах». По СТВ недавно была кулинарная передача, где учили готовить мясо в ананасе. Но мы собираемся воспользоваться этим рецептом в Польше, потому что в Беларуси для студентов это нереально.

Вернемся к досугу. В Польше удачно ведется так называемая «барная» политика. Здесь такие заведения называются пабами, они делают деньги не на ценовых «накрутках» на напитки, а на количестве посетителей. Очень часто музыканты дают в пабах концерты, но, в отличие от многих белорусских питейных заведений, вход на такие мероприятия бесплатный. Обслуживание там гораздо лучше, чем у нас. Помнится, я просидел в пабе весь концерт, а это три часа, с одним стаканом джин-тоника: английский джин, тоник «швепс», лимон, лед — и заплатил за удовольствие всего два доллара. А теперь вспомните, сколько стоит в наших барах пиво «Криница».

В польских пабах очень много студентов, и никто не напиивается. А у нас, чтобы сходить в бар и выпить той же незаплатившей «Криницы» или «Аливари», нужны деньги. Да и, чтобы не «пролететь», все планируется заранее. В Польше же захотелось зайти — зашел. В Белостоке тридцать, если не больше, пабов, и пиво там, кстати, замечательное.

В будний день в городе практически не встретишь де-

вушек на высоких каблуках, чаще всего они ходят в кроссовках или какой-нибудь другой удобной обуви. А туфли на каблуках — это для вечерних и торжественных мероприятий. Одеваются в Польше по-европейски, то есть в простую и удобную одежду: джинсы, баечки, правда, все это фирменное. Одежду и обувь поляки приобретают чаще всего в фирменных магазинах во время распродаж. На рынке одеваются только приезжие из бывшего СССР и не самые обеспеченные поляки, которые на социальной лестнице находятся ниже среднего класса. В «Ошоне» на распродаже можно найти неплохие кроссовки по цене от 5 до 15 долларов, брюки — за такую же цену. Я, например, купил себе приличные летние сандалеты за шесть долларов, фирменные немецкие кеды — за семь, байку и маечку — по три доллара. Видел на распродажах дешевую бытовую технику. Отличный малогабаритный холодильник, например, продавали всего за 20 долларов.

Фермер и хозяин

Безработица в Польше и, в частности, в Белостоке, наверное, есть, но какая-то не такая, как у нас: во-первых, я не видел ни одного праздношатающегося, а во-вторых, в нашем вузе есть офис, который предлагает студентам временную и постоянную работу. И вариантов здесь навалом.

Однако редкий польский студент согласится работать за 200 долларов в месяц, потому что считается, что это очень мало. Нас, белорусов, такая сумма более чем устроила бы, но иностранцам нужно разрешение на работу, поэтому мы ищем какие-то другие варианты. Поляки идут нам навстречу, и периодически удается заработать небольшую сумму. А на лето знакомая студентка «сосватала» меня к своему родственнику-фермеру, у которого я проработал месяц и убедился: чтобы прилично зарабатывать в какой-либо

сфере, нужны хоть какие-то навыки.

Фермера зовут Ян Надольный, его жену — Эльжбета, для друзей — Элла. В их семье трое детей разного возраста: Наталья, Эмиля и Петрик. Хозяйство специализируется на агротуризме. Элла рассказала: «Агротуристический комплекс предложила создать я, хотя вначале мы предполагали открыть только бар и гостиницу. Но я подумала, что все равно посетители ужинают, пьют вино, а потом ночуют. Сейчас у нас своя гостиница, десять коней, на которых возим туристов, много лодок, коляска для конных прогулок и двое саней, потому что наш комплекс работает круглый год».

Элла местная, Ян — приезжий. Для организации хозяй-

ства у них были кое-какие сбережения, но они взяли еще и кредит. Кстати, почти все в Польше пользуются кредитами, поскольку уверены, что смогут их вернуть. Комплекс Надольных находится в маленькой деревеньке Сулин и называется «Царский тракт». Название не случайное. Как написано в визитке, отель стоит на дороге, по которой ездил царь и которая ведет в Ломжу.

Комплекс состоит из двух зданий: первое — для гостей, оформлено под старинную охотничью стоянку или гостиницу, во втором же, двухэтажном, построенном недавно, живет семья фермера. Комнаты их расположены на втором этаже, а на первом устраиваются банкеты, которые очень часто заказывают различные организации.

Места там красивые, рядом озеро. Но наша природа — ничуть не хуже, а кое-где и живописнее.

Фермерам — за сорок лет. Делами и деньгами, по моим наблюдениям, распоряжается Элла. Сутки проживания в отеле, вместе с питанием, стоят 20 долларов. Если номер повышенной комфортности — то 25. В отеле очень уютно. Элла отлично готовит, ей помогает работница. Обеды каждый день подаются свежие, все остатки достаются гусям и собакам. Обеденное меню такое: суп, много мяса и гарнира, салаты, на третье — компот, фрукты, сладости. Все подается не на тарелках, а в супницах, салатниках и на блюдах. И каждый берет, сколько хочет. Элла жалуется, что устает, в клиентах они недостатка не испытывают. Очень много туристов из-за границы, при мне в отеле несколько раз останавливались немцы, англичане и даже канадцы, и всем там нравилось.

У Надольных есть свой магазин, за товарами для гостиницы и магазина Ян ездит в Ломжу, на оптовые склады, где могут отовариваться только предприниматели. На складах стоят компьютеры, есть база данных на каждого клиента. Много складов и магазинов люди держат при собственных домах. Поэтому товары здесь дешевле, чем даже в «Ошоне». У Надольного есть советский «уазик», который он почему-то называет «газиком». «Люблю польских девушек и советские автомобили», — шутит он и устраивает на своем «газике» экстремальную езду по лесу, хотя несчастной машине более пятидесяти лет. Я спросил у Яна, почему они не выращивают овощи для постояльцев или хотя бы зерновые на корм лошадям? «А зачем? — удивился он. — Каждый должен заниматься своим делом». Думаю, что это одна из основ развития малого и среднего бизнеса в Польше. Государственных ма-

газинов или хозяйств в этой стране не существует.

У фермеров Надольных есть сосед, который называет себя «простым хозяином». На государство он не работает, а ведет только свое хозяйство. При этом у него в собственности три трактора, две машины, косилка, около тридцати гектаров земли, две коровы, свиньи и много кроликов. Еще у него три дочери (две уже замужем) и два сына. Официально нигде не работая, хозяин сделал евроремонт, купил параболическую антенну. Я спросил, откуда у него на это деньги. Он объяснил, что зарабатывает, выполняя небольшие заказы соседей: чинит технику, помогает косить и так далее. Ему вполне хватает. Правда, он платит налог на доход и делает небольшие взносы в пенсионный фонд.

Недалеко от «Царского тракта», рядом с Визной, есть поселок Гранды, где живут полторы тысячи бывших колхозников. Хозяйство, где они раньше работали, специализировалось на животноводстве и просуществовало двадцать лет, а после перестройки сразу же развалилось. Потому что, как сказали соседи, там никому и ничего не было нужно. Советская модель коллективизации их развратила. Теперь бывшие колхозники ничем не занимаются, только пытаются выжить, подрабатывая по мелочи. Дела у них обстоят, судя по всему, не очень хорошо. Я там был и видел эту серость, даже в воздухе ощущалась какая-то безысходность.

Как наши бабки «срубуют бабки»

Наши соотечественники научились хорошо зарабатывать на белорусско-польской границе. Даже, оказывается, выражение такое есть: «живут с границы». Этим занимаются и гродненцы, и, видимо, брестчане. Происходит все следующим образом. Наши ребята покупа-

ют «фольксваген универсал», у которого вместимость бака сто литров и который работает на дизельном топливе. Проезжают через границу и ныряют вглубь Польши, где и продают «соляру». Чем ближе к Варшаве, тем дороже топливо. Правда, на обратную дорогу оставляют пару литров.

Парень, который меня как-то подвозил, рассказывал, что в его машине вообще два бака: «дизельный» — для продажи, а второй — для газа, что позволяет ему забираться дальше остальных и продавать подороже. Польша, по его словам, поделена на своеобразные «участки», как у детей лейтенанта Шмидта в «Двенадцати стульях», и на вотчину соседа заходить нельзя, иначе и по морде можно схлопотать. Раньше за такой провоз топлива пограничники могли забрать машину, сейчас же, бывает, разворачивают обратно. «Скорее всего, поняли, что Беларусь это выгодно», — предполагает мой новый знакомый.

А начинал он довольно просто: приехал в Польшу и предложил топливо первому попавшемуся фермеру. Сейчас же у него своя довольно обширная клиентура.

«Кормятся» на границе и наши бабушки. Пользуясь дороговизной водки и сигарет в Польше, они провозят все это в Белосток, где и продают на рынке. Проезжают через границу они довольно весело: с утра стоят возле КПП и ловят машину, которая провезла бы их в Польшу, платят водителю по доллару. Возвращаясь назад, уже сами берут с водителя два доллара за то, что регистрируют на себя по 50 килограммов его груза. Так как больше этой нормы одному человеку перевозить бесплатно через белорусскую границу запрещено.

Услышав про такой бизнес, я подумал: почему бы белорусско-польскую границу не объявить свободной экономической зоной свободных граждан?

Колбасная правда

— Скажите, это проспект Победителей, бывший Скорины?

— Нет, это бывший Машерова, а бывший Скорины — это проспект Независимости...

Минский фольклор лета 2005 года

Простое перечисление энерго- и материалоемких промышленных производств, практически полностью зависимых от внешних поставок сырья и энергоносителей, позволяет сделать вывод о том, что экономика БССР, как никакой иной из союзных республик, подчинялась Центру.

Константин СКУРАТОВИЧ

Относительно развита

После 1991 года Центр где был, там и остался. Но централизованное распределение ресурсов прекратилось, а Беларусь так и осталась в ситуации зависимости от российских рынков сырья и сбыта. Что же касается остальных стран СНГ, за исключением Украины, то экономические взаимосвязи с ними совершенно незначительны.

Промышленность Беларуси, как любят утверждать эксперты, относительно развита. То есть уровень ее развития полностью отвечал «высоким» советским стандартам, но не совсем соответствовал требованиям даже восточноевропейских государств, не говоря уж о критериях остального цивилизованного мира. Поэтому возможность выбора партнера была крайне ограничена. Вернее, ее вовсе не было. Еще в 1993 году тогдашний премьер В. Кебич в сердцах заявил журналистам: «Да не хотим мы сдать суверенитет. Но что делать со страной, которая на 80% зависит от импорта сырья?»

Действительно, что? Среди так называемых хозяйственных и политических элит возобладала уверенность в необходимости сохранения «народнохозяйственных связей» любой ценой, даже если придется поступиться нежданно полученным государственным суверенитетом. Эта точка зрения стала домини-

ровать и в электоральной среде, что во многом определило протестный характер первых президентских выборов, в результате которых представитель власти (В. Кебич) проиграл А. Лукашенко, обещавшему уже к концу года «запустить заводы» за счет стремительного восстановления прежнего положения дел.

У нового руководства не было понимания того, что наступающий рынок разрушает только неперспективные связи, но укрепляет выгодные. Не было ни философии, ни идеологии государственности. Как нет их до сих пор. В официальных справках, например, Республика Беларусь представляется так: дата образования — 1 января 1919 года, дата принятия Декларации о государственном суверенитете — 27 июля 1990 года. Надо ли говорить, что образованное государство (БССР), не имевшее суверенитета, было псевдогосударством, поэтому и не имело собственной экономики. Такую экономику, соответствующую интересам страны и ее возможностям, надо было создавать.

Задача, таким образом, заключалась не в сохранении роднохозяйственных связей с Россией, не в дальнейшей эко-

номической интеграции с нею, а в последовательном и постепенном ослаблении экономической зависимости от нее.

Иными словами, главной целью должно было стать государственное строительство во всех сферах: в экономике, во внешней и внутренней политике, в культуре и т. д.

Но вместо выработки и реализации такой стратегии посредством консолидации усилий всех общественных сил, новое руководство страны приоритетом для себя избрало популизм — самый надежный инструмент удержания власти.

Все последующее развитие и ближайшая перспектива определяются именно этим обстоятельством.

О роли личности

Очень многое в современной Беларуси определяется личностью Александра Лукашенко и тех «бойцов невидимого фронта», которые обеспечивают его деятельность. «Невидимых» потому, что, кроме Лукашенко, иных официальных публичных политиков попросту нет. Где-то что-то скажет Мясникович, о чем-то заявит премьер, но все будет вторичным выражением господствующей воли. Границы

в оценках этой воли общество определяет двумя противоположными утверждениями: случайный президент и президент — плоть от плоти народной.

Оба этих суждения достаточно банальны. Ведь само появление человека на свет есть результат стечения множества случайных обстоятельств. Роль случайности в жизни настолько велика, что впору говорить о лотерее, в которую каждый из нас вынужденно и непрерывно играет. И все, в общем, зависит от того, как карты лягут. Эта особенность бытия людям впечатлительным не дает спать по ночам. В измученном неудачами воображении вертятся навязчивые мысли: вот если бы Керенский арестовал Ленина, вот если бы не было выстрела в Лизно, если бы тогдашняя власть довела расследование обстоятельств покушения на кандидата в президенты А. Лукашенко до конца, если бы в штабе Кебича сумели увидеть в нем главного соперника...

Короче, сплошное сетование на стечение обстоятельств. В 1994-м президента на самом деле выбрало большинство, но это ничего не говорит о нарушении каких-то закономерностей, согласно которым победить должен был кто-то иной. Зашел на огонек случайно, да и остался за хозяина. Поэтому не должно быть никаких иллюзий: удачливый игрок свое по-хорошему не отдаст, азартный — пойдет до конца. И надеется, опять же, можно только на случайность.

Не мы выбираем время, время выбирает нас и выдает нам подходящие игрушки. Конец 80-х — начало 90-х — годы невротические. Это время «Московских новостей» и «Огонька», «Чонкина» и «Детей Арбата», публично казнимого памятника Железному Феликсу. Это время морального воодушевления, когда многие, если не большинство, своим поведением напоминали школьников, тайком от учителя убежавших на ближайшее поле. Сперва шалили, играли в казаки-разбойники и шумно радовались минутной

свободе... Но ближе к ночи бунтарей охватило чувство тревоги перед неизвестным будущим. И вот они испуганно переглядываются, трусливо прижимаются друг к другу, затем внезапно со всех ног бросаются обратно в школу, где их ждет неотвратимое наказание, но где они все-таки осознают себя наконец в полной безопасности. И испытывают чувство благодарности к учителю — он их простил.

Добавим: было время «Чонкина», но не Абуладзе — ждавшее перемен общество слишком быстро деградировало в толпу, толпа же к покаянию не способна. Среди всех качеств «учителя» ее больше всего привлекает именно суровость и справедливость. Всего этого в Лукашенко было в избытке. И прежние кумиры-соблазнитель, к которым жаждал хотя бы прикоснуться едва ли не каждый, сразу же стали «самым слабым звеном». К сожалению, игра была не понарошку.

Так что вполне можно сказать, что А. Лукашенко — плоть от плоти народной. Но совсем не потому, что белорусы такие-сякие «атеисты православные». Характеристика общества, попавшего в ситуацию сверхобычной неопределенности, взята автором из книги Огюста Кабанеса и Леонарда Насса «Революционный невроз», в которой исследуется электоральное, как теперь говорят, поведение во время Великой французской революции. Авторы достаточно убедительно доказали, что примерно одинаково бестолково, кровожадно, распутно вели себя представители всех социальных слоев: и знать, и чернь, и нувориши... За редким исключением. А во-вторых, Кабанес и Насс предположили, что в аналогичных ситуациях все общества ведут себя одинаково. Страхась наказания, совершают преступления и ждут избавителя, который простит и примет на себя ответственность за все. На русском языке «Невроз» вышел в 1906 г., причем в предисловии указывалось на огромную вероятность такого

развития событий в России, на что должного внимания не обратили. Власть, как обычно, себя переоценила, не разглядела врага: «Кто же будет совершать эту революцию? Уж не тот ли господин Троцкий, который имеет обыкновение читать газеты в «Safe Central»?»

Оказалось, и Троцкий тоже. А когда всем надоели шалости, «случайно» пришел вождь и учитель, и сильные сразу стали самыми слабыми. Система запретила смеяться над ней, а разрешение поцеловать полушинели вышестоящего стало формой поощрения властью простого и не очень советского человека.

Правдивая колбаса

В СССР многие жаждали перемен и даже готовили их. Однако не все ясно понимали, что и как надо делать, от чего необходимо отказаться, что сохранить, какую новизну внести, что заимствовать из чужого опыта. Ответы на эти вопросы, а впоследствии и конкретные дела, лучше всего удались тем, кто за основу взял демократические ценности, настоял на неукоснительном их применении на практике. И оказалось, что свобода как состояние души способна к материализации в виде экономических благ. Коль попрапа справедливость,

ее надо восстановить в полном объеме.

Если пошел дождь, то следует раскрывать зонт или строить жилище. В Беларуси, выбирая нормы поведения в изменившихся экономических условиях, решили остановить дождь. Поэтому приходится теперь делать вид, что рыночные отношения, по правилам которых живет весь мир, в том числе и наши ближайшие соседи, для нас не указ. Что мы можем и лучше, и больше, и дальше всех.

Однако не все так просто. Кажется, у Саши Черного есть сказка о том, как солдатику царской, понятно, армии прислали домашней колбаски. Естественно, свою долю взял фельдфебель, угостился ротный. А колбаса оказалась не простой, а «правдивой». Представьте, что было после, когда нижние чины высказали все, что они думают о высших, а ротный назвал батальонного «свиньей в погонах». Это я к тому, что жизнь в ее непосредственных проявлениях говорит о себе больше, чем любой математически безупречно составленный статотчет. По моим собственным наблюдениям, впервые колбаса ценой в 10 долларов появилась в магазинах накануне 2005 года, а ныне столько стоит практически все копченое, сырокопченое и вяленое. А средняя начисленная («грязными») зарплата — 200 с маленьким лишком долларов. Ну не может в стране, где процветает сельское хозяйство, килограмм во всех отношениях обычной колбасы стоить $\frac{1}{20}$ зарплаты работника. Если бы было так, то сколько бы она стоила, допустим, в Германии, где средняя зарплата около 3000 евро?

Поэтому белорусская колбаса свое прямое назначение (как продукт питания) исполняет только время от времени, когда хозяйка, например, решит побаловать домочадцев чем-нибудь вкусненьким. А вот косвенное — антиидеологическое — постоянно. Колбаса даже не рассказывает, она вопиет: «Не верьте сказкам о растущем колхозном изобилии!»

Как и любая иная, белорусская модель социально-экономического развития есть продукт общественного соглашения, договора между властями и, надо полагать, значительной частью населения. Вот потому-то она и «вертится». В другой стране было бы по-иному.

Однако есть и внешние обстоятельства, от белорусов не зависящие, которые указывают на пределы этого компромисса.

Осенью 2005 года одному из таких обстоятельств сильно удивился председатель Нацбанка Петр Прокопович. Как это, мол, так: у нас уровень безработицы — 1,59%, а на десятках предприятий зарплата всего 160–180 тысяч рублей. Значит, люди на таких предприятиях работают только потому, что ничего лучшего найти не могут. Именно так, уважаемый Петр Петрович, в рамках той социально-экономической системы, которая создана и при вашем непосредственном участии, люди действительно лишены возможности выбирать.

Что было делать?

Отвечать на этот извечный вопрос надо было исходя из того, что решено было сделать. Эстония, Латвия и Литва пожелали сделать свои государства в полном смысле суверенными, европейскими, несоветскими, какими они и были до 1940 года. Они первыми вступили на стезю борьбы за независимость и в короткое время (за два-три года) провели всю необходимую подготовительную работу. А после августа 1991-го у них исчезла всякая необходимость сверять свою политику с намерениями Москвы. Кстати, у прибалтов тоже нет своего сырья, но они совершенно спокойно восприняли бензиновую блокаду Горбачева, повысив цены на горючее до уровня, который позволил направить топливные потоки в их страны. Извоз ведь во многом дело частное даже при социализме. А границ как таковых между метрополией и странами-блокадниками не было. В итоге тот бензин, ко-

торый должна была получить Псковщина, оказался в Латвии.

Правда, как, например, в той же Беларуси, промышленность прибалтийских республик была не такой ресурсоемкой. Центр, памятуя о традиционном для Эстонии, Латвии и Литвы сепаратизме, не особенно стремился к размещению здесь промышленных гигантов, а они не особенно настаивали. Говорят, что латыши даже отказались от строительства метро в Риге, опасаясь, что наедущие с «материка» метростроевцы окончательно превратят коренную нацию в меньшинство.

Прибалты не строили никаких иллюзий в отношении собственной промышленности, отдавая себе отчет, что микроавтобус «Рафик», приемник ВЭФ да телевизор «Шилялис» только для советского народа хороши, а в Европе им грош цена. Поэтому надо привлечь капитал да строить новое — на европейском уровне. Иначе в той же Европе пропадешь. Кроме того, была общенациональная солидарность: пусть с колбасой будут перебои, но, прежде всего, пусть будем «мы». И, разумеется, было понимание того, что все делается не вообще для людей, а для каждого отдельного, частного человека. Поэтому все советские законы, все прежние экономические подходы следовало отменить. Кто хочет и может быть банкиром, пусть будет им, фермером — пожалуйста. Именно по этой причине стремительно и болезненно для общества колхозная система была реформирована, а ее место заняли многочисленные фермерские хозяйства.

Именно по этой причине наши соседи живут в демократических странах и знают об этом. Мы же по-прежнему ломаем головы: кто мы, с кем мы, под кем мы? Сегодня Скорину чествуем, а завтра — на окраину задвигаем.

Оттого и грустно, братцы...

ВЕСТИАРИЙ

Андрей БАСТУНЕЦ

У каждого из нас своя война,
свои потери и свои находки,
у каждого из нас свои победы,
а поражение — одно на всех.
И эту чашу выпьем мы до дна —
не зная меры, обжигая глотки.
Так в сорок первом отступали деды,
теряя веру в Бога и в успех.

По улицам бесцельно
хожу — весна.
Я знаю себе цену:
мне грош цена.
Хожу с улыбкой зыбкой,
в руке — лаваш,
в толпе разноязыкой
ищу я Вас.

Плыву не по течению,
полдня в тени.
Но вверх пошли качели,
а солнце — вниз.
Надкушенный, улыбкой
в руке, — лаваш.
Себе равновеликий,
ищу слова:

наречия для встречи
и для разлук.
Но гаснет, гаснет вечер,
не зренье — слух
снимает с ночи сливки,
а там — темно.
Слепец сжимает скрипку —
не помнит нот.

Не видно ни кола, ни
двора, хоть глаз
коли. Огонь желанья —
и тот погас.
Но нет! — огонь дрожащий —
свеча в ночи —
вплывает в черный ящик.

За словом завалящим.
Кто ищет, тот обрящет!

Найдешь — молчи.

В деревне нет ни Бога, ни милиции.
Здесь киснет
в трехлитровках молоко,
и скисшие заезжие патриции
сидят, закинув донки, над рекой

(а до реки до той — подать рукой).
Здесь поддают по-черному:
лечиться б им,
да доктор пьян —
не справившись с тоской,
которую неделю пьет из принципа.

Пустует школа: редких учениц ее
по будням тянет к жизни городской.
По праздникам разбитыми в
кровь лицами
не удивить. Но, в общем, —
тишь, покой,

в грязи копающиеся не-птицы и
дешевая ириска за щекой.

Верил я бы полной верой
даже в этот день базарный, но
расплескалось из кустарного
кубка — ложь на дне видна.
Пригласил бы я гетеру —
настроенье не гитарное,
выпил бы вина «Бастардо» я,
только нет его, вина.

Спит орел с дешевой решкой
по согласью по хорошему,
хоть монета вверх подброшена.
Медным росчерком блесны
завороженный,
замешкав —
гость незванный,
гость непрошенный, —
я стою в преддверьи осени,
в послеверии весны.

ПИСЬМО ИЗ РИМА

Долгим был путь с
переходом на личность
мальчиков, выросших на молоке
умной волчицы. И вот на реке —
город. Не Питер, но тоже приличный.

«Тоже» — смешно.

Но став снова никем,
к ночи, что в свете неоновом тычет
варвара — носом
в красоты carpiccio,
я так устал, что взгрустнул о «совке».

Как вы живете в своем далеке?
Круг очертя на холодном песке,
входите смело в его околичность?

Я — вышел вон
и слоняюсь в тоске:
в парках музеев, в музеях паркет,
мятый восторг
и нехватка наличных.

Пусть случится то,
что должно случиться:
догорит листва,
растворятся птицы
в серо-кислом небе,
оставив только
выпавших
в осадок
ворон.

Где тонко,

там порвется нить,
и уже не свяжешь,
дождь прольется
из накренной чаши
неба,
окна клеить начнут в квартирах,
чтоб лишь через дверь
мог к тебе войти я,
да и дверь закроют
на всякий случай.
Будут дождь и ветер
друг друга мучить
ни за что, и в этом сыром пейзаже
стану я еще на разлуку старше.

Ты увидишь из
своей тесной клетки
ливень:
осень плачется мне в жилетку.

* * *

Дрейфуя на льдине
вниз по теченью,
слежу за поклевкой,
довольно слабый.
Остался один я:
пачка печенья,
пол-литра похлебки,
ни водки, ни бабы.

По мере движенья
станции к югу
ре-СэСэСэРа
не города я —
процесс уменьшенья
внешнего круга
до лунки размеров
наблюдаю.

* * *

Я уже излечился от этой тоски,
От любовной тоски
лучше всякого зелья —
В дверь ногой, вон из кельи
На берег реки.
Я уже излечился от этой тоски.

Я уже позабыл про
былую печаль,
Про печаль отшумевшую
больше ни слова.
В половине второго
Начнется февраль.
Я уже позабыл про
былую печаль.

Я поставил на нечет
и выбрал маршрут,
А куда — неизвестно
ни черту, ни Богу.
Дом казенный, дорога —
Лишь карты не лгут.
Я поставил на нечет
и выбрал маршрут.

Обернулся рывком.
Показалось — зовут.

ГОРОДОК СКОРОГОВОРОК

* * *

В городке скороговорок,
скоростелей, коромыслей
век не долог, миг не дорог,
девки в теле, кони в мыле.

А за городом — крик чаек.
Дунь по ветру, плюнь на воду,
обернись, и за плечами —
тризначальная природа.

Мором выброшен на пляж кит.
Ошалев от сна и зноя,
ребятня в одной рубашке
чесет голову клешнею,

смотрит в некотором девстве,
тешит душу — плешит темя,
как король без скоролевства
разлагается на время:

на вчерашнее сегодня,
на сегодняшнее завтра,
на вчера, — на то, чего не
существует. Берег засран.

Чайки клюют соли сколок —
стекленеющее око,
ветер мимо тянет волок
икибан и экивоков.

Поскорейцы нос воротят,
кончен разговор короткий —
и уже спиной к природе.

Точно муж на скороводке
день сгорает за день. Сколько
ни твержу ежу «халва» я,
городок посыпан солью,
словно ломоть скоровая.

1

Так решила ты.
Из угла углов
вымел всех святых

(четное число).
И в глазницах стен
дождь промыл стекло,

и один из тех,
лишних, бывший —
весь вышел.

2

И, сойдя с резьбы, —
поворот не нов —
я друзей забыл

и обрел врагов.
А затем — барьер.
С четырех шагов.

Сделал выстрел вверх —
и Господь схватился
за сердце.

3

В это верю я,
это знаешь ты:
дальними — края
выстрел — холостым

будут,

дважды битым — час,
сонным — сытый скот,
будут сахар в чай
и одним куском —

чудо.

4

Ни тебе, ни мне
за всенощный грех
не гореть в огне —

разве что мигрень.
А стремленье пасть
и луна в ведре

подтверждают власть
силы притяженья,
и только.

Наши дипломы могут стать бесполезными

Прочитал в «Абжуре» (N 38–39) заметки Людмилы Шестак о послевузовском распределении. Я готовлюсь стать юристом и потому прежде всего кинулся выяснять, а по какому такому закону государство имеет право заставлять нас «на недельку, до второго ехать в Буда-Кошелево»?

XXI век будет, прежде всего, веком образования. Ценность информации, ценность кадров и ценность интеллекта... От того, каким будет образовательное пространство и качество образовательных услуг, зависит многое.

Кроме всего прочего, образование если пока и не является, то скоро станет эффективным инструментом сглаживания социальных противоречий. В чем-то даже более действенным, чем политические средства. Ведь именно в системе образования происходит эффективное «перемешивание» социальных слоев. Если политика перестает быть тем социальным лифтом, который позволяет подняться снизу вверх, то образование этим лифтом остается. Оно повышает социальный статус. Наличие диплома предполагает гарантию

обеспеченного существования. На сегодняшний день сделать нормальную карьеру без образования невозможно. Исходя из этого, увеличивается и число желающих получить диплом, растет конкурс в вузы.

Знание, по большому счету, не может быть «национальным» или «государственным». Его границы пренебрегают границами держав. В 1999 году 29 европейских стран подписали Болонскую декларацию, в которой было заявлено о готовности объединить усилия для создания единого европейского образовательного пространства.

В Республике Беларусь идеи Болонского соглашения поначалу особой популярности не приобрели. Достаточно активно заговорили о нем, когда в апреле 2005 года был отклонен закон о высшей школе. Однако и на тот

момент никто еще не мог толком ответить, зачем нашему государству вышеуказанная декларация.

Что предлагает Болонское соглашение

Итак, 19 июня 1999 года в г. Болонья (Италия) 29 министров образования от имени своих правительств подписали документ об общих требованиях, критериях и стандартах национальных систем высшего образования и договорились о создании до 2010 года единого европейского образовательного и научного пространства. В пределах этого пространства должны действовать единые условия признания дипломов об образовании и трудоустройства граждан, что, как запланировано, значительно повысит конкурентоспособность европейского рынка труда и образовательных услуг.

Болонское соглашение декларирует, в частности, следующее:

1) принятие общей системы сравнимых ученых степеней; введение во всех странах двух циклов учебы по формуле 3+2. При этом первый, бакалаврский, цикл должен продолжаться не менее трех лет, а второй, магистерский, — не менее двух. Они должны приниматься на европейском рынке труда в качестве образовательных и квалификационных уровней;

2) создание систем кредитов в соответствии с европейской системой трансфера оценок (ECTS), включая постоянную учебу;

3) содействие европейскому сотрудничеству по обеспечению качества обучения, разработка сравнимых критериев и методов оценки уровня образования;

4) обеспечение свободного перемещения студентов и пре-

подавателей в границах определенного пространства.

Через два года в Праге к Болонскому содружеству примкнули еще четыре страны.

А на третьем этапе Болонского процесса в Берлине (18–19 сентября 2003 года) в это содружество наряду с другими семью странами была принята и Россия (таким образом, сегодня в него входят 40 стран Европы).

Ясно, что, учитывая давние традиции российского образования и науки, РФ будет непросто отказаться от многих преимуществ своей системы, например, от кандидатских степеней, от Высшей аттестационной комиссии как государственного органа контроля стандарта научных степеней и прочего.

Но в Берлине решили (и европейские страны с этим согласны), что общие стандарты должны распространяться и на докторские степени. В следующих абзацах перечислим новые требования, с которыми очень скоро придется столкнуться белорусской системе образования.

Предложения, рассматриваемые и исполняемые в рамках Болонского соглашения, можно свести к шести ключевым позициям:

1) *Введение двух циклов обучения.*

Первый из этих циклов продолжается до получения первой академической степени, второй — после ее получения. Пер-

вый цикл должен занимать не меньше 3-х и не больше 4-х лет. Что касается обучения в течение второго цикла, то оно может вести к получению степени магистра (через 1–2 года после получения первой степени) и/или докторской степени (при общей длительности обучения 7–8 лет).

2) *Контроль качества образования.*

3) *Введение кредитной системы.*

Основное положение тут — это введение во всех национальных системах образования практики учета трудоемкости учебной работы в кредитах. За основу предлагается принять ECTS, сделав ее накопительной системой в рамках концепции *обучения в течение всей жизни.*

4) *Обеспечение трудоустройства выпускников.*

Одним из самых важных положений Болонского соглашения является ориентация высших учебных заведений на конечный результат: знания выпускников должны быть применимы и практически использованы на пользу всей Европы. Все академические степени и другие квалификации должны быть востребованы европейским рынком труда, а профессиональное признание квалификаций должно быть облегчено. Для этого планируется повсеместное использование Приложения к диплому, рекомендованное ЮНЕСКО.

Европа согласилась на создание аккредитационных агентств, которые будут независимы от национальных правительств и международных организаций. Оценка должна основываться не на длительности или содержании обучения, а на тех знаниях, умениях и навыках, которые приобрели выпускники. Одновременно планируется установить стандарты транснационального образования.

5) *Расширение мобильности.*

На основе выполнения предыдущих пунктов предполагается существенное расширение мобильности не только учащихся, но и преподавательского и иного персонала для взаимного обогащения европейским опытом. Планируется изменение национальных законодательных актов в области трудоустройства иностранцев.

б) *Обеспечение привлекательности европейской системы образования.*

Одна из главных задач, которая должна быть решена в рамках Болонского соглашения, — это привлечение в Европу большего количества учащихся из других регионов мира. Считается, что введение общеевропейской системы гарантии качества образования, кредитной накопительной системы, единых квалификаций и т. п. приведет к повышению интереса европейских и иных граждан к высшему образованию.

Болонский процесс в науке и образовании включает две составляющие: формирование сотрудничества ведущих европейских университетов под эгидой документа, получившего название Великой хартии университетов, и объединение национальных систем образования и науки в европейское пространство с общими требованиями, критериями и стандартами. Главная цель этого процесса — консолидация усилий научной и педагогической общественности и правительств европейских стран для существенного увеличения конкурентоспособности европейской системы науки и высшего образования в мировом измерении, а также для повышения роли этой системы в общественных преобразованиях.

Что мы имеем и нужно ли это так упорно сохранять

Система бакалавриатуры и магистратуры у нас скорее всего приживется, несмотря на президентское убеждение в совершенстве советской модели образования.

Вот только смысл в эти понятия Республика Беларусь вкладывает отличный от общеевропейского.

Согласно 2-й статье Закона Республики Беларусь «Об образовании» интересы личности, общества, государства имеют одинаково важное значение, однако статья 32 того же Закона акцентирует внимание в большей сте-

пени на удовлетворении потребностей общества и государства: по мнению законодателя, именно в этом заключается основная цель высшего образования в Беларуси.

И действительно: белорусский абитуриент волен разве что в выборе специальности. Студент приходит на факультет, и его ответственность как человека, формирующего свою модель образования, заканчивает-

ся. Первокурснику предлагают набор дисциплин, которые он обязан изучить, и определяют последовательность, в которой необходимо это сделать. (В школе та же ситуация: расписание, набор предметов — все заранее определено. За исключением ряда факультативов, кружков и секций.)

В западной модели образования, безусловно, имеется некоторый процент обязательных

предметов, но он меньший, нежели у нас. Студент сам решает, выбрать ли ему, к примеру, психологию, международное публичное право или что-то еще. Может быть, его выбор будет не продуктивным, и он совершит ошибку. Но в следующем году он возьмет тот курс, который ему будет нужен.

В этой системе студент имеет право на выбор, на ошибку, несет ответственность за все «плюсы» и «минусы» своих решений.

Кстати, в связи с этим меняется сама система «предложения» и взаимоотношений в образовании. Очень легко обеспечить место в интеллектуальном пространстве, когда все студенты *обязаны* слушать тот или иной курс, а вот когда с преподавателем заключают договор, то, *предлагая* свой курс, ему необходимо «завлечь» аудиторию — и преподаватель должен быть интересен, продуктивен.

Но вернемся в родные пенаты. Интересы личности попираются государством: поднятый в «Абазуре» вопрос распределения студентов — яркое тому свидетельство.

В соответствии с пунктом 5 Положения «О распределении выпускников...» каждый выпускник государственного высшего, среднего специального и профессионально-технического учебного заведения обязан отработать за полученное (бесплатное) образование два года. Чиновники предлагают увеличить этот срок и утверждают, что распределение — благо прежде всего для молодого специалиста.

Впрочем, в пункте 4 данного Положения указано, что «распределение выпускников... осуществляется для удовлетворения потребности в специалистах разных областей хозяйства Республики Беларусь», а затем уже — «для повышения социальной защиты выпускников». Белорусских студентов (в большей степени) не устраивает обязательное распределение, они хотели бы после окончания вуза искать работу, исходя из собственных интересов, а некоторые, возможно, и сменить про-

фессию. Не каждый ведь с первого раза находит свое место в жизни. Обычная логика и печальная практика подсказывают, что Положение «О распределении выпускников...» следует либо признать антиконституционным и в ближайшее время отменить, либо установить «распределение выпускников» исключительно на добровольной основе.

Тем более, что в статье 49 Конституции Республики указано: «Каждый имеет право на образование. Гарантируются доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования. Среднее специальное и высшее образование доступно для всех в соответствии со способностями каждого. Каждый может на конкурсной основе **бесплатно** получить соответствующее образование в государственных учебных заведениях». Никакой отработки за полученное в государственных учебных заведениях образование Конституция Республики Беларусь не требует. Как и не требует возмещения расходов, которые понесло государство в связи с предоставлением образования, в случае если «неблагодарный» студент не воспользовался «благом» распределения.

Мы часто слышим о преимуществах белорусской образовательной системы, ее превосходстве над системой западной. Утверждают, что наш студент знает и античную историю, и средневековую, и историю новую, и новейшую, а еще, к примеру, конституционное право, гражданское, уголовное и пр. А вот западный студент в объеме знаний проигрывает нашему. Но в таком утверждении есть огромная доля заблуждения. Превосходство нашей образовательной системы очень часто достигается за счет перенасыщения, «перепроизводства» знаний, которые вкладываются в студентов.

У нас от бедности была идея — вбить в голову студента за пять лет столько, чтобы потом лет десять не тратиться на повышение квалификации, а дальше — новых специалистов выпуским.

XXI век требует учиться всю жизнь и не признает устаревших специалистов.

Меняется в Европе и традиционная предметная система образования. От учебной дисциплины осуществляется переход к образовательному модулю. Это революция не только для нас, но и для самих европейцев. Для них модульная система — это тоже новация. До этого у них также доминировала предметная система.

Что такое модуль? Это совокупность образовательных задач, решаемая либо через несколько видов работы, либо через несколько близких, но разных предметов. Модуль по международному гуманитарному праву, к примеру, может состоять из курса лекций, практических заданий по написанию докладов или из спецсеминаров, спецкурсов по принципам международного гуманитарного права, по его источникам, по запрещенным методам и средствам ведения войны, по вопросам защиты жертв войны и пр.

С недавнего времени в нашем государстве начал действовать Декрет Президента Республики Беларусь от 9 марта 2005 г., за № 3 «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми». В соответствии с пунктом 1.6. данного Декрета «направление граждан, обучающихся в организациях системы образования Республики Беларусь, на учебу за границу осуществляется с письменного разрешения Министерства образования».

Пункт 2.2. Декрета № 3 указывает, что информационные (рекламные) объявления об учебе граждан за границей, размещаемые на территории Республики Беларусь, подлежат обязательному согласованию с Министерством образования и Министерством внутренних дел Республики Беларусь. А размещение и распространение в Республике Беларусь несогласованных информационных (рекламных) объявлений с указанной информацией запрещаются.

Другими словами, ни одно физическое, а также юридичес-

кое лицо (к примеру, высшее учебное заведение), не может самовольно, без согласования с вышеуказанными министерствами, предоставлять к сведению граждан Республики Беларусь различного рода информационные (рекламные) сообщения об учебе за рубежом.

Но в соответствии с частью 1-й статьи 55 Закона «Об образовании», «международное сотрудничество в сфере образования осуществляется на принципах независимости, равенства, обоюдной выгоды, взаимного уважения и не должно наносить ущерб национальному суверенитету, безопасности и общественным интересам Республики Беларусь». В этой связи остается надеяться, что для Министерства образования и Министерства внутренних дел Республики Беларусь желание гражданина получить образование за рубежом или пройти кратковременную стажировку не будет ассоциироваться с нанесением

ущерба национальному суверенитету, безопасности и общественным интересам Республики Беларусь. И белорусские граждане без особого труда, в короткие сроки будут получать столь необходимое разрешение, упомянутое в пункте 1.6. Декрета N 3. А лучше бы и вовсе устранить эти *дополнительные* трудности, чтобы каждый желающий мог получить образование за рубежом.

Очевидно, что реформирование высшего образования Республики Беларусь, приведение его к международным стандартам — насущная и неизбежная необходимость.

Болонское соглашение ставит перед Республикой Беларусь и Европой задачи разного масштаба. В Европе уже есть образовательная традиция, и они ее модифицируют и консолидируют. Нам же необходимо в принципе принять «несоветскую» систему, а потом перейти

на уровень консолидации. Даже при развитой традиции авторы Болонского соглашения утверждают, что только в 2010 году они закончат выстраивать единое европейское образовательное пространство. Нам, естественно, понадобится больше времени. Но если мы не подключимся к этой деятельности, то вновь окажется, что выпускник, получивший диплом в Республике Беларусь, почти во всех странах должен будет доказывать свою профессиональную состоятельность.

Участие в Болонском процессе позволит Беларуси продвигаться в образовательной культуре от традиций века XIX к системе века XXI, в которой каждый человек будет иметь право распоряжаться собой, своими способностями и знанием и нести за это ответственность. Это очень важно.

Анджей КРУТОГОРСКИЙ

Как пройти в библиотеку?

Представление о «богоданности» творческого призвания, неизвестно откуда берущегося, очень живуче.

Конечно, журналистика, как и многие другие профессии, привлекает людей с определенными принципами, чертами характера, темпераментом, склонностями и образом жизни. Но это отнюдь не означает, что журналистике не надо учиться, как любому другому ремеслу.

«Абазур» предлагает вам новый цикл «Как пройти в библиотеку?».

Мы призываем коллег, имеющих опыт в журналистике, присылать в «Абазур» свои наблюдения, размышления, которые могут быть полезными для тех, кто вступает в нашу профессию.

Открывает рубрику серия статей заместителя председателя ОО БАЗ Эдуарда Мельникова, которые написаны на основе лекций, прочитанных в Европейском Гуманитарном университете (Вильнюс).

Эдуард МЕЛЬНИКОВ

Свобода слова: фикция или реальность?

Вся история мировой журналистики, как на невидимой оси,

Ни на что не похожая профессия

Заметки о предназначении журналистики

вращается вокруг этого вопроса. Он возникает в каждую историческую эпоху как вечная проблема, с которой каждое поколение справляется по-своему.

В 1766 году в Швеции вступил в действие (в статусе отдельной статьи Конституции) Акт о свободе печати. Этот юридический документ впервые в мире установил правовую систему гарантий свободной профессиональной деятельности в сфере получения и распространения информации.

Вспомним Робеспьера, его речь «О свободе печати»: «Свобода печати должна быть полной и безграничной, или она не существует. Нужно либо отказаться от свободы, либо согласиться на неограниченную свободу печати».

Со свободной прессой жить очень хлопотно и беспокойно. Но еще опаснее — без нее. Полезно вспомнить, что говорил по этому поводу один из авторов американской Конституции,

третий президент США Томас Джефферсон: «Если бы мне пришлось выбирать между государственными органами без прессы и прессой без государственных органов, я выбрал бы второе».

Остановимся на американском опыте. Рассмотрим его детальнее, поскольку создание правовых основ защиты свободы слова в этой стране красноречиво свидетельствует, как эволюционировали представления общества о принципах деятельности и функциях прессы. Аналогичную эволюцию пережили правовые системы большинства западноевропейских стран.

Как известно, причиной войны за независимость колоний в Северной Америке было освобождение от засилья британского владычества, сдерживавшего бурное экономическое и социально-политическое развитие новых территорий. Некоторые из законов метрополии контролировали и свободу выражения мнений.

Требовалось получение лицензий от правительства на осуществление издательской деятельности. Практиковалась цензура с целью недопущения богохульства, непристойностей или критики в адрес королевского престола, которая квалифицировалась как «распространение клеветнических слухов в подрывных целях». В 1734 году именно в этом был обвинен Джон Питер Зенгер, печатник из Нью-Йорка, за публикацию в своей газете «Уикли джорнел» анонимных материалов с критикой в адрес британского генерал-губернатора. Зенгер провел в тюрьме почти год, после чего был оправдан судом присяжных. Они отказались исполнять инструкции судьи о вынесении обвинительного приговора. Адвокат Зенгера убедил их в том, что ни один человек не может быть приговорен к уголовному

наказанию просто за то, что он критикует власть, особенно если представленные им факты соответствуют действительности. Это решение присяжных стало, пожалуй, первым важным прецедентом защиты свободы слова правовыми средствами.

В 1791 году штатами, входящими в федерацию, были ратифицированы 10 поправок к Конституции («Билль о правах»). Текст Первой поправки гласит:

«Конгресс не должен издавать никакого закона, относящегося к установлению религии или запрещающего свободное исповедание оной, либо ограничивающего свободу слова и печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о рассмотрении и удовлетворении жалоб». Эта короткая поправка является юридической базой защиты свободы слова. Далее правовые основы свободы печати в США развивались путем создания прецедентов — решений Верховного суда по тем или иным конкретным делам, касающимся прессы. Вспомним наиболее характерные случаи, имеющие принципиальное значение.

В 1931 году Верховный суд США признал недействительным закон штата Миннесота, разрешавший должностным лицам налагать запрет на выпуск «злоумышленных, скандальных и дискредитирующих газет». Издатели, которые ранее попали

под запрет, вынуждены были получить разрешение суда штата на возобновление этой деятельности. Верховный суд постановил, что это противоречит Первой поправке (дело Нира против штата Миннесота). С другой стороны, суд признал возможность ограничений на публикацию, например, подробных сведений о передвижении войск в военное время, непристойных материалов или призывов к актам насилия.

В дальнейшем Верховному суду приходилось пресекать попытки правительства ограничить права прессы под предлогом угрозы «национальной безопасности». Одним из наиболее драматических эпизодов стало дело о «документах Пентагона» («Нью-Йорк таймс» против Соединенных Штатов, 1971 год). Администрация Никсона настаивала на запрете

газетам «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» публиковать засекреченные материалы, проливающие свет на истинные причины и поводы, приведшие к началу войны во Вьетнаме. Верховный суд констатировал: правительство не сумело доказать, что такая публикация приведет к причинению прямого, немедленного и невосполнимого ущерба национальным интересам. Важность прецедента заключается в подтверждении того, что именно правительство обязано доказывать обоснованность любой попытки не допустить публикацию в прессе той или иной информации. Пресса не должна объяснять, почему ее заинтересовала та или иная тема.

До 1964 года клевета — публикация ложных и дискредитирующих сведений о человеке — находилась вне защиты, предусмотренной Конституцией США. Но в деле «Нью-Йорк таймс» против Салливана» (1964 год) Верховный суд при-

знал, что средства массовой информации должны иметь право на добросовестную ошибку, не боясь при этом привлечения к ответственности. Суд постановил, что общественные деятели обязаны доказать не только то, что обнародованные сведения были ложными, но и то, что редакция либо знала об этом, либо опубликовала информацию, проявив «грубое пренебрежение» к выяснению достоверности или ложности сообщения.

Краткий исторический экскурс подводит нас к однозначному выводу: отстаивание свободы слова и печати уже столетия тому назад было критерием уровня цивилизационного развития того или иного народа, государства.

К американскому опыту мы еще обратимся в связи с конкретными аспектами реализации права журналистов на получение и распространение информации.

Где истоки?

Нам сейчас важно понять, почему именно свобода слова и пе-

чати является одной из самых острых проблем стран переходного периода — проблемой, без решения которой невозможны никакие другие преобразования.

Обеспечение свободы слова, свободы информации — это не узкоспециальная, журналистская проблема. Решать все должно общество, если оно хочет быть развивающимся и жизнеспособным. Журналистам лишь доверяется выполнять функцию собирателей и распространителей необходимой обществу информации о самом себе.

Казалось бы, все ясно. Однако на практике все оказывается гораздо сложнее. По своей природе информация — это отраженные нашим сознанием противоречия окружающей действительности. Это положение справедливо, конечно, и в отношении экономической, политической, социальной информации. Но в этих сферах каждое явление, факт имеют своих «носителей» — политические партии и общественные движения, экономические группировки и кланы, группы

граждан, государственных чиновников, даже криминальные элементы. Любая добытая журналистом информация будет «интересна» и в том смысле, что заденет чьи-то конкретные интересы — экономические, политические, морально-психологические, да и просто личные, семейные, может быть. А это значит, что затронутое лицо или немалое количество «лиц» предпримут все возможное, чтобы опасные сведения не вышли в свет. Поэтому у независимой прессы, телевидения и радио всегда будут могущественные враги — от угроз журналисту или его избития до принятия законов, которые заставили бы замолчать все СМИ сразу. Когда мы обратимся к анализу фактов ущемления свободы слова в Беларуси, то увидим, что именно такие действия составляют суть репрессий против прессы.

Несмотря на то что в правовых государствах созданы надежные механизмы предотвращения нарушений прав лич-

ности на получение и распространение информации, факты подавления свободы слова все же встречаются. Не нужно думать, что «западные» демократии — это раз и навсегда построенный собор, некий храм, где демократические процедуры исполняются канонически, как богослужения. Ежегодные отчеты Европейского суда по правам человека сообщают о большом количестве случаев, когда частные лица или организации (в том числе медийные) утверждают: власти ущемляют их право на свободу слова. Почему структуры Совета Европы (Парламентская Ассамблея, Комитет министров) регулярно принимают резолюции и рекомендации правительствам о гарантиях независимости средств массовой информации, о мерах по обеспечению прозрачности СМИ, о стимулировании плюрализма в средствах массовой информации и т. д.? Да потому, что всегда и везде найдется кто-то, кто покушается на эти базовые принципы свободной журналистской деятельности!

Например, в последнее время наши коллеги в Соединенных Штатах Америки обеспокоены усилением прессинга властей на права журналистов. Об этом говорят издатели и главные редакторы, репортеры и юристы, ведущие дела прессы в судах. Все труднее пробиться к серьезным источникам информации: чиновники выстраивают массу препятствий на этом пути, все чаще предпочитают не оформлять свои решения в письменном виде. За последние годы большое количество информации исчезло с правительственных сайтов. Учащаются иски должностных лиц против редакций, чего раньше не было.

Для таких случаев редакции газет закупают страховки на всех своих сотрудников. На сленге это называется «медицинская страховка прессы». Кроме того, журналистская общественность объединяется для защиты своих прав. В штате Висконсин, где мне довелось проходить стажировку, действует Совет по свободе информации, объеди-

няющий 28 изданий. Совет борется против «эрозии» законодательства в отношении прессы, лоббирует принятие новых законов как в штате, так и на федеральном уровне.

Таким образом, демократические институты и демократические процедуры — это всегда результат взаимодействия властей и гражданского общества, их мирного (а иногда и не очень) противостояния в рамках законов, **единых для всех**.

СМИ как основное средство реализации свободы слова

Гарантии свободы слова действуют для всего населения, для каждого человека. Но средства массовой информации как самый эффективный распространитель информации, конечно же, являются «одним из лучших способов обнаружения и формирования мнений об идеях и мнениях политиков». Так определил Европейский суд в одном из своих решений. Межамериканский суд по правам человека постановил: «Именно СМИ делают свободу слова реальностью».

Мы приведем несколько примеров того, как эти принципы осуществляются на практике — и в Европе, и за океаном.

В 1980 году сеть PBS — американское общественное телевидение — подготовила к выходу в эфир «документальную драму», в основе которой лежали реальные события. Это была история любви саудовской принцессы и человека незначительного происхождения. Нарушение молодыми людьми кастовых запретов привело к трагическому финалу: оба были обезглавлены. Правительство Саудовской Аравии (основной поставщик нефтепродуктов в США) заявило протест по поводу возможного показа фильма и пригрозило прекратить все поставки нефти в страну. Государственный департамент «попросил» общественные вещательные организации воздержаться от демонстрации фильма: мотивы для такого решения были более чем убедительны. Тем не менее «докумен-

тальная драма» была показана и вызвала огромный резонанс в американском обществе. На давление со стороны правительства телекомпания ответила предложением предоставить время для выражения противоположных точек зрения и открыть дискуссию. Никакого эмбарго со стороны Саудовской Аравии на поставки нефти в США не последовало.

Расследования, проводимые газетой «Washington Post», нередко приводили к правительственным кризисам, другим событиям общенационального масштаба. Достаточно вспомнить лишь два примера: обнародование секретных материалов Пентагона, раскрывавших истинные причины войны во Вьетнаме, и «Уотергейтский скандал».

Классическим примером в истории мировой журналистики стал инцидент 1987 года, происшедший в результате выхода в эфир материалов редакции новостей «Эхо» Шведского радио, которой руководил известный публицист Эрих Фихтелиус. Журналистское расследование выявило, что шведское предприятие «Буфорс» заплатило большие взятки, чтобы получить от Индии крупный и выгодный заказ на производство полевых гаубиц. Радиопередача вызвала неслыханный скандал.

Журналистов обвиняли в том, что они нанесли ущерб шведскому правительству, партии социал-демократов и лично Улофу Пальме, имевшему до того репутацию миротворца. Снизились объемы шведского экспорта, поскольку на какое-то время с ним стали связывать коррупцию. К предприятию «Буфорс» на многие годы было утрачено доверие на мировом рынке, а само это слово сейчас на языке хинди означает взяточничество. Премьер-министр Индии Раджив Ганди сам не раз признавал, что шумиха вокруг сделки со шведскими оружейниками стоила ему поражения на выборах. Позже появились сведения, что Р. Ганди разрабатывал планы нападения на Пакистан только для того, чтобы отвлечь внимание

электората от скандала с «Буфорсом».

«Я глубоко убежден, — отмечает Эрик Фихтелиус, — что я нес ответственность лишь за одно — за оценку имевшейся у нас информации по критериям правдивости и значимости. Мы считали, что граждане должны были узнать о том, как Швеция получила крупнейший для страны экспортный заказ... Именно поэтому мы решили обнародовать эту новость. Ответ должны были держать те, кто предлагал взятки, и те, кто их брал».

В 2003 году в Великобритании произошел сенсационный и драматический инцидент, поводом для которого стало сообщение корреспондента Би-Би-Си, а последствием — самоубийство Дэвида Келли. Советник британского министерства обороны конфиденциально сообщил журналисту о подтасовках в докладе премьер-министру Блэру, которые повлияли на решение правительства об участии вооруженных сил страны в операции против Ирака. Этот инцидент стал одним из самых острых внутриполитических конфликтов последнего времени. Он едва не стоил поста премьер-министру Великобритании Тони Блэру.

Из последних по времени примеров можно упомянуть документальный фильм американского режиссера Майкла Мура «Фаренгейт 9/11», остроты критики которого направлено против Президента США Джорджа Буша-младшего. Компания-производитель отказалась прокатывать картину в телеэфире. Однако население США (и не только) увидело ее по кабельным сетям благодаря альтернативным возможностям, всегда имеющимся в демократической стране.

Конечно, все то, о чем здесь упоминалось, — это результат формирования надежной системы законодательной и судебной защиты журналистов от административного произвола, которая де-факто существует в большинстве цивилизованных государств. Однако нельзя не видеть, что и практическая деятельность свободных масс-медиа

сама по себе является фактором и гарантией сохранения и укрепления правового сознания на всех этапах общества.

В подтверждение сказанного — несколько зарисовок с натуры, сделанных весной 2005 года, во время стажировки в США по программе Международного Центра для журналистов.

Государственной журналистики в США просто нет и быть не может (если не считать радиостанцию «Голос Америки», которая не имеет права вещать на территорию своей страны). Журналистика здесь — такой же бизнес, как и все остальное. Специфичен только товар, которым торгуют печатные издания, телекомпании, радиокорпорации. Этот товар — информация.

Для того чтобы снабжать читателя достоверными сведениями, журналист пользуется правом на доступ к информации и правом хранить тайну о ее источниках.

Однажды начальник полиции отказал газете «Wisconsin State Journal» в предоставлении необходимых документов. Немедленно был подан иск, и газете выплатили тридцать тысяч долларов из бюджета города, так как полицейский, принимая решение, консультировался с юристом муниципалитета. Как ни странно, начальник полиции выводов не сделал. Когда поступил повторный запрос, он снова отказал. И пострадал на ту же сумму.

Эту историю рассказал мне Клиффорд Бенке, ответственный редактор «Wisconsin State Journal», где я проходил стажировку. Тот случай запомнился редактору потому, что начальник не усвоил урок с первого раза. Для нас же удивительно то, что пострадал полицейский чин, а не газета.

В свободном доступе находятся ежедневные сводки полицейского управления, судебные иски, протоколы обысков, решения муниципалитета — в общем, любая информация, которая затрагивает интересы граждан. Городской репортер газеты «Wisconsin State Journal» Дэн Мосимен рассказывал мне, что у

него достаточно источников, чтобы знать, например: мэр отправил весьма интересный e-mail одному из руководителей государственного предприятия. И Дэн имеет полное право потребовать, чтобы содержание этого послания было ему сообщено.

По американским законам победителем выходит тот, кто докажет факты. Основная обязанность журналиста — «раскопать» их и вынести на публичное обозрение. Для этого общество предоставляет ему возможности. Но добытые сведения должны быть проверены и перепроверены. Потому что если поступят иски обиженных, а обнародованная журналистом информация не подтвердится, то он пострадает и лишится работы. К тому же закон охраняет личную жизнь граждан от бесцеремонного вторжения прессы. В ряде штатов существует уголовная ответственность за клевету, хотя случаи подобного рода чрезвычайно редки.

Для фигур, представляющих общественный интерес, сфера личной жизни резко сужается. Чем выше положение того, кто пострадал от действий журналиста, тем больше репон ему придется преодолеть, чтобы привлечь прессу к ответственности. Если высокопоставленное лицо выступает в качестве истца, ему самому придется доказывать ложность информации. Если иск на газету подает рядовой гражданин, редакция доказывает истинность фактов, изложенных на страницах издания. Поэтому политики, высокие государственные чиновники менее защищены перед прессой, чем обычные граждане.

Конечно, стремясь к максимальной свободе, журналисты не должны забывать и об ответственности. Справедливый сам по себе, этот тезис в устах белорусских госчиновников звучит просто издевательски: **наша пресса еще никогда не была столь свободна, чтобы ей пришлось напоминать об ответственности.**

Как я была звездой

Марина ЗАГОРСКАЯ

Слава нашла меня случайно, когда в «БДГ» был опубликован мой материал о военном-отставнике, который преуспел в деле разведения кроликов-акселератов. Он увлекся не на шутку: изобрел даже собственную технологию изготовления клеток, в которых летом было прохладно, а зимой — тепло. Из обычных компонентов готовил «секретный» корм, на котором его звери росли, как на дрожжах. Кролики у мужика были пушистые и мясистые. А материал после трехчасовой беседы на морозе и недельного изучения трех килограммов подаренных книг по кролиководству получился такой, что пришел мой звездный час. На редакцию обрушился шквал звонков. Недели три кроликами интересовались Минск и окрестности. Потом проснулись рай-

центры. Через месяц позвонили из деревни Вынищы, что под Солигорском. Через два — секретарь устало заявила: «Опять требуют автора кроликов». Голос в трубке торопился разузнать все о зверьках-акселератах. Почему-то он был до боли знаком.

— Ваша фамилия Загорский? — осторожно поинтересовалась я и почувствовала, как на другом конце провода просто опешили. — А вы на фамилию автора посмотрели?

Звонил мой дядя — военный, который, выйдя в отставку, пожелал стать фермером. Его интересовали кролики. И не было никакого дела до того, кто о них написал.

Пришлось спуститься с небес на землю.

«А с небосвода бесшумным дождем падали звезды...»

(В. Высоцкий)

Не боги горшки обжигают. Тот, кто способен за неделю выдать 30 страниц текста по шести различным проблемам, и по каждой из них у него есть собственная позиция, в наше время вполне сойдет за настоящего журналиста. Вот только мастерство ли это — плодить безликую информацию, сразу раз и навсегда выработав схему, в которую укладываются все последующие статьи? И почему журналисты в Беларуси уже не испытывают потребности раскапывать экзотику и заявлять о себе громкими материалами?

О том, почему в последнее время так редко зажигаются звезды, с главным редактором «БДГ. Деловая газета» Петром МАРЦЕВЫМ беседует Марина ЗАГОРСКАЯ.

— Можно ли вообще говорить о звездах применительно к белорусской журналистике?

— Звезда — слишком эмоциональный термин. Я бы предпочел заменить его словом «профессионал». Есть, конечно, и в

белорусской журналистике, если рассматривать ее как замкнутую систему, люди известные, добившиеся высоких результатов. Есть те, кто стал известен здесь, а потом выехал за рубеж и там продолжил свой

профессиональный рост. Другое дело, что если брать по гамбургскому счету, то уровень белорусской журналистики — государственной и независимой, газетной и телевизионной — в целом недостаточно вы-

сок. И проблема не в том, что у нас мало хороших журналистов. Просто рынок СМИ неразвит в силу различных объективных причин, которые в данный момент присутствуют в конкретном государстве, где нет спроса на качественную журналистику, а большинство средств массовой информации вынуждены выполнять пропагандистские функции. Но пиар и пропаганда — это уже совсем другая профессия.

— **Ладно, а в обозримом прошлом?**

— Начнем с Власа Дорошевича? Или с Павла Якубовича, который в 1970-х, несомненно, был настоящей звездой авторской журналистики? Тогда «Знамя юности» поднимала тиражи на его фельетонах и футбольных обозрениях. «Засветились» во времена перестройки ведущие телепрограммы «Крок». Светлана Алексиевич, безусловно, звезда — яркая и известная личность, профессионализм которой выдержал проверку и советским временем, и нынешним.

На примере «БДГ» — я знаю точно, мы ведь проводили такие исследования — еще несколько лет назад многие читатели покупали газеты ради имен. Кто-то отдавал предпочтение «БДГ», потому что там печатался Александр Федута (впрочем, были и те, кто из-за этого газету ненавидел). Другие читали Ирину Халип или Юрия Дракохруста. А «Имя» вмиг раскупали, потому что каждый хотел поскорее увидеть очередной коллаж. Хотя и художественная была работа, но все равно в газетном жанре — и картина, и фельетон одновременно.

Сейчас обстановка в стране не способствует «раскрутке» журналистов. Впрочем, абстрагировавшись от разговоров про «белых» и «красных», я бы отнес к профессионалам личность в народе широко известную — Юрия Казиятко. Другое дело — какими профессиональными средствами он пользуется, создавая свои программы. В нашей стране сегодня может взойти только звезда политического пиара, а появление настоящих звезд журналистики сдержива-

ется закрытием изданий, отсутствием конкуренции, государственной политикой, которая подавляет личность. Но профессионалы — правда, их крайне мало — выживают и в таких

условиях, потому что уникальные явления природы природы никаким декретом не отменить.

— **Как все же проще прославиться: пиаром в государственной прессе или скандалом в независимой?**

— У государственных журналистов великолепные стартовые условия, потому что они имеют самое главное — доступ к аудитории. Только она создает звезд. Общественное признание — первый шаг к славе. Негосударственным журналистам, учитывая небольшие тиражи газет и препоны, которые постоянно возводят власти, нелегко донести до читателей свои мысли и сделать известными свои имена.

Кстати, немалая роль в «раскрутке» принадлежит тому изданию, в котором журналист работает. На первом этапе очень важен уровень СМИ, его влияние, отношения, которые складываются внутри коллектива, степень профессиональной свободы и готовности руководства к экспериментам. Потом журналист нарабатывает имя и становится самодостаточен. Впрочем, бывает и так, что, покинув издание, звезда угасает.

Кстати, уже тогда, когда журналист впервые заходит в мой ка-

бинет, я абсолютно точно знаю, какое у него будущее.

— **Да ну?!**

— Это сразу видно по текстам и по самому человеку. Он может не обладать литературным даром, но, прежде всего, непостижимым образом притягивает к себе информацию, умеет выбрать из огромного объема то, что никто другой не заметит, то есть вычленив тему. Бесстрашно использует добытые сведения и в любой момент готов сорваться с места. Если у человека есть эти качества, с ним можно дальше работать. Тут уж редактор что-то подкажет, в нужный момент «догрузит», пошлет журналиста туда, где он сможет проявить себя, а не туда, где ему с его способностями нечего делать. И тогда вдруг подворачивается случай, который позволяет журналисту взлететь и прославиться.

— **А сколько процентов успеха журналистов, имена которых впервые зазвучали в «БДГ» и «Имени», вы приписали бы себе как издателю?**

— Я не хочу ничего себе приписывать. Вот если придет звезда и скажет, что я помог ей состояться, тогда я буду считать, что я к этому причастен. Но пока звезды таких заявлений не делали. И я могу сказать только о том, что есть на самом деле. Я создал несколько средств массовой информации, которые позволили многим журналистам проявить себя и стать известными. Сейчас они работают в Беларуси, России, Европе. И они на хорошем счету.

— **Но есть и иное мнение. О том, что это талантливые журналисты раскрутили звезду «БДГ»...**

— В общем-то, да. Газета стала известна благодаря тем людям, которые ее создавали. Были ли они звездами? Нет. Обычными способными журналистами. Они сделали газету, и та, в свою очередь, начала «раскручивать» их. Кстати, это еще одно из качеств настоящего профессионала — каким бы известным он ни был, он все равно ставит издание, в котором работает, выше себя.

Вандроўка ўздоўж праспекта, альбо У бібліятэкі ў пошуках інфармацыі

Адной з самых сумных падзеяў 2005 года шэраг вядомых людзей у Беларусі назвалі зачыстку інфармацыйнага поля напярэдадні прэзідэнцкіх выбараў. Разуваючы, што з 1 студзеня цяжка знайсці газеты, якія выключаныя з падпісных каталогаў і якім адмоўлена ў распаўсюдзе праз «Белсаюздрук», я вырашыла пагартаць хаця б мінулагадня падшыўкі «БДГ», «Народнай волі», «Свободных новостей плюс», «Нашай Нівы»... З гэтай мэтай і накіраваўся ў сталічныя бібліятэкі.

Натуральна, я не мела ілюзій адносна таго, што ў кожнай бібліятэцы змагу знайсці выданні, якімі цікаўлюся. Тым больш надоечы знаёмыя, пастаянныя карыстальнікі бібліятэк, распавялі пра адну з колішніх праверак Мінгарвыканкома. Вынікам праверкі сталася не проста выключэнне артыкулаў, што былі апублікаваныя, напрыклад, у «Белорусском рынке» ці «Нашай Нівы», з сістэматычных каталогаў, але і знішчэнне цэлых падшывак незалежных газет. Напрыклад, маёй каляжанцы, якая не так даўно спрабавала знайсці ноты і тэкст гімна «Магутны Божа» ў Гарадской нота-музычнай бібліятэцы, сказала, што амаль два гады таму быў дадзены загад знішчыць усе падборкі з незалежных газет, сярод якіх і быў неабходны ёй тэкст. Падкрэслю: збіралі ў гэтай бібліятэцы толькі публікацыі з нотамі і словамі да песень, не зважаючы на «залежнасць» ці «незалежнасць» выданняў.

Чакаць цудаў ад публічных бібліятэк не выпадала.

Першай на маім шляху апынулася бібліятэка імя Л. М. Талстога, што непадалёк ад пачатку галоўнага праспекта. У чытальнай зале было не-

шматлюдна. Таму ўсе пачулі маю просьбу да бібліятэкара паказаць мне грамадска-палітычныя выданні, якія прынята называць апазіцыйнымі. Напрыклад, «Народную волю». Адказ бібліятэкара апырэдзіў ціхі смех наведвальнікаў кнігасховішча. «Пра што Вы кажаце? Якая «Народная воля»?! Вы што — не ведаеце, у якой краіне мы жывем?!» — сказала мне ветліва жанчына. Яна распавяла, што ад падпіскі на незалежныя выданні бібліятэцы імя Талстога прыйшлося адмовіцца яшчэ ў пачатку 2004 года. «Кіраўніцтва патлумачыла нам, што на падпіску на гэтыя газеты няма сродкаў. Больш ніякіх падрабязнасцяў нам не паведамалялі», — з непрыхаваным жалем паскардзілася суразмоўца.

З бібліятэкі імя Талстога я накіравалася на факультэт журналістыкі БДУ — у будынак насупраць. Камплектацыя чытальнай залы для студэнтаў журфака пераўзышла мае чаканні. Тут ёсць не толькі «БДГ» і «Народная воля», «Белорусы і рынок» і «Наша ніва», але і «Belarus Today». Ёсць і падборка расійскіх выданняў, значна большая, дарэчы, чым у іншых бібліятэках.

Аднак на 2006 год не выпісаныя ўсё тая ж «Народная воля» і

Алёна АНДРЭВА,
спецыяльна для ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»

«Спорт Экспресс». «У іх там нейкія праблемы з арганізацыйнай падпіскай», — тлумачыла мне супрацоўніца. Больш канкрэтна пра сутнасць газетных праблем бібліятэкарка не ведала. Для факультэта не выпісалі ніводнай незалежнай газеты. Праўда, і ў 2005 годзе «Народную волю», «Нашу ніву» ці «Рэгіянальную газету» факультэт журналістыкі не выпісваў, а атрымліваў у якасці падарункаў. Калі рэдакцыі гэтых выданняў пажадаюць, каб студэнты факультэта журналістыкі БДУ маглі чытаць і вучыцца на іх прыкладзе, то, напэўна, варта самім паклапаціцца пра дастаўку ў альма-матэр беларускіх «працаўнікоў пярэ».

З рэгіянальных незалежных газет у чытальнай зале БДУ ўдалося знайсці маладзечанскую «Рэгіянальную газету» (падшыўку), адзін асобнік лунінецкай «Информ-Прогулки» (нумар ад 28 траўня 2003 г.), адзін — гродзенскага «Glosu znad Niemna» (нумар ад 2 траўня 2005 г.) і асобнік «Маладзечанскай газеты» яшчэ за 2004 г. У вочы адразу кінулася розніца ў таўшчыні падшывак «БДГ» за 2004 і наступны год. Пры «абследаванні» падшыўкі-2005 высветлілася, што апошні нумар у ёй датаваны яшчэ 28 чэрвеня 2005 г. А маладая бібліятэкарка на маё ветліва-наіўнае: «А дзе астатняе?» — у такой жа манеры і адказала: «Не прыходзіла больш,

не ведаю, чаму». Тады я пільна даследавала падшыўку «Рэгіянальнай газеты» і не знайшла толькі N 35 за 2005 г. Апошні нумар у падшыўцы — канца лістапада, але, паводле слоў бібліятэкаркі, астатнія таксама мусяць быць, бо бібліятэка забірае «Рэгіянальную газету» на пошце адразу за ўвесь месяц.

першую чаргу самі бібліятэкары — хаця б з той прычыны, што ім увесь час даводзіцца даваць на гэты конт тлумачэнні наведвальнікам. Нават дасведчаных чытачы, якім вядома, што «Народнай волі», «БДГ» і іншых няма ўжо з 2004-га, не губляюць надзеі зноў убачыць любімыя выданні. Як і паўсюль, супрацоўнікі не назы-

малі з друкарні ў якасці абавязковых асобнікаў для бібліятэкі. «Друкарня не тлумачыла, чаму больш не прывозіць нам гэтых газет», — паспачувала мне бібліятэкар.

Непадалёк ад Пушкінскай знаходзіцца Цэнтральная гарадская бібліятэка імя Я. Купалы. Ідучы туды, я амаль не сумнявалася, што не знайду там

У бібліятэках шмат чаго не знойдзеш

Наступнай на маім шляху стала абласная бібліятэка імя А. С. Пушкіна, таксама побач з праспектам Незалежнасці. Апроч стандартных «СБ», «Звязды», «Рэспублікі» і «Комсомольскай правды» чытачам прапануюцца «Наша ніва» і «Наша слова». Экзатычна (таму што больш нідзе гэткага не бачыла) выглядае тут падшыўка за 2005 год газеты «Товарищ» — органа Партыі камуністаў Беларускай. У падшыўцы сабраныя ўсе (!) нумары газеты за 2005 год, апроч 2-га. Падшыўка ж «Нашай нівы» тут нагадвае «ўсмешку таксіста» — у ёй няма NN 8, 40, 41 і 45. Адсутнасцю іншых незалежных газет, здаецца, незадаволеныя ў

ваюць ніякай іншай прычыны «ненаяўнасці» гэтых газет, акрамя адсутнасці фінансавых сродкаў на іх падпіску.

Бібліятэка імя Пушкіна мае статус абласной, таму я шукала і абласную незалежную прэсу — за ёю мяне накіравалі ў адзел крэзнаўчай літаратуры. У гэтым так званым «беларускім адзеле» з недзяржаўных выданняў знайшліся не толькі «Рэгіянальная газета» (Маладзечна), але яшчэ і «Інфа-кур'ер» (Слуцк). Другая, на жаль, у «дэма-версіі», бо ўся «падшыўка» складаецца з NN 2–4, 6–8 і 11 (апошні за 17 сакавіка 2005 г.). Чаму так — супрацоўнікі не ведаюць, казалі толькі, што гэтыя выданні атры-

падшывак недзяржаўных газет не толькі за 2005 ці 2004, але і за ранейшы перыяд. Спасылка на артыкулы з незалежных выданняў няма ў сістэматычным каталоге бібліятэкі. Пра сітуацыю ў гэтай бібліятэцы мяне папярэдзілі знаёмыя, якія дакладна ведалі, што пасля згаданай ужо праверкі ўсё «недзяржаўнае» было ліквідавана — не схавана куды падалей да лепшых часоў, а менавіта знішчана!

І сапраўды, сярод даступных для карыстальнікаў падшывак 28 газет — ніводнай назвы выданняў, якія я прызвычалася чытаць. Адсутнасць незалежнай прэсы ў апошнія два гады патлумачылі мне (не паверыце!) «недахопам сродкаў». Каб

спраўдзіць інфармацыю сяброў пра знішчэнне падшывак, я запытала «Народную волю» за 2003 г. «Яе няма. Спісаная, бо ў бібліятэцы няма месца для захоўвання падшывак», — суха адказала бібліятэкарка. І задала: «Калі ў вас ёсць яшчэ пытанні, кіруйцеся да намесніцы дырэктара альбо да самой дырэктаркі».

Туды я і накіравалася. Намесніца дырэктара Цэнтральнай гарадской бібліятэкі імя Я. Купалы растлумачыла, што бібліятэка — дзяржаўная ўстанова, таму і выпісваюцца найперш дзяржаўныя выданні. Казала яшчэ штосьці накшталт: «Мы павінны набываць дзяржаўную прэсу, каб падтрымаць дзяржаву за тое, што яна падтрымлівае нас і забяспечвае нашае існаванне». Асабліва падкрэсліла, што выпісваюцца выданні, на якія ёсць «найбольшы попыт у чытачоў». Далей размова развівалася прыкладна так.

Я: — На Вашую думку, на «Народную волю», «БДГ» ці іншыя незалежныя выданні няма попыту ў чытачоў?

Намесніца дырэктара бібліятэкі (НДБ): — На любое выданне ёсць попыт. Але на ўсё — розны. Ахвотныя чытаць «Народную волю» могуць знайсці яе ў шапіках і крамах ці ў Нацыянальнай бібліятэцы, якая збірае газеты за ўвесь час. У нас яе няма.

Я: — Кажэце, няма незалежных газет за 2004 — 2005 гг. з прычыны адсутнасці грошай. Але чаму няма іх за ранейшы перыяд, калі бібліятэка тыя выданні дакладна выпісвала?

НДБ: — Яны спісаныя. У нас ёсць дакумент пра захаванне перыядычных выданняў, паводле яго некаторыя газеты захоўваюцца год, некаторыя — два. Таму названыя вамі выданні спісаныя, іх у нас няма.

Я: — На «СБ» правілы захоўвання не распаўсюджваюцца?

НДБ: — У «СБ» публікуюцца нарматыўна-прававыя акты, такія выданні захоўваюцца даўжэй.

З кожным вымаўленым словам тон голасу кіраўніцы падвы-

шаўся. Сваю размову са мной яна скончыла словамі: «Я больш не магу! Не магу бясконца адказваць на пытанні журналістаў пра гэтыя незалежныя выданні!» Я яшчэ спрабавала высветліць, якая дзяржаўная структура выдаткоўвае грошы на падпіску, на існаванне бібліятэкі, але адказу, большага за адно слова — «Дзяржава», — не атрымала. Намесніца дырэктара Купалаўскай бібліятэкі, якая адмовілася назваць сваё імя, накіравала мяне да дырэктара, а тая дадатковай інфармацыі мне не дала.

Заставалася адно — ісці ў «Нацыяналку». Там я сапраўды, пабегаўшы па розных аддзелах, знайшла і «Народную волю» фактычна ад пачатку існавання, і «БДГ», і «Нашу ніву», і «Свободные новости плюс», якіх не было больш нідзе. Ёсць у «Нацыяналцы» і мая найлюбімэйшая газета «Беларуская маладзёжная», якая даўно спыніла сваё існаванне. Ёсць падшыўкі «Рабочага» і нават колішняя «Салідарнасць»... «Нас не цікавіць, дзяржаўная гэта газета ці апазіцыйная (незалежная). Наша мэта — збіраць выданні», — сказала мне вядучы бібліятэкар аддзела камплектацыі. Яна ж патлумачыла, што ўсе выданні, якія выходзяць на тэрыторыі краіны, у абавязковым парадку паступаюць у Нацыянальную бібліятэку ў двух асобніках. Калі дазваляюць фінансы, бібліятэка арганізуе падпіску на дадатковыя асобнікі як мага больш шырокага спектра перыёдыкі. З жалем мне

распавялі пра тое, што фактычна немагчыма арганізаваць камплектацыю бібліятэкі перыядычнымі выданнямі, якія выходзяць па-за межамі краіны. Гэта тычыцца апошнім часам і «Народнай волі», і «Салідарнасці», і шэрагу іншых незалежных газет, якія вымушаны друкавацца не ў Беларусі. Іх бібліятэка атрымлівае ў якасці падарунка ад рэдакцыяў ці чытачоў, зацікаўленых у тым, каб недзяржаўныя выданні былі даступныя шырокаму колу людзей.

Пэўнага адказу, хто ж выдаткоўвае грошы на арганізацыю падпіскі для бібліятэк Мінска, я так і не пачула. Гучалі дзве асноўныя версіі — упраўленне культуры Мінгарвыканкома і аддзелы культуры райвыканкомаў, якім падпарадкоўваюцца бібліятэкі.

Ншмеснік загадчыка ўпраўлення культуры Мінгарвыканкома па тэлефоне інфармацыю даваць не пажадаў, а ад сустрэчы адмовіўся, спаслаўшыся на заняцасць перад Новым годам. Таму так і засталася без адказу пытанне: да якіх жа дзяржаўных органаў (што самі жывуць за нашы грошы і культурныя ўстановы на іх утрымліваюць) звяртацца, каб забяспечыць бібліятэкі незалежнай прэсай? Аднак з упэўненасцю магу сказаць, што калі вы самі перадасце ў сваю бібліятэку падшыўкі недзяржаўных газет, то верагоднасць таго, што іх змогуць пачытаць і іншыя, будзе 50 на 50.

Ці патрапяць незалежныя выданні ў «алмаз»?

Горкі юбілей

**Прайшло, адгрукатала 80-годдзе Беларускага радыё.
Толькі многія з былых і нават сённяшніх
супрацоўнікаў дзяржаўнага эфіру назвалі гэты юбілей
«святам для абраных».**

Неўзабаве мне патэлефанаваў Мікалай Рэнт, былы галоўны рэдактар рэдакцыі вяшчання на Мінск і Мінскую вобласць.

— Быў на юбілеі?

— Не, не запрасілі.

— Мяне таксама, — не хаваў роспачы «радыст», які аддаў сваёй справе амаль сорак гадоў жыцця. З дапамогай Рэнта, дарэчы, стваралі сігналы дакладнага часу, што гучаць і дагэтуль.

— Ведаеш, — абураўся ён, — я звязаўся з кіраўніком ветэранскай арганізацыі Дзмітрыем Марчанкам. А ён і кажа: «Што я зраблю, калі на ўсіх далі толькі 90 запрашальнікаў?» Вось я і думаю: для каго тое свята ладзілася? Для тых маладзёнаў, якія толькі што ўбачылі мікрафон, ці для нас — тых, хто ствараў і адбудоваў радыё?

«Адпрацаваны матэрыял»

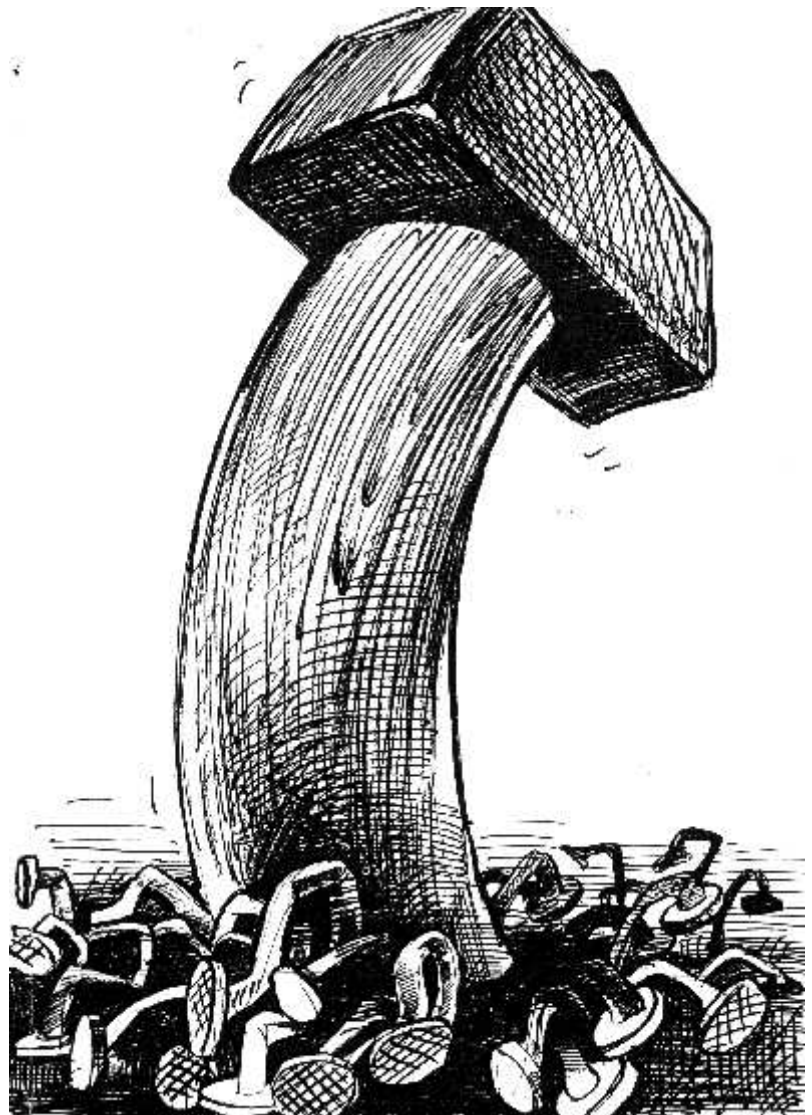
Мы яшчэ доўга размаўлялі з Мікалаем Іванавічам, і ён выказаў крыўду за крыўдай. Напрыклад, эфір напярэдадні юбілею нібыта праз сіта прасейвалі. Гэтаму дамо слова, а гэтаму — не. У выніку вядомыя радыёжурналісты засталіся па-за ўвагай. Іх і на юбілейных урачыстасцях не ўзгадалі. Як, зрэшты, і ўласных карэспандэнтаў, імёны якіх ведала ўся рэспубліка. Добра, што мінскія сябры каго-нікаго павіншавалі. І якая гэта была радасць для ветэранаў! Многія з іх поўныя творчых сіл, яны маглі б і сёння цешыць сваімі рэпартажамі і радыёнарысамі слухачоў. Але апынуліся, што называецца, за бортам жыцця. Напрыклад, Анатоль Палонскі з Брэста. Па невядомай прычыне кантракт з ім не падоўжылі, а годнай змены яму і сёння няма.

— А хто ўзгадвае сёння галоўнага рэдактара рэдакцыі

апошніх паведамленняў Міхаіла Валатковіча? — не сунімаўся Мікола Рэнт. — Ён столькі ў свой час зрабіў для калектыву радыё, для рэспублікі. У яго столькі ўзнагарод! А вось сышоў на пенсію — і нібыта не было і няма чалавека. Да ўсяго ён моцна захварэў. Сын, каб даглядаць бацькоў, кінуў працу. А як было жыць утрое на дзве пенсіі? Грошай толькі на лекі і хапае. Ты ведаеш, ён сказаў мне аднойчы: «Так хочацца сала ўдоставі па-

есці». З былой рэдакцыі ніхто да яго не зазірае. Хоць бы раз праведалі, гасцінец які прынеслі... Па радыё пра «высокія матэрыі» вяшчаюць, пра клопат аб пенсіянерах і дабрачыннасць. А ў саміх чорствыя душы...

Пасля эмацыянага, поўнага крыўды аповеду Мікалая Іванавіча я задумаўся: сапраўды, у гэтай ідэалагічнай «канторы» на словах — адно, а на справе — іншае. Пры былым старшыні Дзяржтэлерадыёкампаніі Ягоры Рыбакове, якога пазалетась пасадзілі за хабарніцтва ды злоўжыванне службовым становішчам, пра нас, ветэранаў рэспубліканскага радыёвяшчання, наогул забыліся. Ні капейчыны на «агародніну», ні рубля да святаў. Пры новым кіраўніцтве, калі прэзідэнт прызначыў старшыней сп. Мат-

вейчука, быццам пачалі ўзгадаваць, на «капусту» пенсіянерам аж па 25 тысяч адвалілі. Але вось парадокс: забыліся паведаміць пра гэта ветэранам! Некаторыя з іх пра «ласку» толькі праз месяц даведаліся. І тое выпадкова. А ёсць і тыя, каго ў спіс унесці забыліся.

Каго сёння ў Белтэлерадыёкампаніі цікавіць «адпрацаваны матэрыял»? Зазірніце ў тэатры музей — ён пра многае скажа. Напрыклад, вы не пабачыце тут фотаздымкаў былога кіраўніка тэлерадыёкамітэта Генадзя Бураўкіна. А ён жа столькі гадоў адпрацаваў, зрабіў шмат карыснага для таго, каб Беларускае тэлебачанне і радыё сталі сапраўды нацыянальнымі! Кажуць, што Генадзь Мікалаевіч мае зносіны з апазіцыяй і таму да яго адпаведнае стаўленне. А вось чым «насалілі» сённяшняй уладзе, скажам, В. Несцяровіч і В. Чанін? Яны ж даўным-даўно былі кіраўнікамі, «апазіцыя» тады яшчэ і не выспела. Але і пра іх — ні радка.

Пацярпеў за прымус «вертыкальшчыка»

Думаеце, толькі да ветэранаў ды пенсіянераў такое стаўленне? На Беларускім радыё тыя, каму за пяцьдзесят ці нават за сорок, — аб'ект публічных праяў раздражнёнасці кіраўніцтва. Жанчынак з дырэкцыі інфармацыі прымусілі звольніцца, высмеяўшы перад гэтым за тое, што ходзяць з «авоськамі» ды ў «стаптаных ботах». Нядаўна пачуў, што пачаліся наскокі на радыёжурналістку Ніну Каральчук, якая так выдатна рабіла перадачы «Адрасы дабрачыннасці», «Сельская раніца», «Вячэрнія зарніцы», «Вёска беларуская», «Падворак». У Ніны Іванаўны цудоўны радыйны голас, яна хораша размаўляе са сваімі героямі-вяскоўцамі, умее знайсці цікавага чалавека і «разгаварыць» яго. У Ніны Іванаўны два вельмі хворыя сыны, ды і ў самой праблема са здароўем, але яна бясконца ездзіць у камандзіроўкі, пры любых аб-

ставінах спяшаецца на працу, якую любіць. Аднак гэта некаму не даспадобы.

Сёння Каральчук дазволілі рыхтаваць толькі перадачу «Падворак», якую перанеслі на самы позні час, калі вяскоўцы ўжо адпачываюць. Больш таго — «маладыя ды раннія» рацы дасведчанай журналістцы ўвогуле сысці з эфіру і стаць стылістам. Хіба ж гэтак варта цаніць вопыт, майстэрства і самаахвярнасць?

Нешта падобнае адбылося і з Аляксандрам Шаўко. Многія памятаюць яго як вядучага «Радыёфакта». Але камусьці з кіраўнікоў не спадабаўся ягоны голас. А потым і паводзіны. Знайшлі «вольнасць», за якую прымусілі пісаць тлумачальную, гразіліся перавесці на другую праграму. А разгарэўся сыр-бор вось праз якую недарэчнасць. Аляксандр Мікалаевіч прасіў аднаго абласнога кіраўніка выступіць па актуальнай праблеме. Сказаў, што на тое атрымана «дабро» з Адміністрацыі прэзідэнта. Насамрэч не было той «адмашкі» — але ці ж тое вялікая бяда? Для справы стараўся журналіст, бо іншага «вертыкальшчыка» ў радыёстудыю сёння ланцугом не зацягнеш. Аднак з мукі зрабілі слана, і вымушаны быў Аляксандр Шаўко шукаць новае месца працы.

Расказваю пра гэтыя факты так падрабязна і з болей таму, што з Беларускага радыё выганялі і выганяюць дасведчаных спецыялістаў, тых, хто мае сваю думку і прафесійную годнасць. Калі сыходзіла на іншае месца працы вядомая журналістка Таццяна Малмыга, намеснік старшыні Белтэлерадыёкампаніі кінуў наўздагон:

— Бач ты, у яе «свой пункт гледжання» на нашу дзейнасць, на нашы праграмы! Гэткія нам не патрэбны.

Непатапляльныя камбінатары і безабаронныя прафесіяналы

Зусім не выпадкова тыя, каму за сорок, таленавітыя, але

не скораныя журналісты вымушаны былі звольніцца ці працуюць сёння на другой праграме. Яны робяць перадачы, якія б упрыгожылі першы «нацыянальны» радыёканал, дзе аўдыторыя слухачоў значна большая. Але на першым — свае кадры, падабраныя па прынцеце «каб было ціха» ды пакорлівыя.

З журналістамі не падпісвалі кантракты за тое, што... рэдактар насіла гумаваы боцікі. Што ў адказнага сакратара ад палення чорныя зубы. Такіх дзівосаў была процьма. А першы намеснік старшыні Аляксандр Саламаха па-ранейшаму кіруе і робіць выгляд, што ён не меў дачынення да здзеклівых рэпрэсій супраць журналістаў, рэжысёраў, дыктараў. Хаця пад кожным кантрактам стаіць яго подпіс.

Гэты кіраўнік увогуле «не бачыў» шмат чаго. Напрыклад, махінацый з ганарарамі з боку аднаго са сваіх падначаленых, які курывраваў Дырэкцыю праграм. Саламаха «схапіў яго за руку» толькі тады, калі захісталася крэсла пад «магілёўскім хлапчуком», галоўным тады тэлерадыёначальнікам. Вось тут маўчун і паказаў свой характар. Маўляў, бачыце — і я змагаюся са злодзеямі! Але пакаралі па сутнасці невінаватых, а выкрыты камбінатар спакойна ўладкаваўся ў іншую «ідэалагічную кантору», кіраўнік якой піша найноўшую гісторыю Беларусі.

Затое выкінутым «па ўзросце» ці з іншых прычын «шараговым» супрацоўнікам не дазволена нават іншы раз завітаць у Дом радыё, каб сустрэцца з калегамі, пагутарыць. Пропуск на ўваходзе не падпісваюць. У кіраўніцтва адзін адказ: няма ім чаго тут рабіць!

«Няма чаго рабіць» на Чырвонай, 4 і тым, каго яшчэ ўчора называлі адказнымі супрацоўнікамі, настаўнікамі маладых рэпарцёраў. Паказальная гісторыя былога кіраўніка рэдакцыі сацыяльна-эканамічных праграм Яўгена Казюкіна. Ён стаяў ля вытокаў такіх папулярных радыёперадач, як «Пасля змены», «Увайсці ў кожны

дом», «На хвалі часу», «У абедзенны перапынак». Да нядаўняга часу разам з Аленай Швайко рабіў праграму «Беларусь — Расія», якую адзначылі Ганаровай граматай і прэміяй Парламенцкага сходу Расіі і Беларусі. Журналіст за ўсе 39 гадоў працы на радыё не меў ніводнага спагнання! Але пад канец годнай кар’еры атрымаў ад «новага» кіраўніцтва характарыстыку (прадстаўленне), дзе спрэс — адзін негатыў. Дарма, на мой погляд, Яўген Фёдаравіч не падаў іск у суд за абразу гонару і годнасці...

Хаця, трэба меркаваць, такая характарыстыка з’явілася не выпадкова.

Як ні дзіўна, але батарэйкі да старых магнітафонаў журналісты радыё набываюць за ўласныя грошы. Дарэчы, як і паперу, бо «казённай» выдаюць мізэр. Казюкін сказаў пра гэта Саламаху, Аляксандру Пятровічу тое не спадабалася.

Потым — яшчэ адзін эпізод. На Беларускім радыё скарацілі службы машыністак, апэратараў, якія выконвалі мантаж аўдыёзапісу, і ўсю тэхнічную працу ўзвалілі на плечы журналістаў. Зразумела, без іх згоды, без даплат за сумяшчальніцтва. Канешне, гэта ўсіх абурыла. Яўген Фёдаравіч патэлефанаваў у Міністэрства працы і сацыяльнай абароны насельніцтва, дзе адказалі: ваша кіраўніцтва сур’ёзна парушыла працоўнае заканадаўства, пішыце ліст, будзем разбірацца. Ліста ніхто не напісаў, пабаяліся звальнення. Але пра званок стала вядома кіраўніцтву радыё, якое ўзяло за правіла пазбаўляцца ад нязгодных з «генеральнай лініяй».

Праўда, новы (і ўжо былы) старшыня Белтэлерадыека-

паніі У. Ф. Матвейчук разабраўся з тым «дакументам» і падоўжыў кантракт з апальным журналістам. Радыйнае кіраўніцтва праглынула «пілюлю», але паразы не даравала. Прозвішча Казюкіна забаранілі называць у эфіры, з радыёсюжэтаў загадалі выразаць пытанні, зададзеныя Яўгенавым голасам. Нават песню, якую разам з кампазітарам Ігарам Лучанком Яўген Казюкін напісаў да

і нямоглых калег. Гэтак жа па-свінску паставіліся і да легенды Беларускага радыё Уладзіміра Юрэвіча, які вёў перадачы ў 30-я гады і ў час Вялікай Айчыннай вайны. Гэта ён стварыў чудаўную праграму «Жывое слова» і амаль 40 гадоў быў яе аўтарам.

Ну, і хто сказаў, што няма Рыбакова, які на карані нішчыў мараль і чалавечнасць? Засталіся на радыё яго папелінікі, тыя, хто пераняў ягоны «стыль», хто неаднойчы балываў з ім на Чырвонай, 4 з вечара да раніцы.

І яшчэ адзін штрых да карціны таго, што адбываецца ў ДOME радыё сёння. Рыбакоў хацеў ушчэнт панішчыць фундавую фанатэку. Не ўдалося. Але працэс, як кажуць, пайшоў. Некалі бясцэнныя запісы далёкіх гадоў перапісвалі на дыскі. Сёння тая работа закінутая. А магнітафонная стужка псуецца, ператвараецца ў труху. І тыя, хто рыхтаваў цікавыя перадачы да юбілею радыё, пабачылі гэтую бяду на свае вочы. Больш не прагучаць у эфіры непаўторныя, знакамітыя галасы, нельга ўжо будзе адчуць подых гісторыі. Гэта — недаравальнае злачы-

ства перад нашчадкамі, перад памяццю тых, хто ствараў беларускае радыё.

Нехта са славетых сказаў: мы павінны ўзяць з мінулага агонь, а не попел. Але гэтага агню так баяцца новаспечаныя кіраўнікі! Таму і робяць выгляд, што ён для іх, як і ўсё чалавечнае, — непатрэбшчына.

*Анатоль ЧАЧОТКА,
радыёжурналіст*

юбілею Беларускага радыё, не пусцілі ў эфір.

Іх не грэе — паліць той агонь!

Незалежная «Народная воля» ўжо пісала пра выбітнага дыктара Беларускага радыё Мікалая Чырыка і ягонае пахаванне. Пра тое, што ў Белтэлерадыекампаніі не знайшлося аўтобусаў, каб на развітанне з ветэранам прывезці састарэлых

Не сотвори себе кумира

Чем дальше от нас уходит в прошлое СССР, тем меньше мы обращаемся к его истории, особенно к ее истокам. Не секрет, что сегодня многие школьники затрудняются ответить на вопрос, кто такой В. И. Ленин, кем были те или иные его соратники. Это с одной стороны. С другой — все настойчивее у некоторой части, скажем так, старой гвардии проявляется желание вновь вернуться в «славное прошлое», рассказать молодежи о том, какими самоотверженными и чистыми были борцы за народное счастье в далекие революционные годы, какой прекрасной и полной романтики была наша история.

Не секрет, однако, что великие образы наших вождей для последующих поколений вполне сознательно лакирова-

лись. То есть были искусственно созданными. Более-менее беспристрастны лишь воспоминания современников — особенно

непричесанные цензурой, честные и «литературно не обработанные». Как бы взгляд со стороны, пропущенный через внутреннее «Я».

В 1995 году в издательстве «Современник» впервые в России была издана книга «Среди кремлевских вождей». Ее автор, Георгий Есецкий, выступающий под псевдонимом Соломон, представитель почтенной дворянской фамилии, в конце XIX века, соблазнившись сладкой мечтой о переустройстве мира, примкнул к социал-демократическому движению России. За блестящий ум и образованность Георгий Соломон (Исецкий) пользовался и у Ленина, и в партии безусловным авторитетом. Но, столкнувшись с безграничной наглостью большевистской верхушки, цепной коррупцией в кремлевских коридорах власти, разграблением национальных богатств страны и абсолютной аморальностью в быту целого ряда кремлевских вождей, он ступил, как говорят сегодня, на путь инакомыслия. В 1923 году Георгий Соломон стал, по нынешней терминологии, одним из первых невозвращенцев. В 1930 и 1931 годах в Париже вышли две его книги — «Среди кремлевских вождей» и «Ленин и его семья (Ульяновы)», которые и опубликовало издательство «Современник» под одним названием «Среди кремлевских вождей».

После Октября Георгий Соломон работал первым секретарем Берлинского посольства, затем — консулом в Гамбурге (и одновременно в Штеттине и Любеке), затем — заместителем народного комиссара внешней торговли в Москве, далее — полномочным представителем народного комиссариата внешней торговли в Ревеле и, наконец — директором «Аркаса» (частный акционерный шведский банк под контролем РСФСР) в Лондоне. С последне-

го поста он и ушел 1 августа 1923 года.

В предлагаемом читателю материале мы приводим некоторые из воспоминаний Георгия Соломона о своей работе у большевиков.

1907 год. Брюссель. Приезд Ленина

В день прибытия Ленина Менжинский (после смерти Дзержинского председатель ГПУ) вызвался встретить его на вокзале и проводить в небольшой ресторан, где я всегда обедал и где должен был ждать их обоих — час был обеденный...

Они пришли. Я увидел сперва болезненно согнутого Менжинского, а за ним увидел Ленина. Мне бросилось в глаза одно обстоятельство, и я даже вскочил... Менжинский был очень болен. Его отпустили из Парижа всего распухшего от болезни почек, почти без денег. Мне удалось кое-как и кое-что устроить для него: найти своего врача и пр., и спустя некоторое время он стал поправляться, но все еще имел ужасный вид: с набалдашниками под глазами, распухшими ногами... И вот при виде их обоих: пышущего здоровьем, самодовольного Ленина и всего расслабленного Менжинского, — меня поразило то, что последний, весь дрожащий еще от своей болезни и обливающийся потом, нес (как оказалось) от самого трамвая громадный, тяжелый чемодан Ленина, который шел налегке за ним, неся на руке только зонтик.

Я вскочил и вместо приветия прибывшему бросился скорее к Менжинскому, выхватил у него из рук вываливающийся из них чемодан и, зная, как ему вредно таскать тяжести, накинулся на Ленина с упреками. Он растерянно стоял передо мной, осыпаемый моими дружескими укоропизмами. Я поторопился усадить его, и первыми словами, обращенными мною к Ленину, были негодующие упреки:

— Как вы могли, Владимир Ильич, позволить ему тащить чемоданище? Ведь посмотрите, человек еле-еле дышит!..

— А что с ним? — весело-равнодушно спросил Ленин. — Раз-

ве он болен? А я и не знал... ну, ничего, поправится...

В моей памяти невольно зарегистрировалась эта черта характера Ленина: он никогда не обращал внимания на страдания других, он их просто не замечал и оставался к ним совершенно равнодушным...

* * *

Отмечу одно обстоятельство, которое, наверное, удивит читателя, не знавшего Ленина как оратора на публичных собраниях. Он был очень плохой оратор, без искры таланта: говорил он, хотя всегда плавно и связно и не ища слов, но был тускл, страдал полным отсутствием подъема и не захватывал слушателя. И если тем не менее, как это было в России и до большевистского переворота, и после него, толпы людей слушали его внимательно и подпадали под влияние его речей, то это объяснялось только тем, что он говорил всегда умно, а главное — тем, что он говорил всегда на темы, сами по себе захватывающие его аудиторию. Так, например, выступая еще в период Временного правительства и говоря толпе с балкона Кшесинской, он касался жгучих самих по себе для того момента тем: о немедленном мире, о переходе всей земли в руки крестьян, заводов и фабрик — в руки рабочих, необходимости немедленного созыва Учредительного собрания и пр. Естественно, что толпы, состоявшие из крестьян, рабочих, солдат, бежавших с фронтов, и матросов, впитывали в себя его слова с восторгом...

* * *

Ленин был очень интересным собеседником в небольших собраниях, когда он не стоял на кафедре и не распускал себя. Перед вами был умный, с большой эрудицией, широко образованный человек, отличавшийся изрядной находчивостью. Правда, при более близком знакомстве с ним вы легко подмечали и его слабые, и, скажу прямо, просто отвратительные стороны. Прежде всего отталкивала его грубость, смешанная с непро-

ходимым самодовольством, презрением к собеседнику, особенно инакомыслящему и не соглашавшемуся с ним... Он не стеснялся в споре быть не только дерзким и грубым, но и позволять себе резкие личные выпады по адресу противника, доходя часто даже до форменной ругани. Поэтому, сколько я помню, у Ленина не было близких, закадычных, интимных друзей. У него были товарищи, были поклонники — их была масса, — боготворившие его чуть не по-институтски и все ему прощавшие.

Ленин был особенно груб и беспощаден со слабыми противниками. Его «наплеизм» в самую душу человека был в отношении таких оппонентов особенно нагл и отвратителен. Но сколько-нибудь сильных, не поддающихся ему противников Ленин просто не выносил, был в отношении их злопамятен и крайне мстителен, особенно если такой противник раз «посадил его в калошу». Он этого никогда не забывал и был мелочно мстителен...

* * *

Горе предводителю, который вел народ к известной туманной точке, вел, сам не веря в ее реальность, но убеждая, что она существует и видна, как путеводная звезда. И еще больше горе и несчастье тому народу, который частью уверовавший в обман, а большую частью подгоняемый дружиной такого вождя, шел за ним. Обман обнаружился, мираж исчез, и путеводная звезда оказалась расколотым корытом жизни. Но те, кто стоял рядом с вождем и кто всеми силами, искренне или неискренне, с усердием приближенных рабов, или глупых, или главным образом лукавых, проводил взгляды вождя, пользуясь за это первыми местами, не могли, конечно, не возмутиться, когда из уст его услышали слова, шедшие вразрез со всем тем трафаретом, с которым они уже свыклились и эксплуатация которого обеспечивала им и на будущее (как им казалось) власть и могущество.

И вот мы видим, что уже с самых первых попыток Ленина, своими выступлениями с новыми положениями подготавливавшего умы к повороту вправо (речь идет о нэпе. — А. Е.), «апостолы и ученики» его возмущались духом и, чувствуя уже за собой силу, стали критиковать своего «учителя» и, основываясь на его же первоначальных проповедях и речах, от которых

кистская, шляпниковская и пр., лидеры которых ведут свою проповедь, исходя и развивая ее от прежнего «учения» своего вождя. Они его именуют «Великим Учителем»...

Разыгравшиеся у «дружинников» аппетиты и к власти, значению, и просто к самым грубым наслаждениям были уже сильнее влияния ослабевшего и с каждым днем все более падаю-

правят преступники и душевнобольные.

Все, что я видел и испытал за время моей службы, ясно показывало, что господа положения, все вообще и каждый в отдельности, стремились лишь к осуществлению узеньких идеальцев своего собственного маленького «я», не останавливаясь ни перед чем. И, похерив как ненужную роскошь всякую мораль, или, вернее, заменив ее первобытной, оголенной от всего гуманитарного моралью (хорошо, когда я украду, и плохо, когда у меня украдут), наши деятели не могли не стать на почву мелкой зависти, ревнивой боязни, что другой, а не он урвет лучший кусок. А отсюда один шаг до интриг, кляуз, группирования в шайки бандитов, взаимного подсиживания, взаимной великой провокации и коллективного грабежа — всего того, что мы видим теперь в советской жизни нашего Отечества. Отсюда и великое чело-веконенавистничество, попира-ние свободы личности, тюрьмы, произвол, казни...

В то время партия количественно была невелика — не помню, из какого числа членов она состояла. Знаю только, что в ней сравнительно мало было так называемых «рабочих от станка», — несмотря на все привилегии, рабочие неохотно шли в партию... И вот ЦК решил «широко открыть двери» всем желающим. Была назначена «ленинская неделя», в течение которой все желающие, в первую очередь рабочие, могли свободно записываться в партию.

Приведу пример одного такого собрания, где мне довелось председательствовать. Ораторы следовали один за другим. Речи кончились. Я сделал краткое резюме и пригласил всех, желающих войти в партию, записаться у секретаря собрания, у столика которого образовался хвост. Я сошел с эстрады. Ко мне стали подходить с вопросами «клиенты».

он теперь так же настоятельно старался отвлечь всех и вся, стали выпрямлять и углублять его «линию», толкая и его, и других к старой, уже избитой дороге прежних «основоположений». И уже в этот подготовительный момент к необходимости поворота среди дружины возникли секты, или расколы, и появились разные «опозиции»: трое-

щего вождя. На него уже не обращали внимания, и, как в башне, умирающего льва лягали все, не исключая и ослов...

Он умер. «Безбожное» правительство и такая же партия канонизировали его и приготовили из его брэнного тела кощунственные «мощи»...

Несчастливая Россия, несчастный русский народ, которым

— А правда ли, товарищ, бают, что кто запишется, тем будут выдавать пайки, сахар, крупчатку, ботинки? — спросила меня одна женщина.

— За что будут выдавать? — притворяясь, что не понимаю ее, и желая выяснить себе мирозерцание этой «клиентки», спросил я.

— Ну, как за что? — бойко отрапортовала она. — Известно, за что — за то, что мы согласились, вошли в вашу партию, что теперь вашу руку будем тянуть. Знамо, не зря тоже, это мы понимаем... — тараторила она при поддакивании друг их.

До позднего вечера шла эта запись... на крупчатку, сахар... Партия не росла, а патологически пухла.

Со всех сторон России получались корреспонденции о происходивших на местах собраниях, о глубоком впечатлении, произведенном на массы «этим отеческим» (вспоминаю слова одной корреспондентки) жестом ЦК партии. Словом, «штандарт скакал», пустоплясы ликовали.

Прошло немного времени, и в партии начались жалобы и нарекания на этих новых коммунистов. И тогда была назначена «чистка», и «грозная, беспощадная метла партии вымела из нее всех примазавшихся к ней», как вновь с ликованием пустословили и кричали казенные писатели «свободных» советских газет. И снова скакал штандарт!

Истощенная войной с союзом центральных держав, истощенная гражданской войной и все возрастающей экономической разрухой, наша родина переживала не поддающиеся описанию ужасы. Население дошло в своих лишениях и бедствиях, как мне, очевидцу их, по временам казалось, до предела нечеловеческой скорби, мучений и отчаяния.

Промышленность стояла. Земледелие — тоже. Бедствовали города, которым кое-как сводившее концы с концами крестьянство не хотело давать ни за какие деньги хлеба и других продуктов. Свирепствовали реквизиции, этот узаконенный новой властью разбойный грабеж. Все голодали, умирали от

свирепствовавших в городах и в деревнях эпидемий. Не бедствовали только высшие слои захватчиков, эта маленькая командная группа, в руках которой были и власть, и оружие. Они жили в условиях широкой масляницы, обжираясь продуктами, отнимаемыми у населения.

* * *

После приезда в Москву я переехал во Второй дом советов, как была переименована реквизируемая гостиница «Метрополь». Гостиница эта, когда-то блестящая и роскошная, была новыми жильцами обращена в какой-то постоялый двор, запущенный и грязный. С большими затруднениями мне удалось получить маленькую комнату в пятом этаже. В «Метрополе» так же, как и в других первоклассных отелях, по распоряжению советского правительства могли жить только ответственные работники, по должности не ниже членов коллегии, с семьями и высококвалифицированные партийные работники. На самом деле отель был заполнен разными лицами, ни в каких учреждениях не состоявшими. Сильные советского мира устраивали своих любовниц («содкомы» — содержанки комиссаров), друзей и приятелей. Так, например, Склянский, известный заместитель Троцкого, занимал для трех своих семей в разных этажах «Метрополя» три роскошных апартамента. Другие следовали его примеру, и все лучшие помещения были заняты разной беспартийной публикой, всевозможными возлюбленными, родственниками, друзьями и приятелями. В этих помещениях шли оргии и пиры. С внешней стороны «Метрополь» был как бы забаррикадирован — никто не мог проникнуть туда без особого пропуска, предъявляемого в вестибюле на площадке перед подъемом на лестницу дежурившим день и ночь красноармейцам.

«Метрополь» был запущен, и в нем царилась грязь. Я не говорю, конечно, о помещениях, за-

нятых сановниками, их возлюбленными и пр., — там было чисто и нарядно убрано. Но в стенах «Метрополя» ютились массы среднего партийного люда: разные рабочие, состоявшие на ответственных должностях, с семьями, в большинстве случаев люди малокультурные, имевшие самое элементарное представление о чистоплотности. Мне нередко приходилось видеть, как женщины, ленясь идти в уборные со своими детьми, держали их прямо над роскошным ковром, устилавшим коридоры, для отправления их естественных нужд, тут же вытирали их и бросали грязные бумажки на тот же ковер. Мужчины, не стесняясь, проходя по коридору, плевали и швыряли горящие еще окурки тоже на ковры...

Таковы гримасы внутрипартийной и вообще советской жизни. Мы ясно понимали, что Россия и ее народ — это в глазах большевиков только определенная база, на которой они могут держаться и, эксплуатируя и истощая которую, они могут получать средства для попыток организации мировой революции. Мы понимали, что борьба в лоб, при завоеванных уже большевиками позициях, бесцельна и осуждена на провал. Мы понимали, что они, худо ли, хорошо ли, но спаяны крепкой спайкой, состоящей из сплетения личных эгоистических интересов, как бы известной круговой порукой, общим их страхом перед тем, что они натворили и еще натворят, и что это положение обязывает их цепко держаться друг за друга, то есть прочно и стойко организовываться и хранить свои организации и дисциплину, как бы жестока она ни была, ибо в них заключается их личное спасение от гнева народного.

Перед нами стояла российская современность в широком понимании этого слова, не помнящая родства, все забывшая, готовая все ломать и губить...

*Подготовил к публикации
Александр ЕГОРОВ*

Легко ли жить с журналистом?

Коллеги любят повторять категорично: «Настоящая журналистка должна выбирать или работу, или семью!» Многие уверены, что образ жизни журналиста-профессионала несовместим с нормальными отношениями в браке. Семейный психолог Алла Нефедова над такими предрассудками смеется: «На «уровень счастья» в семейной жизни влияет не профессия одного или обоих супругов. И журналист в семье может быть очень даже положительным фактором. А может — и отрицательным».

Юлия ДРАНЧУК

Алла Нефедова уже «лечила» семьи некоторых из наших коллег, но имена-фамилии, естественно, не называет.

— Однажды ко мне обращалась жена журналиста. Главной семейной проблемой она считала частые командировки мужа. Супруга чувствовала себя одинокой и сравнивала себя с женой капитана дальнего плавания. При этом сама она не работала. Логично, что, сидя дома с маленьким ребенком, да еще и при частых отлучках мужа, она ощущала одиночество и в какой-то мере «брошенность». На самом деле проблема была не в командировках ее супруга. Те же негативные эмоции часто присутствуют в семейной жизни людей, которые проводят вечера и выходные вместе. Одиночество вдвоем — одна из очень распространенных проблем сегодняшних семей.

— **Логично предположить, что если журналистов в семье двое, то взаимопонимание должно быть большим — ведь профессиональные интересы одинаковы.**

— Это не всегда так. Чаще всего ко мне обращаются женщины — мужчины менее склонны идти к специалисту,

рассказывать о своих внутренних переживаниях, обсуждать варианты выхода из кризиса. Но однажды моей клиентке благодаря нашим общим усилиям удалось убедить мужа прийти ко мне. Они оба были журналистами. Работали в разных изданиях. Наталья рассказывала, что вечером ей хотелось обсуждать происшедшее на работе за день, советоваться

— **И что же сказал муж, придя к Вам?**

— Благодаря тестам на личностные характеристики мы выяснили, что он в принципе не очень лояльно относится к критике в собственный адрес. По большому счету, у него был так называемый комплекс превос-

— Важно вовремя объяснить близкому человеку, что работа, карьера — это не менее важная сфера жизни, чем наши личные отношения. Я не могу и не хочу выбирать что-то одно. Если работа неразрывно связана с командировками, значит, так надо. И воспринимать это надо как факт, а не как повод к конфликтам. Кроме того, на мой взгляд, в моих постоянных разъездах есть и плюс — мы не успеваем надоесть друг другу. У нас всегда есть о чем поговорить, чем поделиться, есть свежие новости, накопившиеся за это время.

Радиожурналист Егор Майорчик

по поводу своих достижений и советовать самой. Советы ей муж давал с удовольствием, но как только она пыталась делать то же самое в отношении его работы (а особенно если начинала, пусть и мягко, но критиковать) — возникал конфликт. И сам он совета никогда не просил. В семье началась стадия отчуждения.

ходства. По сути, он воспринимал жену как соперника и конкурента. Хотя работали они в разных изданиях и их профессиональные интересы лежали в разных плоскостях — то есть, даже если бы они не были супругами, «драться» за тему и лидерство им не нужно было бы.

Пришлось «покопаться» в семейной истории. И выясни-

лось, что за четыре года совместной жизни роль жены в этой паре очень изменилась. Муж был старше Натальи на несколько лет. Когда еще студенткой та делала только первые шаги в профессии, он уже был опытным журналистом. Соответственно, чувствовал себя безусловным лидером, опекающим Учителем, «гуру». Эта ситуация для него была комфортна. Они поженились. А дальше... ученица выросла и стала ему ровней. Да еще и советы давать начала! И критиковать иногда. Вот тут у него и произошел внутренний конфликт — признать, что теперь они одинаково хороши, ему было сложно.

— Но ведь общая профессия должна повышать уровень взаимопонимания?

— На первый взгляд, общие интересы — это хорошо. С другой стороны, человек целый день варится в сфере информации, читает-смотрит-слушает новости, ищет для себя тему и так далее. А потом приходит домой и... начинается вторая серия того же фильма.

— То есть не хватает элементарного отдыха?

— Именно. Термин «отдушина», который весьма любят мои клиенты, для многих обо-

— Муж «по интересам» — это прекрасно!

*Людмила Шестак,
журналист*

значает желание абстрагироваться от рабочих вопросов, стрессовых ситуаций. И если человек устроен таким образом, что от семейной жизни ждет домашнего уюта, то состояние «рабочий режим — 24 часа в сутки» для него будет дискомфортным.

— И в чем же выход?

— Социологи и психологи регулярно пытаются составить рейтинг самых стрессовых профессий. Критерием здесь выступают частота сердечных заболеваний, состояние здоровья в целом, склонность к алкоголизму и участие в ДТП. Надо сказать, что со временем ситуация

несколько меняется, и на первое место выходят иногда самые неожиданные профессии. К тому же рейтинги, составленные в разных странах, существенно отличаются друг от друга.

По данным английских психологов из университета в Манчестере, самая стрессовая — профессия шахтера, на втором месте — полицейские, а вот третьи поделили строители и журналисты. В России — свой взгляд на проблему нервного истощения на работе. Там профессиональный стресс наиболее часто встречается и ярко выражен у тех, кто вынужден постоянно контактировать с людьми.

По сведениям английских ученых, у лиц коммуникативных профессий нетрудоспособность почти в половине случаев связана со стрессом. Установлено, что один из факторов синдрома «выгорания» — продолжительность стрессовой ситуации, ее хронический характер.

А вот самой «антистрессовой» неизменно регулярно называют работу преподавателя йоги.

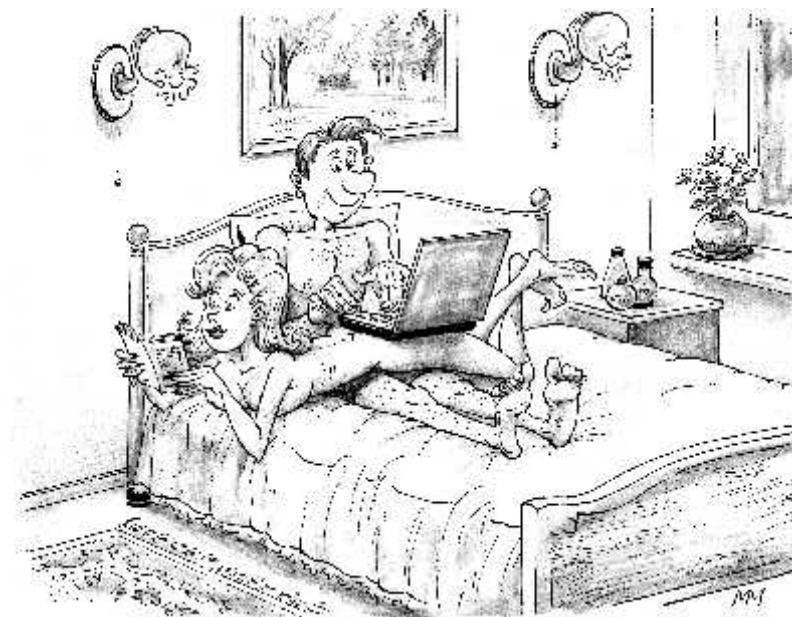
лес. Противопоставить постоянному общению тишину, многолюдности — одиночество в хорошем смысле этого слова и так далее.

— А в Беларуси, на Ваш взгляд, есть специфика моей профессии с точки зрения психологии?

— У нас, скорее, работает социальный фактор. Если не ошибаюсь, за последние два года были закрыты десятки изданий. Это означает дефицит рабочих мест для журналистов. Что логически влечет за собой стресс для потерявших работу, утрату уверенности в завтрашнем дне, конкуренцию и тенденцию к снижению оплаты — ведь при отсутствии работы люди готовы трудиться за меньшие деньги.

— Значит, профессия журналиста — фактор риска для семьи и душевного комфорта?

— Это слишком категоричное утверждение. Каждый человек делает свой выбор. И кем бы он ни был по профессии, он в силах изменить свое отношение к

Логично предположить, что, выбрав такую беспокойную профессию, как журналистика, человек должен уравновесить ее каким-то умиротворяющим хобби. Поддержать свой организм и психику занятиями йогой, регулярными поездками в

жизни и своей роли в ней таким образом, чтобы чувствовать себя комфортно.

Другими словами, если вы не можете изменить ситуацию, измените отношение к ней. Кажется, для нашей страны это более чем актуально.

Газеты моладзі не даспадобы

Алена АРЦЁМЕНКА

Сёння цяжка спрачацца з тым, што беларуская моладзь не чытае газет. Можна доўга разважаць — чаму? Можна спасылацца на канкурэнцыю з боку інтэрнета ці тэлебачання. Яны, маўляў, інфармуюць больш якасна. Часцяком яшчэ кажуць пра абыякавасць сучаснага пакалення. Маўляў, маладых, акрамя іх саміх, у свеце не хвалюе нічога.

Але, безумоўна, падставы для «нелюбаві» да газет даюць і самі выданні. У друкаваных медыяў хапае плюсоў, і калі інфармацыя даецца цікава, якасна і з густам, яна спажываецца «на ўра». Чытанне газет — своеасаблівая асалода. Сапраўды, прыемна адчуваць пах і чуць шамаценне паперы, гартаць старонкі... Але на перагортванні зараз часцей за ўсё справа і канчаецца. Позірк бяжыць па палосах у пошуках, за што б зачэпіцца, і з разбегу ўтыкаецца ў крыжаванку — апошняя старонка...

Цяжка заразас знайсці выданне, на якое адгукнулася б сэрца. Хацелася б уступіць з аўтарам у дыялог, можа, нават у спрэчку — але на адной мове, у адной сістэме вартасцяў. Хочацца размаўляць з жывым чалавекам, а не з «палітыкай выдання», ад якой пах ідзе на кіламетр.

І «пах» вялікай колькасці перапісаных газет адпужвае, асабліва моладзь, і без таго ўжо стомленую ад павучанняў і ўсялякіх выхаваўчых захадаў. Калі газета павінна дапамагаць чытачу «глядзець на свет», дык пакажыце нам штлсьці новае! Але гэтак, як быццам мы ўбачылі тое сваімі вачыма.

Аднак «палітыка выдання» вызначае змест матэрыялаў і дзяржаўных, і недзяржаўных

СМІ. А варыянты «вольнасцяў» настолькі нешматлікія, што выбіраць, сапраўды, няма з чаго.

Акрамя вольнасцяў, блізкага да свайго, вектара позірку, у газетах мы, зразумела, шукаем новую інфармацыю. І, на жаль, зазвычай не знаходзілінічога смачненькага. Палітычныя тэмы, якія маглі б быць самымі цікавымі, раскрываюцца настойліва аднабакова, і гэтакімі «перажаванымі навінамі» мы ўжо перакормлены. У кожнага выдання ёсць свой любімы герой-асілак, якому прысвечаны ўсе палітычныя матэрыялы. Яны заўсёды размяшчаюцца на першых старонках і ўражанне ад іх

старой памяці тое прымае, нас гэтым ужо вельмі цяжка закрунуць: дзякуй Богу, ад савецкіх звычак паступова пазбаўляемся. Расейская праблематыка нам падаецца неактуальнай, мы ставімся да яе значна больш абыякава, чым журналісты. Нам такое не смачна.

Але ўзнікае адваротная праблема: каб айчыныя культурныя і сацыяльныя з’явы былі для нас цікавымі і значнымі, трэба да іх «прысмакавацца». А асвятляюцца яны так млява, што і гэта мы не ўспрымаем як сваё. Такім чынам, змест газет не супадае з інфармацыйнымі патрэбамі маладога беларуса.

Яму ў друкаваных выданнях не застаецца амаль нічога, акрамя спорту і тэхнікі. Хлопцы часцей за ўсё на гэтым у выбары прэсы і спыняюцца. Дзявочыя праблемы ўсюды падобныя, таму дзяўчаты спажываюць гламурныя казкі з расейскіх часопісаў. Адсюль і ўзнікаюць меркаванні пра нашу абыякавасць і сацыяльную пасіўнасць.

А каму ж не хочацца быць наперадзе, у самай гушчы падзеяў? Хто не жадае чытаць пра свае праблемы і мажлівасці іх вырашэння?

Атрымліваць першым самую цікавую інфармацыю, каб потым падзяліцца ёю з сябрамі? Малады чалавек шукае дынамікі, руху, каб жыццё біла фантанам. Але ў газетах ён гэтага не знаходзіць. Каб моладзь з ахотай чытала друкаваныя матэрыялы, нашыя выданні павінны звярнуць увагу на густы і патрэбы «спажываўцоў». Мы чакаем ад газет свежасці і актуальнасці інфармацыі, свабоднага погляду на свет і разнастайнасці «соусаў», пад якімі гэта ўсё падаецца.

Смачна есці!

складваецца ўстойлівае. Хіба ж рэдактары не ведаюць, што адбываецца, калі чалавек няспынна карміць адным і тым жа? У лепшым выпадку ў пэўны момант перахоцацца.

Што датычыцца «не палітыкі», часцей за ўсё інфармацыйнае поле забітае расейскімі праблемамі і тэмамі. Мабыць, гэта ўплывае савецкая звычка слухаць, што кажа Масква, цікавіцца падзеямі ў Расіі больш за свае. Гэта адчуваецца шмат у якіх сучасных газетах. І калі старэйшае пакаленне па